

"Город пахнет тобою..."

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Imanka

Город пахнет тобою

В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Море улыбок и море желаний,

Времени нет и нет расстояний.

Воздух вокруг ни на что не похожий,

Нет ни машин, ни случайных прохожих,

Есть только ты и я.

Когда ты плачешь,

Помоги мне, я не знаю, что мне делать.

Может в птицу превратиться и улететь.

Когда ты плачешь,

Помоги мне, помоги мне, помоги мне

В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Там где я был или там где я буду,

Я никогда о тебе не забуду.

Это любовь или мне это снится,

Солнце встает и обратно садится

В наших с тобой глазах.

В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Есть только ты и я.

Глава 1

— Мадемуазель?

— Отель Парк Хаятт на Рю де ла Пэ, пожалуйста. — Я пристегнулась и устало вытянула ноги,

проклиная неудобные туфли и высокие каблуки.

Шофер ответил что-то особо витиеватое, но я не поняла ни слова, лишь улыбнулась и устала в окно невидящим взглядом, мечтая забиться куда-нибудь под сиденье и проспать пару вечностей, чтобы никто не трогал. Голова не думает вообще. Отключается от чужой речи. Мозг просто перестал быть декодером. Хотелось побиться головой о стекло, чтобы стряхнуть с себя эту липкую, обволакивающую сознание усталость. Кошмарно...

Когда я договаривалась в родном издательском доме о новом графике работы, вместо изначально планируемого мною увольнения вообще, то и не предполагала, что будет настолько тяжело физически. Иногда организм отказывается принимать во внимание новые правила игры и глушит уставшее сознание какими-то одному ему известными способами. Я просто отключаюсь, как отключается телефон, у которого разряжается батарейка. Вот уже полгода я мотаюсь между Европой и Москвой как минимум раз в месяц, приезжая в Москву на день-два, максимум три, затем лечу обратно в какой-нибудь незнакомый город, куда в очередной раз контракт закинул мое чудовище. От слова «чудо» между прочим! Причем Европа — стала каким-то абстрактным нечто в моем сознании, одинаковая во всем, отличающаяся лишь языками. Несколько раз было, что я терялась, в какой стране нахожусь, удивлялась, когда с кем-то пыталась поговорить на французском, а потом оказывалось, что это испанский. Я стала сильнее любить славян, потому что их языки немного похожи на русский, и мой мозг не занимался переводами и дешифровками, радостно улавливая знакомые слова и выражения. Я безумно устала от этих бесконечных переездов, фальшивых улыбок, потных лиц фанатов и пренебрежения к себе некоторых товарищей из теперь уже нашей команды. Если бы не Билл, я бы давно сдалась, призналась, что слабая, что устала и хочу домой, можно к маме. Хотя нет, в Канаду не хочу. Хочу в свою уютную двухкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте в высотке с башенками, издали похожую на замок. Да, я живу в замке. С башенками. Под самым небом. Как настоящая принцесса. И из окна видно всё-всё-всё мое королевство, самое красивое и большое королевство в Европе, рядом с которым блекнут и Париж, и Рим, и Берлин с Гамбургом вместе взятые. Только вот принц у меня оказался бродячим. Все время в дороге. И я теперь все время в дороге, рядом с ним — не бросать же принца одного, еще найдет себе другую принцессу, поговорчивее, посимпатичнее, не такую наглую и ненормальную. Мой принц видный. Самый красивый, самый нежный, самый лучший, самый настоящий принц. Другого такого нет. Вернее есть, точная копия. Но он — друг, самый лучший друг на свете, самый заботливый, самый мужественный, самый терпеливый. Я за ним, как за каменной стеной. И, наверное, если бы у меня не было принца, я бы обязательно вышла замуж за его брата. Мы бы родили двух принцесс, наряжали их в пышные платья, а любимый папа играл бы с ними в лошадку и подарил бы каждой пони.... Это не я придумала, это он мне как-то рассказал.

— Мадемуазель? — легко дотронулся до моей руки шофер, привлекая внимание к тому, что мы уже приехали.

Я вынырнула из своего бреда. Кажется мне пора к доктору с такими мыслями. Крыша тихо покидает насиженное место и собирается в теплые края... Я достала из бумажника несколько купюр и, не глядя, сунула их водителю. Боже, эдак от усталости я скончаюсь раньше времени. Надо больше спать.

— Простите, — растянула губы. — Хорошей дороги.

Мою сумку подхватил носильщик. Я растерянно огляделась — у входа в отель стояли размалеванные девочки, десятка два. Холодно же еще ночевать на улице, дурехи... По толпе волной пронеслось мое имя. Дьявол, сейчас начнется. Надо было позвонить Тоби и попросить

встретить у машины... Я заставила себя улыбнуться, тряхнула головой, скидывая с лица волосы. Меня фотографировали, в спину неслись какие-то ругательства на плохом русском. Девочки явно поднатаскались в русском мате, но не правильно его употребляют, глупышки. Эх, я бы вам показала, как им правильно пользоваться, если бы было можно. Из толпы вывалилась какое-то чудище и истерично заорало мне в лицо:

— Грязная сука!!!

Я вздрогнула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки. Ее тут же отпихнул консьерж. Пришлось нацепить на лицо самую презрительную усмешку, глянула на ненормальную и гордо продефилировала к распахнутым дверям. Хотелось показать им всем средний палец, послать по-нашему, по-русски, красиво и с эпитетами. Но нельзя. Никакой агрессии к фанатам. Потом мои факи облетят весь мир, и всё фанатье будет визжать, какая я тварь, а мне еще и Йост по голове настучит — мы любим своих фанатов, даже если иногда они напоминают буйных психов в период обострения. Впрочем, фанатам и не надо показывать никаких факов, они без повода визжат обо мне с завидной регулярностью. Билл категорически запретил мне заходить на фанатские сайты — не хочет, чтобы я расстраивалась. Я ухмыльнулась. Ах, девочки, если бы вы знали, к кому через пару минут ваш кумир будет сонно лезть целоваться, кого будет гладить по волосам и щекотать ухо смешным «Машенька», вы бы не дали мне пройти эти десять шагов до двери в отель, размазали по начищенному мрамору. По телу пронеслась теплая волна возбуждения. Как же я по нему соскучилась.

— Мадемуазель, извините, — суетился вокруг консьерж. — Это фанатки, сами не знают, что творят. Они даже меня ревнуют к своим кумирам, — хохотнул наигранно. Станиславский бы сказал: «Не верю!»

Я кивнула. Еще немного и грохнусь в обморок посреди холла. Ноги опухли. Новые туфли безумно жмут. Я вообще не могу идти. Разуться что ли? Мое появление в окружении группы полгода назад вызвало такую волну негодования среди фанатов, к какой я была не готова даже в самых ужасных своих прогнозах. Мы с ребятами четко обговорили, что наши отношения с Биллом — тайна за семью печатями, они нигде и ни при каких условиях не афишируются. Мария Ефимова — переводчик. Точка. Я сама по себе для всех. Просто работник. Переводчик-синхронист. О наших отношениях знали только несколько человек из охраны, которых Билл просил присматривать за мной, по сути назначив их моими телохранителями. Для меня всегда снимался отдельный номер, из которого я потом тихо выскальзывала среди ночи, и, стараясь не шуметь, шла к Биллу, или куда он тайно пробирался, чтобы заснуть рядом со мной, уткнувшись носом в волосы, прежде поцеловав в уголок губ. За эти полгода мы ни разу не прокололись. Днем на людях я то и дело играючи цапаюсь с Биллом, отчего непосвященным кажется, что мы ненавидим друг друга, демонстративно игнорируем, недовольно разбегаемся по разным углам. Но как только выпадает свободная секунда, как только мы остаемся одни, то тут же лезем друг к другу целоваться, ласкаться, обниматься. Билл использует любую возможность, чтобы коснуться меня, посмотреть, подразнить. Мы понимаем друг друга с полувзгляда. Иногда он говорит, что я для него словно Том — одного взгляда достаточно, чтобы понять мысли и предугадать желания. Сам Том, впрочем, кажется, тоже понимает все наши взгляды и желания. Он прикрывает понимающую улыбку рукой, строит смешные рожи, закатывает глаза, типа я всё вижу. И охраняет наши отношения, принимает удары на себя. Днем я всегда держусь ближе к Тому. Мне так спокойнее и надежнее. Он оберегает меня и опекает, защищает перед всеми. Больше нет того глупого самовлюбленного самца, способного уложить в постель одним движением брови, есть мужчина, который многое берет на себя, ограждает от всех, хранит. Георг тоже постоянно трется рядом, отвлекает слишком пристальное внимание от меня и Билла на себя, купировает неудобные вопросы, переключает на другую тему. Вечерами мы с ним любим поболтать, пофилософствовать. Я в силу специфичной

профессии журналиста, люблю послушать и пораспрашивать. Я знаю о нем такое, чего не знают самые близкие друзья. Мы шушукаемся, сидя в гостиной турбаса или фойе гостиниц, что-то тихо обсуждаем и строим планы, как удрать из-под бдительного ока охраны и посмотреть очередной европейский город (Билл не любит гулять, он любит развлекаться). С Густавом же все наоборот. С Густавом я болтаю так, что, кажется, на языке появятся мозоли. Густу слушает, задает вопросы, иногда что-то записывает в своем дневнике и делает умное лицо. Ему нравится слушать о путешествиях, особенностях разных стран, спорить до хрипоты, искать что-то в Интернете, чтобы доказать «этой русской выскочке», что она балда. Самое смешное, слово «балда» Густу произносит с таким очаровательным акцентом, как будто это нечто огромное, мягкое и пушистое, в которое хочется зарыться носом и вдохнуть аромат ванили. Я залиvisto хохочу, Густу смеется надо мной, а Билл бросает на нас ревнивые взгляды, а потом мягкой кошачьей походкой охотящегося ягуара подходит и садится рядом (а нечего хихикать без него!). И тогда я прижимаюсь к нему, трусь щекой о подбородок, а он целует меня в макушку и крепко сжимает руку. Фанатки и не догадываются, что все их вопли о том, что я не простой переводчик и сплю с Биллом, что Детка безумно в меня влюблен — правда до последней буквы. Они не знают одного — от огласки наших отношений его удерживает только беспокойство за мою жизнь. Но справедливости ради надо отметить, фанатки «укладывают» меня в постель ко всем, включая Дэвида... Дэвид по этому поводу жутко злится, ругается, иногда приобнимает меня за плечи и, хитро прищурившись, спрашивает, не хочу ли я попробовать. Билл из-за этого впадает в бешенство. Но я делаю очень большие глаза, наивно хлопаю длинными ресницами, обиженно выпячиваю нижнюю губу и тоном оскорбленной девственницы произношу: «Герр Йост, как можно, у меня контракт, в котором написано, что за половые отношения внутри коллектива вы меня уволите? Герр Йост, я не хочу, чтобы вы меня увольняли! Потерять такую работу — лучше сразу убейте!» Герр Йост довольно смеется, чмокает меня в щеку и отпускает. Группа тоже смеется. Громче всех обычно ржет злой Билл. Потом кидает в мою сторону какую-нибудь гадкую шутку, получает не менее гадкий ответ и на несколько минут вроде бы успокаивается. А когда его никто не видит, он показывает мне взглядом на дверь. Билл — собственник, он не может допустить, чтобы хоть кто-то касался меня и тем более делал такие предложения. Ему надо немедленно доказать, что он лучший, зацеловать, заласкать, чтобы и мыслей променять его на другого в моей голове не возникало. Но против Дэвида он ничего не может сделать. Только громко раздраженно ржать. И кидать на продюсера испепеляющие взгляды. Для всех Мари Ефимова — переводчик-синхронист. Свободная и независимая. Только так. Точка.

— Мари, — поднялся из кресла Тоби, заулыбался. Замер, сладко потянулся. — Наконец-то... Я чуть не заснул.

— Да самолет... — устало махнула рукой. — В Москве гроза, вылет отложили. Как у вас тут? Как концерт?

— Все отлично. Билл немного капризничает. Не нравится мне все это.

— Почему? Что-то случилось? — Лифт мягко тронулся и плавно понес нас на четвертый этаж.

— Он так себя ведет, когда заболевает. Ему сразу всё не так становится. Я все его примочки знаю. Если младший Каулитц ни черта не ест, вялый и капризный, значит, пора вызывать доктора Клауса.

— А сам он что говорит?

— Ничего он не говорит. — Тоби указал пальцем на дверь: — В этом номере Том, там в конце коридора Густав и Георг, первая дверь за поворотом слева — Билл. Твой номер в другом крыле.

Я покрутила головой — в коридоре никого. В другое крыло я не дойду физически, если только Тоби не согласится отнести меня туда на руках. Но тогда мы с Биллом увидимся только завтра. Охранник понял меня сразу же. Отпустил носильщика. Дальше мы шли вдвоем.

Тоби вставил магнитный ключ в щель, открывая дверь номера Билла. Я забрала у него сумку.

— Мы выезжаем послезавтра в семь утра. Завтра свободный день. Во сколько вас разбудить?

— А во сколько Билл разрешил его будить?

— Он просил его не кантовать и при пожаре выносить первым.

Я улыбнулась.

— Посмотрю, как и что, а там позвоню тебе на мобильный, хорошо?

— Спасибо, Тоби, — я с благодарностью посмотрела на него.

— Отдыхайте, — он повесил табличку на ручку, чтобы не беспокоили.

Первый делом, я сняла туфли. Надо же было так неудачно выбрать обувь... Ноги сейчас отвалятся. Номер был небольшим, судя по пробивающимся из окон полоскам света. Оставив вещи в темной прихожей, я на ощупь прошла вглубь. Источник света тут явно есть, но такой слабый, что ничего не видно вообще. Наткнулась на невысокие кресла с круглыми спинками, добралась до слабо освещенной постели, на краю которой в позе эмбриона сжался Билл. Это было вдвойне странно хотя бы еще потому, что он за все время нашего совместного проживания никогда не позволял себе лечь спать, не дождавшись меня. Так устал за сегодня?

— Би, — опустилась перед ним на колени, осторожно пальцем убирая волосы с его лба. Не спит — дыхание выдает. — Устал? Совсем тебя вымотали? — губы коснулись горячей щеки.

Он сжал мои пальцы, поднес их к губам.

— Что с тобой? — я опять его поцеловала, но в этот раз задержала губы на коже. Горячая... Дотронулась до лба. Горячий. Руки — холодные. — Слушай, да у тебя температура!

— Только не говори никому, — хрипло ответил он.

— Что-нибудь болит? — нахмурилась я.

— Горло. Мне кажется, я простыл. Сходи к Тому, у него есть необходимое лекарство. Он знает. Скажи, что у меня горло болит. Он даст.

— Может врача?

— Том. У него все есть для таких случаев.

Я никуда не пошла, просто набрала номер Тома. И через две минуты он разгневанной гадюкой шипел на брата, что тот безмозглый урод. Оказывается два дня назад Билл съел все мороженное, что у них было в турбасе. Ему, видите ли, было жарко. Теперь ему тоже было жарко. Но совсем по другому поводу.

— Как съездила? — спросил Том, когда необходимые микстуры были выпиты, вонючие мази намазаны, а тонкие шеи укутаны в шерстяные платки.

— Ужасно, — честно призналась я. — Устала...

— У нас тоже был чертё что, а не концерт. Билл чуть не свалился с лестницы, вывихнул руку, две песни переврал... Дэвид орал полвечера... Присмотришь за ним, ладно? Я на ногах не держусь... — Том мягко прижал меня к себе и провел рукой по спине. — Утром дай ему таблетки, которые я на столе оставил, и столовую ложку микстуры. Это хорошо сбивает простуду. Мы уже пробовали. Спокойной ночи. Рад, что ты вернулась. Всего пять дней прошло, а как будто целая вечность.

— Я тоже по тебе скучала, — улыбнулась в ответ.

Но ни утром, ни к обеду, Биллу легче не стало. Он плохо спал ночью, днем старался не говорить, шумно глотал и имел самый несчастный вид. Я отпаивала его чаем и медом, который натырила в ресторане. Билл вяло капризничал. Том старался шутить, но плохое настроение брата передалось и ему. Он на чем свет ругал их близнецовую связь, утверждая, что вот и у него теперь всё болит, нервно расхаживал по номеру и заламывал руки, причитая, что с таким горлом Билл петь не сможет. А горло, надо сказать, было не просто красным, оно было малиновым, даже я понимала, что это очень плохо. И температура то и дело поднималась почти до тридцати девяти. Билл сидел на кровати мокрый, нахохлившийся, словно маленький воробушек.

— Ну чего ты истеришь? — прошептал парень, глядя на метания брата. — Концерт только послезавтра, вылечимся. В прошлый раз помогло и в этот поможет.

— В прошлый раз у тебя не было такой температуры! Это явно ангина! — всплеснул Том руками. Сейчас он был в шортах по размеру и майке без рукавов. Дреды небрежно перетянуты парой дредин с висков. Я видела его всяким, и в одних трусах в том числе, но сейчас он был особенно красив. Эх, томоадепты померли бы от счастья, увидев Тома настоящим и без дурацких балахонов, под которыми скрывается прекрасное тело.

— Мальчики, надо звать врача и не заниматься самолечением, — с трудом оторвалась от разглядывания его загорелых рук. — Билл, Том прав, это ангина...

— Это ларингит. Мне больно глотать, голос пропал. Ларингит. Я знаю...

Я выразительно посмотрела на Тома, всем своим видом показывая, что здесь явно нужен врач, мы бессильны. Он кивнул, вздохнул и вышел из номера.

— Ну и зачем ты его послала за врачом? — свернулся калачиком Билл, натягивая на себя одеяло.

— Откуда ты знаешь? — поправила я ему подушку.

— Мы же близнецы. А все близнецы телепаты.

— Пока что я вижу тут психопатов, а не телепатов, — фыркнула с улыбкой. Села рядом и мягко дотронулась до его губ.

Билл закрыл глаза, целиком отдавшись поцелую. Рука скользнула под юбку, прошлась по обнаженному бедру, забралась под тонкую резинку стрингов. Низ живота тут же наполнился теплотой.

— Послушай, эта песня про нас. — Я тихо начала напевать по-немецки привязавшийся

мотивчик русской песни, переводя ее на ходу и радуясь незамысловатости текста:

— В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Море улыбок и море желаний,

Времени нет и нет расстояний.

Воздух вокруг ни на что не похожий,

Нет ни машин не случайных прохожих.

Есть только ты и я.

Там где я был или там где я буду,

Я никогда о тебе не забуду.

Это любовь или мне это снится.

Солнце встает и обратно садится

В наших с тобой глазах.

— Про нас, — прошептал Билл, лоя мои губы своими. Он мягко их ласкал, кончиком языка касаясь моего языка, скользил по зубам, по губам. Нежно. Аккуратно. Билл был горьким на вкус из-за выпитой недавно таблетки — он зачем-то ее разжевал, прежде чем проглотить, потом долго отмывал язык, что мало помогло. Я гладила его по впалому животу, не опускаясь ниже на трупы. Он легко возбуждался, а сейчас придет Том с врачом и стояк нам совсем ни к чему.

— Я так по тебе соскучился, — пожаловался Билл, утыкаясь носом в мою ладонь, целуя запястье.

Меня волной накрыла бесконечная нежность. Я быстро пропустила длинные волосы сквозь пальцы и возбужденно выдохнула ему в губы, всасывая их и так же резко отпуская.

— Люблю тебя безумно.

— А я еще и хочу тебя, — ответил он с улыбкой. Многозначительно покосился вниз.

— Потом. Сейчас тебя полечим, а потом...

— Тук-тук! — раздался из коридора звонкий голос Георга. — Внимание, мы заходим. Считаю до трех. Два уже было.

Я резко одернула юбку и села так, чтобы не светить бельем. Билл подполз ко мне ближе и положил голову на колени.

— Можно? — вежливо поинтересовался Густав.

— Заходите, — хихикнула я.

— А то мало ли чем вы тут занимаетесь, — игриво сверкал глазами Георг.

Ребята пожали руку Биллу, чмокнули в щеку меня.

— Том искал Клауса. Заболел? Горло? — спросил Густав, возвращаясь к перегородке, отделяющей прихожую от спальни.

Билл расстроено кивнул.

— Надеюсь, ничего серьезного, — покачал головой Георг. — Скажи ему, что это у тебя от стресса на вчерашние вопли Йоста. А то нашел на ком зло сорвать.

— А что случилось? — я автоматически перебирала прядки, где-то в самой глубине сознания отмечая, что темно-русые волосы отрасли и уже видны светлые корни.

— Звук вчера был плохой, Билл фальшивил все время, горло драл. Только к концу кое-как наладили, эхо постоянно было. А Йост наехал на Билла, словно это он виноват.

— Ну, он был где-то прав, — прошептал Билл. — Хотя при нормальном звуке, я бы не сорвал голос. До конца еле дотянул.

— О, док! Приветствую! — донеслось из коридора. — Дейв, привет! Как дела?

— Это я у вас хочу узнать, как у нас дела?

Я резко сорвалась с места и плюхнулась на место Георга, который тут же переместился на подлокотник. Сердце бешено застучало в ушах. Все-таки хорошо, что у нас такая дружная компания. Если бы не Густав, все бы пропало. Йост на формальном собеседовании четко дал понять, что будет за нарушение контракта. И дело было даже не в этом чертовом контракте, мне бы не хотелось, чтобы окружающие знали о том, что я сплю с солистом — на работе не гадят. Билл сделал вид, что лежать поперек кровати в неудобной позе и без подушки — его любимое развлечение. В номер вошли наш врач, продюсер, Том и Густав.

— Ну и чего тут все собрались? — буркнул Дэвид. — О, фрау Ефимова нас соизволила осчастливить своим присутствием и сразу же в курсе всех дел.

— Я тоже соскучилась по вам, герр Йост, — ехидно улыбнулась я. — Без вашего ворчания мой день считается прожитым зря.

— Как же мне нравится, что хоть кому-то мое ворчание по душе, — заулыбался он, пожимая мою руку. — Что там у нас, Маркус?

— Ларингит, — оторвался от разглядывания глотки Билла доктор Клаус.

— Послезавтра должен быть здоров, — строго глянул на него Йост.

— Исключено, — покачал головой Маркус.

— Это не мои проблемы. Билл, ты помнишь о концерте? — Билл вздохнул и опустил голову. — Ну вот, Маркус, Билл помнит о концерте. В вашу задачу входит поставить его на ноги к послезавтра.

— Дэвид... — протянул врач.

— Я могу дать тебе телефон организаторов, — пожал Йост плечами, поворачиваясь к выходу. Сделав пару шагов, остановился и очаровательно посмотрел на меня: — Мари, пойдём выпьем кофе? Я угощаю.

Я открыла рот, чтобы отказаться или сослаться на важное дело, но Георг опередил:

— Прости, Дэвид, но Мари обещала показать мне Париж. Ты же знаешь, я без ее французского заблужусь под Эйфелевой башней.

Я не сразу поняла, в чем шутка. Лишь изумленно захлопала ресницами, переводя взгляд с одного на другого. Какая приятная неожиданность!

— Вот так какой-то мальчишка увел у меня прекрасную девушку, — картинно всплеснул руками Дэвид.

— Вы еще подеритесь, — тихо огрызнулась я.

— Охрану возьмите, — великодушно отпустил нас Йост.

Я заметила вопросительный взгляд Билла. Георг самодовольно улыбнулся одним уголком губ, отчего на щеке выступила очаровательная ямочка.

— Ну, идем? — повернулся ко мне Георг, взял за руку и потянул из кресла. — Сейчас я только кроссовки переодену и деньги возьму, — потащил прочь из номера.

В коридоре он отпустил мою руку, кивнув в сторону своего номера. Пропустил в комнату, закрыл за собой дверь.

— В общем, я гулять и по магазинам, — переобувался он из шлепок в кроссовки. — Посиди тут, все уйдут, вернешься к Биллу, а то Дэвид от тебя не отстанет.

— Чего это он?

— Не знаю. Но он вчера весь издергался, почему тебя все нет. Позавчера про тебя вспоминал.

— Может поговорить хочет?

— Я его всю жизнь знаю, рожа становится слишком лощеной, когда про тебя говорит.

— Скажешь тоже, — рассмеялась я, а у самой внутри все сжалось от недобрых предчувствий.

— Не надо его дразнить. Дэвид против всяких романов у нас, но себе никогда не откажет в удовольствии. Странно, что он так долго приглядывался к тебе. Мы думали, что он раньше начнет.

— Да ну тебя, — скривилась я. Блин, если бы они мне раньше об этом сказали... Вот ведь черти!

— В общем, постарайся, чтобы рядом с тобой всегда был кто-то из нас, хорошо? Что тебе купить в городе?

— Что-нибудь на свое усмотрение. Хочу, чтобы это был сюрприз.

— Ключ вот тут, — Георг постучал ногтями по карточке. — Смотри телевизор, а я загляну

потом к вам. Позвоню тебе на мобильный, не отключай его.

— Обещаю, папочка, — кокетливо склонила я голову на бок. — Спасибо, что предупредил.

Когда дверь за Георгом захлопнулась, я прошла по номеру, ловко лавируя между раскрытыми чемоданами и разбросанными вещами. Кое-что собрала с пола и аккуратно развесила по спинкам кресел. Расставила обувь в одном месте. Георг не был неряхой, каким его вечно выставлял Том, он тщательно следил за собой, никогда не позволял выходить в люди в несвежей одежде, от него всегда приятно и вкусно пахло, и вообще он был очаровательнейшим парнем. Но Георг страдал той же проблемой, с которой мучилась я, — если он что-то искал, то просто вываливал все из шкафов и чемоданов на пол, чтобы потом скромно запихнуть всю одежду комком обратно. Я размышляла и прикидывала по времени, закончил ли врач процедуры, оставил ли Билла одного, можно ли уже идти. Еще и телефон забыла у него под подушкой, как назло. Через двадцать минут, я не выдержала. Набрала его номер. Трубку взяли быстро, но не было произнесено ни слова.

— Солнце, если у тебя кто-то есть, просто положи трубку. Если нет, открой мне дверь, чтобы я не стучала. — Вместо ответа, он чмокнул меня в трубку. Значит, ждет.

Потом мы валялись на кровати и болтали. Точнее говорила я, а Билл лишь поднимал брови и улыбался, слушая, как я съездила в Москву, как записывала передачи, как отвечала на каверзные вопросы в ток-шоу, в лицах показывая ему то представление. Полина просила меня замолвить словечко о новых концертах в России, я замолвила, долг выполнила, но еще дома объяснила подруге, что в перспективе американский рынок и говорить о России можно ближе к осени, а не сейчас, весной. Билл кивал, обещая, что обязательно приедет в Россию еще раз (раз уж я так его об этом прошу). Он целовал мои пальцы, прижимал ладони к щеке, закрывал глаза и наслаждался голосом. Он обнимал меня и просто лежал рядом, вдыхая аромат кожи. Проводил языком по шее, шумно выдыхал в ухо, посасывал мочку. Если бы он чувствовал себя хотя бы немного получше, то обязательно бы любил меня долго и страстно, ласкал без устали, вылизывал каждый сантиметр моей кожи. Но Билл болел, жаловался на слабость и головокружение, его знобило, а вместо мозга была настоящая овсянка. Я осторожно гладила его кончиками пальцев по бокам, ласкала спину, массировала плечи и затылок, как он любит, шептала приятные глупости баюкающим голосом, вслушивалась в дыхание, которое становилось все глубже и спокойнее. Мой мальчик засыпал, прижавшись ко мне всем телом. Засыпал довольным и счастливым. И пусть весь мир катится к чертям, ничто не должно нарушать сна моего самого любимого принца.

Глава 2

Настроение мне испортили уже с утра. Доктор Клаус сделал все возможное, чтобы Билл заговорил. И Билл заговорил. Вчера вечером он немного хрипел, но в целом говорил, хотя распеться так и не смог. Маркус лечил его горло, пичкал таблетками и внушал Йосту, что Билл петь не сможет, концерт надо отменять, а то и не один. Но ни Йост, ни тем более Билл с компанией категорически не хотели ничего слышать об отменах. При этом Дэвид перевел все стрелки на ребят, со словами: «Ну вот, они же сами против». Такой безответственности я еще никогда в жизни не видела!

— Вы совсем с ума сошли?! — не выдержала я, вскакивая. — Как он будет петь, если утром и слова вымолвить не мог?

— Бабам слова не давали! — тут же осадил меня Билл.

— Причем тут это? Ты говорить не можешь, тебе больно! Как ты собираешься петь?

— Бабам слова не давали, — раздраженно повторил он.

— Дэвид! Это безответственно! И ты это должен понимать лучше всех! Если он сорвет голос, то тур придется отменить. Лучше пожертвовать парой концертов, чем гробить...

— Мари, я могу дать тебе телефон организаторов, — невинным голосом завел Дейв старую песню.

— Давай! — разозлилась я, протягивая руку. — Давай, черт тебя дери! Я позвоню и договорюсь о переносе концертов на другое число! Или мы приедем в Монпелье и договоримся там...

— Господа, познакомьтесь, у нас новый тур-менеджер Мария Ефимова, — мерзко кривлялся Йост, развалившись в кресле и широко расставив ноги, перегородив узкий проход. Гинеколога на него нет! — А я подаю в отставку. Она все прекрасно знает и гораздо лучше будет справляться с моими обязанностями. Всё, я ухожу... — страдальчески закатил он глаза, изящно прикрыв их изогнутой кистью.

— Дэвид, из тебя дерьмовый актер, не позорься, — поморщилась я. — Билла надо пролечить, а не гасить симптомы. И Маркус правильно говорит, если он сейчас выйдет на сцену, это будет катастрофой для его убитого горла.

— Я же выступал с температурой под сорок, — скромно качнул ногой Том, оторвавшись на секунду от игры.

— Да, — кивнул Георг, резко поведя рукам по воздуху, словно это поможет избежать столкновения виртуальных машин. — Ах, черт! — воскликнул недовольно, бросил джойстик на диван. Том победно хихикнул — все-таки выбил его с трассы. Они перезагрузили уровень. — Я тоже выходил на сцену больным. Мари, это часть жизни артиста. Публике плевать, как ты себя чувствуешь, живешь ли ты, или умираешь, для нее важно, чтобы шоу продолжалось! — снова уткнулся в монитор.

— Что вы сравниваете? — схватилась я за голову. — Тебе пальцами струны дергать можно и без голоса. Я посмотрю, как ты их будешь дергать, если у тебе пальцы сломать!

Георг вздрогнул и посмотрел на меня осуждающе.

— Не дай бог, — буркнул Том, и мне показалось, что он сейчас перекрестится.

— Фрау Ефимова, по-моему, вы много на себя берете, — нахмурился Дэвид. Я уже знала, если он называет меня по фамилии, это не грозит мне ничем хорошим. Сейчас меня отсюда выгонят взащей.

— Извините, герр Йост, простое женское чутье. В России говорят: «Жадность фраера сгубила». Мне нечего к этому добавить. Разрешите откланяться.

Я развернулась и быстро покинула гостиную турбаса. Лучше пойду с водителем поболтаю, пока меня со злости не порвало в клочки от невероятной тупизны этих идиотских немецких мужчин. Что же я все никак не привыкну, а? Куда я вечно лезу? Вообще наши отношения с Йостом выглядели по меньшей мере забавно. Все всегда ходили перед душкой Дейви на цыпочках, ловили каждое слово и тут же кидались исполнять поручения. Лишь ребята общались с ним на равных, как с хорошим другом и учителем, и только я позволяла себе

наглость не просто спорить, но даже кричать на него, если считала, что он не прав. Ничего не могу с собой поделывать. Не воспринимаю его как начальника. Йоста такое положение вещей тоже явно веселило. Он заводился, как мальчишка-подросток, и начинал со мной пререкаться (ну любит Дэвид поговорить, как и я), хотя всегда мог заткнуть парой слов, лишь скромно напомнив о субординации. Но и тут мое упрямство пыталось оставить последнее слово за собой. Не получалось у меня по-другому! Всегда высказывала свое дурацкое мнение, и чтобы в бровь попало, и по глазу стараясь не промахнуться, и вообще чтобы по всему лицу размазалось! А Дэвиду нравилось, по роже лощеной видела, что нравится.

Минут через пятнадцать телефон ожил и завибрировал. Я открыла пришедшую от Билла смску. В ней было всего одно слово: «Скучаю». Не удержалась от презрительного фырканья, ответила: «А мне весело». Наш водитель как раз рассказывал «смешную» историю, как в прошлый раз фанатки кинулись под колеса турбаса, не желая выпускать группу из «отстойника». Честно говоря, почему Питера веселил факт наезда на детей, пусть и ненормальных, я так и не поняла, но хихикать за компанию было приятнее, чем думать о том, как через несколько часов Билл будет хрипеть на сцене. Дэвид — идиот, если позволит ему выйти к зрителям.

«А мне грустно :(» — пришло почти сразу.

«Впиши в райдер клоуна» — Нашел мне духовой оркестр, думает, я ему тут сейчас цыганочку с выходом изображу. Бабам слова не давали!

«Я тебя впишу себе в райдер»

«Ты меня себе не можешь позволить. Кури бамбук, Детка :-Р» — получил, фашист, гранату? Главное, вслух его так не назвать. А то потом замучаешься доказывать, что это у нас такая детская дразнилка, а не мое желание смертельно оскорбить его нацию. Меня тут за глаза зовут крэйзи рашн. Кто-то любя, кто-то с презрением. Так и говорят: «Куда, мол, эта крэйзи рашн делась?» Я сначала обижалась и не могла понять, за что мне все это, почему? Вроде бы на рожон лезу исключительно по делу, обычно веду себя тихо, особо не выступаю, за Томовой спиной изредка прячусь... А потом выяснилось, что назвать САМОГО Билла Каулитца тупоголовым ослом не за глаза, а при всех — это надо вообще не иметь головы на плечах. А скажите, как еще назвать Билла Каулитца, если его просишь не делать что-то, он все равно делает, получает по башке, и долго потом ноет, что я плохая, потому что не предупредила? Только тупоголовым ослом. Вот в прошлый раз видел же, что все с перепоя плохо выглядят, все разбиты, Том с вечера залупился на Георга (удивлюсь, если помнит по какой причине), у Густава болят суставы пальцев, ходит, мается, кремами-мазями руки мажет. Все в то утро были явно не в духе и совершенно не желали ни с кем общаться, расползлись по своим полкам-щелям, как тараканы. Так нет же, Билл согласился на интервью с фотосессией, от которой группа категорически отказалась накануне. Закатил скандал, что он действовал от имени группы и не собирается теперь отдуваться, что он тут фронтмен, и, стало быть, ему принимать решения. Группа очень быстро и невежливо объяснила, куда Биллу пойти. Вместо того чтобы сменить тактику, фронтмен-крутышка разорался еще громче. В итоге ребята снова разругались, едва не сцепились, а мы потом с Дэвидом улаживали этот конфликт — он с журналистами, я с мальчишками. Иногда кажется, что я на самом деле живу в Китайском общежитии — меня окружают говорливые, по утрам узкоглазые, вспыльчивые люди, которые временами несут какой-то непонятный бред.

«Если ты сию минуту не придешь ко мне, то я...»

«Напугал ежа голый задницей» — самодовольно хихикнула я и нажала «Отправить».

Шеи и плеч что-то коснулось. Я обернулась. Билл стоял сзади и шкодливо улыбался. В его кармане заиграла мелодия пришедшей смс. Он незаметно провел рукой мне по спине, несильно ущипнул за попу. За что тут же слегка получил локтем поддых. Вот и пообщались.

— Питер, когда остановка? — спросил он у водителя, как ни в чем не бывало.

— Укачало? Заправка через тридцать миль, но, если хочешь, остановимся здесь. Подышишь воздухом. Почти чистым.

— Ага, остановите, Питер. Давно у нас Густав траву не грыз с яйцами бычьих цепней и тяжелыми металлами, — не удержалась я от ехидства, вспомнив, что Густав большой любитель пожевать траву, растущую вдоль дороги. Вот хлебом его не корми, дай только сочную зеленую соломинку в рот засунуть.

— Меньше в обед съест, — ухмыльнулся Билл. — Вон какой толстый.

— Да тебе дай волю, ты его вообще будешь кормить три раза...

— Он и так ест минимум три раза.

— ...в месяц.

— Может ему витаминов не хватает? Минералов там... Солей... Вот и тащит в рот всякую дрянь, — задумчиво протянул Билл и мерзко хихикнул.

— Слышь, Каулитц, — неожиданно подал голос любитель соленой травы с глистами из-за занавески, которая отгораживала гостевое кресло за водительским сидением от салона. Упс... Как неудобно получилось... Ни я, ни Билл не заметили спрятавшегося от всех Густава. — Мне, может быть, и не хватает металлов и минералов, а тебе зубы не жмут, нет?

— Так, молодежь, брысь отсюда в салон! — прикрикнул на нас Питер. — Вы меня от дороги отвлекаете. Остановка на заправке. Без бычьих цепней красивые.

Густав задернул шторку и опять сделал вид, что его не существует. Билл воровато огляделся, толкнул меня на стену и жадно всосал губы, забравшись руками под футболку. Притянул к себе плотно-плотно и сладко выдохнул, зажмурившись.

— Только до гостиницы доберемся... — причмокивал он между словами, лаская грудь. Я дернулась, чувствуя, как возбуждение волной несется от кончиков пальцев, делает колени мягкими, щекочет живот и теплыми лучами пронизывает тело. Казалось, что эти лучи вырвутся наружу и раскрасят мир желто-оранжевыми красками.

Но с гостиницей вышел полный облом. Мы приехали в Монпелье глубокой ночью, отмахав больше девятисот километров за день, вымотавшиеся, уставшие, голодные и злые. У Билла опять поднялась температура, он был мрачен, глумлив и противен. Том мучился с животом и не отходил далеко от сортира, недобрыми словами вспоминая сэндвич, купленный на одной из заправок. Георг последние несколько часов пытался научить меня играть на гитаре, пока Том ее не отобрал и не разорался, чтобы мы перестали мучить несчастный, ни в чем не повинный инструмент. Густав все так же тихо-мирно читал, развалившись у себя на полке. Дэвид, услышав, как я мурлыкаю цоевскую «Восьмиклассницу» под мелодию, которую на ходу подбирал Георг, привязался к Биллу с идеей выгнать на сцену меня, если у того пропадет голос, типа нашли ему замену. Билл злобно шипел, фыркал и огрызался. Уже в гостинице выяснилось, что группа с продюсером и охраной останавливаются здесь, а все остальные едут в

другой отель — попроще и поближе к нашему завтрашнему месту работы. Меня посадили в другой автобус и помахали ручкой.

— Ну что ты орешь? — успокаивала я рычащего мне в ухо Билла, в который раз нервно пересекая малюсенький номер, натыкаясь на стул и пиная свой чемодан. — Я в курсе, о чем ты мечтаешь последние два дня. Я сама об этом мечтаю, но если мой номер в другом отеле, то как ты завтра объяснишь Йосту, как я попала в твой номер или зачем ты пришел в этот отель?

— Я устал! Я не могу без тебя заснуть! Я хочу обнять тебя, поцеловать и спокойно вырубиться!

— Билл, но это не такая уж большая трагедия, честное слово, если ты одну ночь поспишь без меня. Заодно выспишься.

— Я не хочу! Я и так без тебя спал целую неделю! Я не могу заснуть без тебя, ты моя персональная фея сна. Вот поцелую тебя на ночь и сразу же засыпаю.

Я почувствовала, как он топнул ногой и обиженно надул губы. А что я могу сделать? Не попрусь же я среди ночи одна по незнакомому городу не пойми куда? Могу, конечно, у меня ума хватит, но смысл? Я потом физически не доползу обратно. Да и Билла элементарно жалко гонять — он очень устал и не высыпается. Хотя, если попрошу, он приедет ради меня. Одно слово — и он через пятнадцать минут нарисуеться, я знаю. Очень хочется произнести его, попросить приехать, но не могу и не буду, пусть отдыхает.

— Ну, блин, иди к Тому. Обними его, поцелуй и спите вместе, — без всякой задней мысли предложила я.

Ответом мне была тишина недоумения.

— Ты читаешь ЭТУ ДРЯНЬ? — из трубки засочился яд и полыхнуло пламенем.

— Какую дрянь? — не сообразила я. — Ты же любишь подчеркнуть, что я для тебя, как Том. Вот и пусть сегодня Том немного побудет мною.

И тут до меня дошло, о какой дряни он говорит. Я закатилась, от смеха выронив трубку.

— Вообще-то я сегодня хотел заняться сексом, — спокойно сообщил Билл, когда я отсмеялась и вернулась к телефону, размазывая по щекам слезы.

Я представила себе реакцию Тома и снова загоготала. Билл обиделся и повесил трубку. Ну вот... И шуток он не понимает.

Концерт он смог дотянуть до конца. Чего это ему стоило — лучше не знать. Я с замиранием сердца стояла за кулисами и с ужасом вслушивалась, как он лагает на каждой песне, перекидывая часть текста на зал. Трудно представить, какое дерьмо завтра выльют на него мои французские коллеги. Йост сначала тоже слушал, потом засуетился, начал кому-то звонить. В примерке Билл возбужденно рассказывал, как несколько раз ему казалось, что всё — сейчас его кошмар станет реальностью. Голос осипший, словно он долгое время орал. Маркус лез к нему с какими-то препаратами. Я молча сидела у окна и нервно докуривала уже третью сигарету, размышляя, что в прошлом туре у него тоже были какие-то проблемы с голосом. Если тогда им удалось быстро восстановить Билла, то и сейчас все будет хорошо. Доктор Клаус один из лучших специалистов, он вытянет его. Впереди еще девять концертов в рамках тура, а потом... Я не знаю, сколько потом... Когда Билл впервые показал мне расписание, я довольно щелкнула языком и обозвала их халявчиками, сказала, что они слишком много отдыхают. Еще

смеялась над их с Томом вытянувшимися лицами. Билл вкрадчиво пояснил, что черные квадратики — это дни выходные, а вот белые... Я чуть челюсть не разбила о пол. Помню, что первой мыслью было — он же связки в хлам убьет... И вот сейчас моя шальная мысль наглым образом материализуется. Да они на Маркуса молиться должны!

И вновь в наш дом на колесах и в путь. Сто двадцать километров до Марсея. Это пара часов, если без приключений. А потом спать. В турбасе полно народу. С нами едет охрана, другие менеджеры, все галдят. Том что-то объясняет человеку с камерой, размахивает руками. Георг и Густав ужинают. Билл ругается с охраной, потому что опять на выходе из концертного зала их смяли. Просит как-то или усилить наши силы, или требовать металлических ограждений от организаторов. Я курю. Курю много. В голове крутятся слова Маркуса, брошенные в никуда за сценой во время концерта: «Хана связкам». Билл говорит. Пока говорит. Пока связки разогреты, разработаны. Что будет завтра? Это назойливой мухой кружит над головой, жужжит, мешает сосредоточиться. Хана связкам... Это же приговор для него. Он же живет сценой. Он, как вампир, питается энергией зала. Он не сможет без зрителей. Он которое утро не может внятно произнести ни слова, только к обеду что-то начинает бормотать, к вечеру более-менее разговаривается. Надо уговорить его отменить концерты, хотя бы два следующих, и восстановить голос, обследоваться нормально в клинике, проконсультироваться с врачами. Я постараюсь его уговорить... Пусть только нас оставят вдвоем, а уж я буду очень стараться...

Я соблюла все правила по уговариванию мужчин: он был сыт, вымыт, обласкан, умиротворен и собирался заняться сексом. Я нежно водила кончиками пальцев по плечам и груди, гладила шею, массировала кожу головы. Его губы были чуть тронуты улыбкой, а глаза прикрыты. Я нависла над ним, слегка касаясь животом и грудками обнаженного тела, медленно провела вверх, опустилась вниз, выгнулась кошкой, пощекотала грудь волосами, подразнила соски языком. Он обхватил меня за талию и притянул на себя, вынуждая лечь сверху. Мы долго и с упоением целовались, то страстно, стучаясь зубами, то лишь кончиками языков, едва касаясь губ. Его глаза светились любовью. Не важно, что он очень устал, что у него колоссальный стресс и проблемы со здоровьем, сейчас в его взгляде я читала ту самую любовь, которая родилась в нем почти год назад. Надо же... Почти год прошел, а сколько всего случилось. Он до сих пор гордится, что я бросила все ради него и прилетела на минуту в Париж на его концерт. Он до сих пор в лицах и на эмоциях рассказывает друзьям, как нас чуть не съели людоеды, как мы носились по горам и удирали на машине, а потом угнали самолет (по-моему ему никто, кроме Тома, так и не верит). Он до сих пор боится, что однажды я не захочу остаться с ним, уйду, что не удержит, уведут. И я каждый раз, когда нам удастся побыть наедине, стараюсь всем своим существом доказать ему, что он — мой принц, ради которого я бросила свой замок с башенками, и другого мне не надо. Я расцеловываю каждый миллиметр такого обожаемого тела, наслаждаюсь каждым его жестом, поворотом головы, взмахом ресниц. Я живу в их тени. Таю от его прикосновений. Умираю с его уходом и рождаюсь вновь с его появлением. Он мое персональное солнце, мой источник воздуха. Он — моя жизнь.

— Би, — я потерлась носом о подбородок и слегка укусила его. — Я переживаю за тебя. Доктор Маркус говорил с кем-то по телефону, он считает, что у тебя что-то серьезное со связками. Отмените пару концертов, пройди обследование.

— Нет, — неожиданно резко и агрессивно отстранился он от меня.

Я не отпускала его. Попыталась поцеловать, он не дался. Пристально посмотрел прямо в глаза, словно мысли отсканировал, и недовольно поджал губы.

— Послушай, я понимаю всё. Но голос дороже. Здоровье дороже. У тебя ужасный стресс, ты болеешь, организм ослаблен. Ему совсем немного надо, понимаешь? Чуть-чуть отдыха для

восстановления.

— Я знал, на что шел и что подписывал, — раздраженно отвернулся он, выпутываясь из моих объятий. Достал сигареты, закурил.

— Доктор Клаус просил тебя хотя бы не курить, — скривилась я. — Би, пожалуйста, послушай его. Он ведь врач, он лучше знает...

— Нет! Я сказал нет! И не лезь в мои дела! — зло зарычал Билл, вытаращив глаза.

— Би, я всего лишь не хочу, чтобы ты потерял голос. Нужен перерыв и лечение.

— И как ты себе это представляешь? Ты знаешь, какую неустойку мы заплатим? — он шумно выдохнул дым.

Я села на постели по-турецки и жестко произнесла:

— Неустойка от двух концертов будет в разы меньше неустойки от отмены тура. А если с твоим голосом что-то случится, то компания без раздумий выкинет тебя на улицу, как использованный презерватив. Ты уже решил, чем будешь заниматься, когда станешь немым?

Билл слетел с кровати, словно неожиданно увидел на моем месте гадюку. Взбешенно взмахнул руками, пытаясь что-то возразить, но от гнева не смог произнести ни слова. Схватил в охапку одежду и выбежал из номера, громко хлопнув дверью. Я расстроено обвела резко опустевшую комнату взглядом. В груди неприятно холодило, сердце щемило.

— Зайку бросила хозяйка... — тихо пробормотала я и горько усмехнулась. Это уже не шутки. Он и вправду окрысился на меня. Но может быть, я действительно лезу не в свое дело? Я ведь не знаю всех нюансов, он не рассказывает подробности контракта, может есть что-то, из-за чего он так рвется выступить, какие-то серьезные договорные обязательства с компанией, со спонсорами, со всеми. Но ведь он же останется без голоса... Ребята смогут выступить, а Билл... Он же ничего больше не умеет... Я упала на подушку.

Хана связкам — звучало в голове голосом доктора Клауса. С непередаваемым сожалением, с жалостью...

Хана связкам — было написано на крыльях огромной упитанной бабочки с лицом доктора Клауса, которая всю ночь гонялась за мной и орала нечеловеческим голосом: «Хаааа-нааа свяаааз-кааам!»

Хана связкам — разбудил меня утром птичий щебет из окна.

Ему сегодня нельзя выступать.

Глава 3

Завтракала я в одиночестве в баре с ноутбуком, который занял чуть ли не большую половину крошечного стола, отчего круассаны пришлось уплотнить, а блюдце из-под кофе вообще переставить на другой стол.

«Если вы внимательно разглядываете одну живую бабочку, то у вас на примете есть какое-то конкретное несовершеннолетнее существо, с которым вам бы хотелось вступить в сексуальный контакт» — вычитала я умную мысль на сайте толкования снов. Да, есть кое-какое конкретное

существо, с которым бы я на самом деле уже очень хотела наконец-то вступить в сексуальный контакт, а то при живом-то мужчине и голодная хожу — не порядок... Пугало несколько, что лицом моя бабочка была старая и явно не тянула на несовершеннолетнее существо... Я озадаченно почесала затылок и откусила кусок свежей булочки с ванильным кремом, стараясь не изгадить клавиатуру. На чем я остановилась? Несколько секунд тупо пялилась в монитор, пытаюсь поймать мысль собственного опуса, но как-то не пошло. Мониторингом и аналитикой с утра заниматься — себя не любить. Эх, надо себя заставлять... Я постаралась углубиться в анализ найденных данных, но на мое счастье тихо звякнул мессенджер и внизу весело замигало желтое письмо. Поинка пишет. Вот вечно меня все отвлекают от работы!

Кукла Наследника Тутти (11:12:03 14/03/2008)

Халоу, бэйбе!

Язва (11:12:07 14/03/2008)

И тебя туда же))))))

Кукла Наследника Тутти (11:12:13 14/03/2008)

Как оно?

Язва (11:12:16 14/03/2008)

Ничего. Бегаает.

Кукла Наследника Тутти (11:12:22 14/03/2008)

Все так же прекрасно?

Язва (11:12:25 14/03/2008)

Еще лучше! Ты как? Тебе эта старая гримза мои деньги отдала?

Кукла Наследника Тутти (11:13:03 14/03/2008)

По всякому. Звонила я с утра в твою шарашкину контору, денег они дадут на следующей неделе. Я договорилась.

Язва (11:13:09 14/03/2008)

Как на следующей? Они же вчера еще должны были все выдать! Поль, у меня ни копейки!

Кукла Наследника Тутти (11:13:38 14/03/2008)

Вот как тебе не стыдно, а? Вместо того, чтобы сказать: «Спасибо, Полина Викторовна, за беспокойство», ты на меня орешь.

Язва (11:13:45 14/03/2008)

Спасибо, Полина Викторовна, за беспокойство, но что за фигня?

Кукла Наследника Тутти (11:14:23 14/03/2008)

У них шеф уехал на похороны и не подписал бумаги для банка. Вся шарашка твоя сидит без денег, сказали на следующей неделе. Слушай, у тебя мужик миллионер, а ты из-за какой-то мелочи беспокоишься.

Язва (11:14:35 14/03/2008)

Фига себе мелочь! Два куска зеленью... Ты ж знаешь, что я не хочу от него зависеть. И так меня содержит, одел, обул, квартиру снял.

Кукла Наследника Тутти (11:15:03 14/03/2008)

Ну, положим, содержит сейчас не он тебя, а ваши организаторы, вы даже денег не тратите, а тебе, авце глупой, надо отвыкать платить в ресторане за себя. Чем больше мужчина вкладывает в тебя денег, тем жальче ему потом с тобой расставаться. Учись, дурилка картонная, пока я жива! Не знаю, чего ты выделяешься — молодой, красивый, перспективный, богатый — мечта, а не мужик. Ты спросила про нас?

Язва (11:15:11 14/03/2008)

Да. Они будут планировать вас на осень. Я там еще пожужжу. Но как пойдет, сама понимаешь. Он тоже не все решает. Точнее, он мало, что решает.

Язва (11:15:19 14/03/2008)

О, блин, идет твой предмет обожания. Сейчас опять будет мозги канифолить. Давай, я попозже с тобой поболтаю.

Язва (11:15:23 14/03/2008)

Что ты в нем нашла?

Кукла Наследника Тутти (11:15:26 14/03/2008)

Ну я ж не такая педофилка, как ты))))

Язва (11:15:31 14/03/2008)

Гы!))))) Лучше быть педофилкой, чем геронтрофилкой.

Кукла Наследника Тутти (11:15:37 14/03/2008)

Кому что. И чтобы пенсионера моего тоже привезла. Я зрелых мужчин люблю. Их не надо учить, как с девушками обращаться.

Я хихикнула, закрывая окошко. Интернет — зло. Как после этого делать отчет? «Пенсионер» сел сбоку и одарил меня белозубой улыбкой. Свежий, подтянутый, гладко выбритый. Волосы тщательно взъерошены. Дэвид обладал удивительным даром располагать к себе людей. Всегда был мил и внимателен к фанаткам, особенно к маленьким девочкам, с ними он общался трогательно, по-отечески. Он был очень требователен к персоналу, но без деспотизма. И это правильно. В коллективе из семидесяти человек нужен порядок, все должно работать быстро и слаженно, от этого зависит очень многое. При этом он на многое закрывал глаза, многое разрешал (в рамках контракта, конечно же). С ребятами Дэвид был своим, старшим другом, товарищем, к которому можно обратиться за помощью в любое время суток. Зато я у него была на каком-то особом счету. С одной стороны он со мной всегда панибратствовал, с другой

периодически начинал гнобить так, что я старалась не попадаться ему на глаза. И самое поганое во всей этой истории — я никогда не знала, чего от него ожидать. Дэвид поднял руку, призывая к себе нашего прекрасного официанта. Юноша тут же материализовался, угодливо заглянул в глаза.

— Мокаччо с двойными сливками, пожалуйста, — попросил Дэвид. — Болтаешь с подружками?

— Нет, работаю. С коллегой переписывалась. — Я обратила внимание, как он зажато сидит. Не похоже, что день будет добрым. — Ты что-то хотел? У тебя вид серьезный.

— Даже кофе не дашь выпить? — ухмыльнулся он.

Ну точно! Вместо того чтобы расслабленно откинуться в кресле, наоборот поддался вперед, закрываясь. Что-то хочет. И судя по позе, сейчас будет выговаривать за какой-то косяк. Я быстро прокрутила в уме последние дни — не помню, чтобы косячила. Разве что тот разговор про отмену концертов. Но какой смысл сейчас о нем вспоминать? После драки как известно...

— Герр Йост, вижу по вашему взгляду, вы хотите мне о чем-то сообщить. Давайте, сразу перейдем к делу. Чего вокруг да около ходить, меня нервировать?

— Такая нервная? — словно издевался он. Губы растянуты в улыбке. Поза закрытая. Взгляд колючий, изучающий. — Может быть, я просто хотел узнать, нравится ли тебе с нами? Я все-таки, как твой непосредственный руководитель...

— Дэвид, — прервала я его, спокойно улыбаясь и закрывая ноутбук. — Я не первый день замужем. Что случилось? Говори прямо.

— Помнишь, я тебе в прошлый раз про контракт напомнил? — он взял с блюдечка мой круассан и принялся лениво его пережевывать. Пусть ест. Сытый мужчина — довольный мужчина.

Я заинтересованно склонила голову на бок. В сознании носились тысячи мыслей, я не понимала, какую тактику выбрать, не знала, какую маску нацепить. Сидела и внимательно на него смотрела с застывшей вежливой улыбкой. Он что-то знает про нас с Биллом? Кто рассказал? Кто-то из охраны?

— Понимаешь, ведь это все делается не зря, — медленно вещал он, неспешно работая челюстями, отчего мне захотелось дать ему пинка, чтобы говорил быстро и по делу. Ну что за манеры? — Ни что не должно отвлекать музыканта от работы. А ты... Ты... Как бы это так сказать, чтобы ты поняла?

— Короче? — не выдержала я.

— Ну, если короче, то я все знаю о ваших отношениях с Каулитцем. Что ты хочешь сказать в свое оправдание, чтобы я как-то мог защитить тебя перед своим руководством?

Стоп! Машка! Стоп! Спокойно! Быстро включай мозги. Он берет тебя на понт. Каулитцев двое. Сейчас важно не проколоться. Дэвид сам принимает решения насчет работников и ни перед кем не отчитывается — это я точно знаю, мальчишки насчет меня только с ним говорили, и именно он сказал свое последнее слово. Хотя Каулитцам проще дать, чем отвязаться, этот факт так же многократно проверен мною на практике.

— Не понимаю, что именно ты хочешь от меня услышать, — держала я морду кирпичом. Наши

так просто не сдаются! Мы вам Москву в сорок первом не отдали, и сейчас наши пароли и явки не сдадим.

— Я хочу услышать о твоих отношениях с Каулитцем, — мило лыбился Йост.

— Пф, Дэвид, — я дернула плечом и усмехнулась. Ну что же, играть так играть. — Ты все знаешь о наших отношениях. Даже вижу, что о некоторых нюансах ты осведомлен гораздо лучше меня. Мне нечего к этому добавить.

— Ты пойми, я бы не хотел, чтобы ты покинула команду, — опять принялся кружить вокруг меня, как мартовский кот, Йост. — Но контракт есть контракт.

— Я с контрактом прекрасно знакома, — подчеркнуто по-деловому и очень строго ответила я, занимая глубокую оборону. — Дэвид, ты прикрываешься туманными и мерзкими инсинуациями. Ты пытаешься чего-то добиться от меня или просто ищешь повод выгнать?

— Тихо, сбавь обороты, — махнул он вторым круассаном. Черт, сейчас этот урюк сожрет все мои булки! — Я не о том, — неожиданно соскочил с темы. — Просто ты категорически не ладишь с Биллом, вы постоянно ссоритесь, он тебя не выносит.

— Меня не надо выносить, я не ваза, — продолжала я деланно рычать. — Мы с ним не ссоримся, а спорим. И уж если на то пошло, то тогда ты обязан уволить всех, включая себя, потому что Билл постоянно со всеми ссорится... Ну то есть спорит. В контракте ничего не сказано про то, что с Биллом спорить нельзя.

— Да, про то, что с Биллом спорить нельзя, там ничего не сказано. Но там сказано, что исключены «сексуальные отношения внутри коллектива».

Я постаралась, чтобы мои большие глаза наполнились оскорблением под самые ресницы. Гневно скривила губы, набирая в грудь побольше воздуха, чтобы полноценно разорваться на охальника на все кафе.

— Вот только не надо изображать из себя оскорбленную невинность, — тут же торопливо добавил он. — Все знают, что ты спишь с Томом.

Вместо того чтобы развыступаться, я рассмеялась.

— Ты только Тому об этом не говори. Он из-за этого с Биллом на прошлой неделе чуть не подрался, но Билл — брат и лицо группы, его особо не тронешь, а насчет твоей неприкосновенности я совсем не уверена. Мы друзья, Дэвид. Просто друзья. Очень хорошие, близкие друзья.

— Это легко проверить, — буркнул Йост.

— Ты поведешь меня ко врачу, а ребятам раздашь баночки, чтобы узнать, кто из них меня имеет? Или будешь лазить в номерах под кроватями и собирать использованные презервативы? Если ты хочешь, чтобы я ушла, так и скажи. Не надо оскорблять моих друзей глупыми сплетнями.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — он накрыл мою руку своей. Откинулся на спинку и посмотрел на меня каким-то совершенно другим взглядом. Черт! Он же прощупывал почву! И сейчас он знает, что мин нет. Я «расколослась» как последняя дура. — Я слышал, что у вас отношения с Томом. Это очевидно. Он так заботится о тебе, оберегает, защищает. Но если вы

просто друзья, то, мне кажется, что должен быть кто-то, кто бы смог позаботиться о тебе не только, как друг. — Его пальцы поглаживали мои.

— Дэвид, у меня контракт, — не слишком уверенно напомнила я.

— Контракт со мной.

— Да, но... В нем не прописаны наши с тобой отношения.

— Ты хочешь их прописать?

Я нервно одним глотком допила свой кофе. Повернулась к нему, широко распахнув глаза, взяла его руку и чуть потянула на себя, вынуждая сесть нормально.

— Дэйви, — произнесла вкрадчивым голосом, лаская ладонь. Потупилась, словно собираюсь сделать неприличное предложение. — Я мечтаю, выйти за тебя замуж. Ты — мужчина моей жизни. Мне очень нравится твой шикарный дом. Я бы хотела в нем жить. Я хочу ездить на дорогой машине и носить лучшие бриллианты. Я мечтаю купаться только в самом дорогом шампанском! Я всегда говорила маме, что ты будешь лучшим зятем на свете.

— Подожди, — занервничал он. Я же эротично закусила губу, кое-как сдерживая смех. — Я не делал тебе предложение!

Я немного опешила, потому что не ожидала, что он примет мои слова за чистую монету. Я явно издеваюсь, по-моему, это видно невооруженным глазом. Странно, что эта прожженная лиса и мастер интриг, сейчас дергается.

— Как не делал? — расстроено протянула я, погладив себя по щеке его рукой. — Ты разве не знал, что у русских девушек с этим очень строго? Только после свадьбы. Ты разве не хочешь на мне жениться? Ты решил оскорбить меня? Принять за одну из «Наташ»? — весьма правдоподобно начала гневаться я.

— Мари, ты не так поняла...

Он попытался забрать руку, но я сделала обиженный вид и сжала пальцы покрепче. Взгляд случайно упал на входную дверь — там стоял Билл. Блин! Стоял и наблюдал. Твою ж мать... От неожиданности я резко откинула руку Дэвида. Он обернулся, чтобы увидеть, что меня так напугало, но Билл уже скрылся. Сейчас Каулитца переклинит, и он устроит мне жуткую сцену ревности.

— Извини, Дэйв, мне надо идти, — сказала я спокойно и без ломаний. — Приятно было поболтать. Ты в следующий раз, когда решишь меня склеить, придумай что-то менее идиотское, нежели пустые наезды на моих друзей. Мне неприятно, что ты считаешь, будто я глупей твоей болонки.

— Извини... — тихо отозвался он, придерживая меня за руку.

— Без проблем, — доброжелательно улыбнулась я. — Надеюсь, все останется между нами?

— Конечно.

Я кивнула, забрала ноут и ушла к себе. Сейчас надо зайти к Биллу и успокоить его. Но что-то мне подсказывало, что раненое самолюбие моего принца придется залечивать дольше

обычного. Ладно, что-нибудь придумаем...

Забегала к себе, упаковала ноут в сумку, а сумку спрятала в чемодан. В гостиницах, даже элитных, лучше не оставлять дорогие вещи на видном месте — сопрут, как в самой дешевой. Нет, потом, конечно, можно поругаться с администраторами, потребовать компенсации, но гораздо лучше подстраховаться заранее. К чему нам нервы себе портить? Покрутилась перед зеркалом, проверяя все ли на мне хорошо сидит. Короткая оранжевая юбка-плиссе с красным агрессивным рисунком (когда Билл притащил ее домой, мне чуть плохо не стало, а его она несказанно радует до сих пор — вот и пусть радуется) и бледно-желтая батистовая кофточка с красивым вырезом, на пуговках-жемчужинках и с романтичными рукавами-фонариками. Через тонкий материал просвечивает кружевной лифчик. Я расстегнула пару пуговок, чтобы был виден бантик. Красавица! Только так я похожа на пятнадцатилетнюю школьницу. Черт, спорный вопрос, кто из нас педофил... Волосы в хвост. На ноги — босоножки на шпильках. Можно идти. Шахерезада Ивановна готова.

Дверь в его номер была приоткрыта, из ванной слышался шум воды. Я тихонечко прошмыгнула в комнату, убедилась, что никого нет, закрыла дверь на ключ, повесив с той стороны табличку «Не беспокоить!» Да, я не хочу, чтобы нас беспокоили.

Заглянула в ванную, в надежде, что моя любовь нежится под душем.

Моя любовь голая по пояс нервно массировала кожу головы, размазывая по волосам спермообразную кашицу. Фу, блин! Странно, потому что обычно Билл маски на волосы делал перед сном, но никогда днем. Чего это на него нашло? Я тихо подошла к нему сзади и прижалась к спине, потерлась щекой между лопаток, запустила руки под ремень на животе.

— Я занят, ты не видишь? — спокойно сказал он. В голосе проступала обида.

— Разве я тебе мешаю? — мурлыкнула я. Пальцы медленно ползали по его телу. Я чуть прикусила кожу. — Мне сегодня приснилась бабочка. Знаешь, к чему снятся бабочки?

— Не знаю и знать не хочу, — буркнул он, решительно убирая локтями мои руки, собирая волосы на макушке, прилаживая их то так, то этак. Они не держались, прядки выпадали. Билл злился.

— Бабочки снятся голодным девушкам, которые мечтают о своих мальчиках, — не отступала я. Уселась на край беде, словила его руку и потянула на себя. Обняла, уткнувшись лицом в живот.

Билл не вырывался, но и ответных действий не предпринимал. И руки мыть явно не собирался. Фиг с тобой, измажемся в твоей ужасной маске, если надо.

— Отчего же девушки голодные? Разве опытные взрослые мужчины их не удовлетворяют? — ехидно типа сострил он.

Я провела языком от ремня к пупку. Посмотрела наивно снизу вверх.

— Не люблю секонд-хенд.

Билл выдохнул и сглотнул. Все равно на меня не смотрит. Руки на весу. Но хоть волосы мучить перестал, уже хорошо.

— Что он хотел?

— Спрашивал, в каких я отношениях с Каулитцем.

— И что ты ответила?

— Чистую правду.

Ну наконец-то их высочество соизволило одарить меня хоть каким-то взглядом. В данном случае бровь удивленно приподнялась, требуя пояснений. Я молчала, водила носом по коже, щекотала ее языком и ласково целовала, чувствуя, как организм возбуждается против воли хозяина.

— А он что?

— А он спросил после этого, не нужен ли моей маме зять.

Билл нахмурился и присел передо мной на корточки. Я расстроено сложила бровки домиком. Сдернула резинку с волос и пожертвовала ее в пользу психических — собрала его волосы на макушке и перетянула их резинкой. Ну вот, теперь и у меня руки грязные.

— Я не понял, — нормальным голосом отозвался он.

— Он сначала попытался узнать, в каких мы отношениях с Каулитцем...

— Которым из нас?

— Я так поняла, что он хотел, чтобы я сама ему рассказала, с которым из Каулитцев у меня отношения. Понимаешь, Дэвид мне ясно дал понять, что он уверен, что я с кем-то из вас сплю, но пока не понимает, с кем именно. Мне нет смысла этого скрывать, но и говорить об этом я не буду. Пусть он не зарывается, ищет и думает сам. Смысл облегчать ему задачу? Потом он перевел стрелки на то, что мы с тобой не ладим, сказал, что раз так, то меня надо убрать из команды.

— Только пусть попробует! — сжал он кулаки и гневно прищурился. Вспомнил, что руки в маске. Мы оба подались к крану и принялись отмывать ладони друг друга.

— Потом завел разговор про Тома и условия контракта. Я объяснила, что мы друзья. Тогда он предложил мне свои услуги. Я отказалась.

— Поэтому ты так нежно держала его за руку и так сладко ворковала с ним? — ревность аж выступила капельками пота на лбу.

— Мне хотелось немного поиздеваться, поиграть. Но мне все равно кажется, что Дэвид это делал с какой-то другой целью. Только пока не понимаю, с какой.

— Ты все врешь! — нервно бросил Билл, выдергивая у меня полотенце. Схватил за руку и поволок из ванной. Я решила, что в коридор. С ума он что ли сошел? Какая муха его укусила?

— Би! Би! — залепетала я, особо не упираясь, но и ногами двигая с неохотой. Какая идиотская ситуация!

Мы действительно пересекли почти всю комнату по направлению к выходу. Блин, вот я попала! Вдруг Билл так же резко остановился. Осмотрелся. Изменил траекторию движения и с силой толкнул меня на кровать. Тут же уселся сверху, заведя мои руки за голову, словно я сопротивляюсь. И я бы, конечно, начала сопротивляться, брыкаться и лягаться, визжать и

звать на помощь, но его агрессивные грубые действия никак не вязались со смешинками в глазах. Я выгнулась, пытаюсь скинуть его, начала не слишком рьяно вырываться. Билл со всей силы сжал мои запястья одной рукой, другой попытался расстегнуть блузку. Я крутилась, не давалась. Биллу хочется сегодня быть сильным? Хочется быть доминирующим самцом? Доказать мне, что он во всем главный, что другим самцам здесь не место? Мне нравится эта игра! Хочу быть сейчас его жертвой, слабой и беззащитной. Хочу его — мужчину, страстного, властного, грубого. Ох... От одной этой мысли я чуть не кончила раньше времени. Да, давай, малыш, возьми меня грубо!

— Я проучу тебя врать мне, — рычал он хрипло, совсем незаметно улыбаясь. Рванул ткань так, что пуговицы отлетели, словно горох от стены. Порвал! Честное слово, порвал! Задрал лифчик, начал кусать грудь и шею. Причем достаточно больно кусать, ощутимо.

— Би, только без засосов на шее, — взмолилась я. И тут же получила засос на ключице.

— Моя, — рычал он мне в ухо, кусая за мочку, вцепившись руками в волосы и натягивая их. — Моя, — судорожно расстегивал он джинсы, царапнув меня пряжкой ремня. Я кусала его плечи и раздирала ногтями спину. — Моя, — закинул одну ногу себе на плечо и резко вошел.

— Бля! — от боли воскликнула я на русском. Непроизвольно впила ногтями ему в бока. Пальцы соскользнули по потной коже. Или я его оцарапала до крови? Билл довольно ухмыльнулся, рассматривая каблук у себя перед носом. Гаденыш! Ну чем не совместное русско-немецкое порно? — Я проткну шпилькой матрац... — с трудом выговорила я, не зная, как пристроить вторую ногу в босоножке.

— Да ну и хер с ним, — широко улыбнулся он, и опять сделал суровое лицо настоящего брутального мужика.

Он трахал меня так, словно хотел пробить насквозь — властно, резко и агрессивно. Он доказывал мне свое превосходство, единоличное владение моим телом, никаких, даже мысленных, отступлений. Билл был груб, постоянно кусался, прищипывал кожу, сжимал слишком сильно ноги и руки, но в то же время двигался очень аккуратно, четко контролируя ситуацию. Он причинял мне ровно столько боли, чтобы она была в удовольствие, чтобы я терялась в его объятиях, выгибалась и стонала от блаженства, болезненного наслаждения. Голову сносило напрочь. Хотелось стонать громко-громко, кричать в голос, как в пошлых порнушках. Да, да, Детка, трахай меня сильнее! Еще сильнее! Еще! Мне так хорошо! Но нельзя, нас могут услышать. Я кусала собственную руку, его плечи, чтобы не кричать. Металась под ним, отпустив сознание куда-то далеко, в космос. Нельзя кричать. Но так хочется...

Неожиданно в его кармане завибрировал и зазвонил телефон. По звонку я узнала Дэвида. Билл недовольно выматерился, замер на мгновение, извлекая трубку из бесформенной кучи у себя на ногах.

— Да, Дэйв? — старался говорить нормально, продолжая двигаться во мне. Я легла поудобнее и начала ласкать себя. Билл почему-то от этой картинке всегда возбуждается больше обычного. — Нет, я у себя, ты выдернул меня из ванной... Моюсь, что я там могу еще делать?.. Хорошо... Извини, мне холодно. Я буду готов... Эээ... Ну я скоро буду готов, да. Пока.

Он отключил телефон совсем и отшвырнул его в сторону. Взял меня за щиколотки и закинул ноги на плечи — так ему лучше видно, как я себя ласкаю. Теперь он плавно раскачивался во мне, с улыбкой целуя косточку на ноге, щекоча щиколотку. Я постанывала. Кусала губы.

Двигала бедрами ему навстречу, чувствуя, что вот-вот кончу. Когда моя рука вцепилась в его, он опять начал бить жестко и резко, накрыв меня телом. Он любил чувствовать мой оргазм, любил смотреть на меня в этот момент, замирая и вжимаясь в мое тело, одаривая губы легкими поцелуями. Потом кончал со стонами сам, неистово двигаясь во мне, до синяков стискивая мою руку. Но сегодня мы кончили одновременно, пытаясь целоваться в этот момент, дотрагиваясь приоткрытыми губами, стучаясь зубами, обмениваясь дыханием и капельками пота.

— Дерьмо! — выругался он, плюхнув мне на плечо голову в маске, про которую мы оба забыли.

— Дерьмо, — подтвердила я, рассмеявшись. Я чувствовала, как стучит его сердце. Сжала мышцы, не позволяя члену так скоро выскочить, оплела ногами и руками, шумно выдыхая в шею. Билл с мягкой улыбкой посмотрел мне в глаза, убрал мокрые волосы со лба. Краем пододеяльника вытер маску с плеча.

— Мне всё, можно опять доставать свой стратегический запас водолазок на неделю? — жалобно спросила я.

— Нет, — поцеловал нежно. — Я не трогал шею.

— Да? По-моему ты там все сгрыз до кости, — покосилась я на себя.

— Моё, — собственнически прижал он меня к себе, кусая за плечо.

Я кое-как избавилась от обуви, обняла его в ответ и уткнулась носом в грудь.

— Не хочу вставать. Хочу весь день вот так лежать с тобой в обнимку.

— Ой, нет! Ежик, тебе надо помыться, а то волосы от твоей химии вылезут. Ты мне всяким нравишься, но без волос эффект уже не тот... Давай вечером повторим так же. Я в восторге. Обожаю, когда ты такой...

— Какой? — заулыбался.

— Нежно-грубый.

— Хорошо. Я буду с тобой грубым, — зарычал Билл и опять прикусил шею, хихикая мне в ухо.

Я посмотрела на него счастливого и решила еще раз попробовать испортить настроение.

— Би... Пожалуйста... Мне не дает покоя та фраза Маркуса про твои связки. Пожалуйста, отмените концерт, покажись специалистам...

Он помрачнел и вздохнул.

— Мы это уже обсуждали. Давай не будем.

— У меня плохие предчувствия... Пожалуйста, ради меня... Я боюсь за тебя. До дрожи в ногах боюсь за тебя.

— Машенька, обещаю, что после тура пройду полное обследование. Сейчас в тур вложены огромные средства, которые мы обязаны отработать. Нам люди дали очень много денег. Мы обязаны их вернуть, желательно с прибылью. Иначе я на самом деле стану тем самым использованным презервативом, про который ты говорила. Я обещаю тебе, что сразу же после

тура обследуюсь в лучшей клинике Германии, хорошо?

Я удрученно кивнула.

— Доверяй мне, малыш.

— Пойдем в ванну, а то ты из меня вытекаешь и мне щекотно, — сконфуженно пробормотала я.

— Да, а мне надо голову сполоснуть. Я тут все вокруг уделал.

Билл лично меня вымыл. Он вообще любит возиться с моим телом, гладить его, целовать. Иногда казалось, что мое тело — это его маленький личный фетиш. Он ласкает его, обожает, балует, одевает и украшает засосиками. Ему даже, наверное, не нужна я сама по себе, главное, чтобы тело было рядом. Потом он меня вытер, достал футболку взамен убитой кофточкой, одел и, пока в коридоре никого не было, выставил из номера, пообещав заглянуть чуть позже, когда пообщается с Дэвидом. Я же пошла к Тому. Интересно, он уже встал? Им через час на саундчек выезжать, а после отравления Том едва живой. Как он будет сегодня выступать? Вчера как обкуренная муха по сцене ползал.

Том проснулся, но еще не вставал, лежал в постели и смотрел телевизор. Он был очень бледный, опухший и совершенно несчастный. Я заказала в номер тосты и чай с лимоном для него, себе — фруктовый салат из клубники, грейпфрута, винограда и бананов. Том любил, когда с ним нянчились. Не брезговал наедине быть слабым и капризным. Это на людях он всегда сильный, а один на один может быть любим. Сейчас мне хотелось доставить немного удовольствия старшему близнецу, побаловать его, поухаживать (дома я старалась не обделять его вниманием, всегда всё делала для них двоих). Он лежал такой несчастный, такой убитый, такой обессиленный. Впрочем, это не помешало ему вскоре съесть мой салат из моих рук, выпить пол-литра чая и слопать все тосты. Мы болтали о пустяках. Том жаловался на Билла, который притащился к нему вчера в ночи и долго возмущался моим непониманием, и ржал над моим предложением заменить меня собой. Вроде бы к моменту, когда надо начинать собираться на концерт, он немного ожил и порозовел. Настроение у него поднялось однозначно. Он кокетничал и ерничал. Смешно морщил нос и стрелял глазками. Так, если наш мачо активизировался, то жить точно будет.

— Том! — без стука влетел в номер Дэвид.

Мы как раз валялись с ним рядом на постели и досматривали мультфильм, задрав ноги на спинку кровати. При этом Том был в одних трусах, а я в короткой юбчонке с голыми ногами и Билловой футболке.

— Мари? — вытаращил глаза Йост. За ним стоял Билл.

— Мы завтракали, — широко улыбнулся Том. — Хотите чаю?

— Там ничего не осталось, ты все выпил, — быстро проговорила я, принимая более приличную позу, собирая ноги в кучку.

— Мы через полчаса выезжаем, почему вы еще не собраны? — нахмурился Дэвид, проведя внимательным взглядом по постели.

— Потому что мы выезжаем через полчаса, — пожал плечами Том. — Проходите, чего вы там в дверях стоите? Мари, подвинь корму. Билл, смотри, новые «Симпсоны», мы уржались.

Билл плюхнулся рядом, незаметно накрыв мою руку. Хорошо, что Том больше не воспринимается им, как потенциальный соперник, и Билл теперь включает голову, прежде чем пуститься во все ревностные тяжкие. Я сжала его пальцы. По телу тут же начало разливаться тепло из центра живота. Черт, я еще хочу так!

— Где остальные? — ворчал Дэвид, вышагивая по номеру. — Почему за всеми надо бегать? Почему никого вечно нет на месте?

— Позвони им, — предложил Билл. — Все сюда и придут.

— Не надо всех! Мне еще в душ и одеваться! — запротестовал Том.

— Ладно, вы там решайте, а я пойду себя в порядок приведу. У меня две пары джинсов с собой, никак не могу выбрать, какие надеть, — улыбнулась я, быстро ретируясь из номера, пока мне не придумали занятие. В зеркало увидела, каким облизывающим взглядом проводил меня Билл. Я тебя тоже люблю, малыш.

В концертном зале каждый из нас занимался своим делом — ребята работали со звукорежиссером. Я таскалась с Йостом и переводила, общалась с журналистами и другими заинтересованными лицами. Работа у меня была не пыльной, и если бы не то дикое количество народа, которое каждый день мелькает перед глазами, можно было бы считать, что это идеальное место для такой лентяйки, как я. Когда все вроде бы подготовили, мы сидели в гримерке и обсуждали какие-то насущные дела. Я дразнила бананом Билла, совершенно на него не глядя (точнее я за ним изредка наблюдала в отражение в окне), — мягко обхватывала губами сладкий фрукт и «эротично» откусывала. Билл ерзал, нервничал и старался скрыть возбуждение. Том пытался на меня не смотреть, но тоже как-то излишне громко ржал и очень пошло шутил. Густав спал в наушниках. Георг брэнчал на гитаре и грызлся на выпады близнецов. Потом все ушли, оставив Билла распеваться. Мы с Георгом немного побесились в коридоре, хотя шпильки располагали все ж к эротичному покачиванию бедрами во время ходьбы, а не к дикому скаканию на них в каком-то бункере.

— Завтра в Лиссабон приедут два врача из Германии, Маркус договорился. Они меня посмотрят, — шепнул мне Билл перед выходом на сцену. — И если они скажут, что с горлом что-то серьезное и мне не надо выступать, то мы отменим пару концертов, чтобы пролечить мое горло. Ты довольна?

Я с благодарностью посмотрела на него и кивнула. Хотелось обнять и поцеловать. Нельзя. Народ.

— Я не хочу, чтобы ты нервничала.

— Спасибо тебе. Не буду. Удачи. Я с тобой.

Он покрутил головой. В коридорах никого нет, кроме трех человек из охраны. Эти знают. С этими можно. Обнял меня и поцеловал.

— Ты моя удача.

Я осталась одна, провожая их взглядом. Прислонилась затылком к каменной стене. Надо идти за ними и стоять за сценой. Не смогу. Он сейчас мне своим хриплым голосом порвет всю душу, я буду стоять и реветь, не в силах сдерживаться. Ничего, доберемся до Лиссабона, а там его нормально посмотрят и обследуют. Лишь бы сейчас ничего не случилось.

— Мари, — окликнул меня кто-то.

Я вздрогнула и повернулась на голос. Дэвид. Ох, как надоел. Мне вот сейчас совсем неохота строить в его песочнице куличики.

— Пойдем в кафе.

— Зачем?

— Просто так. Я есть хочу, толком не обедал.

Хорошая идея, между прочим. По крайней мере, так я смогу отвлечься от своих переживаний.

— Если ты угощаешь? — решила я быть наглой.

— Не вопрос, — улыбнулся Йост.

Странно, но в кафе Дэвид вел себя как нормальный мужчина, а не изображал недоделанного Пинкертон. Мы мило беседовали. Он расспрашивал меня о Москве и родителях. Я его — о семье и женщинах, о проектах, которыми он раньше занимался, о том, как он вырастил этих «маленьких ненормальных щенков». Оказалось, что женатым он никогда не был, а на мой вопрос о дочери громко рассмеялся — слухи такая же часть его работы, как и все остальное. Он привык. Дэвид очаровательно улыбался и смотрел на меня расслабленно, не играл, не вынюхивал. Спросил, не сильно ли напрягает меня Билл. Он хороший мальчик, но своими капризами может заставить чертыхаться самого Бога. Дэвид привык, а мне, наверное, тяжело. Я слушала его с улыбкой, думая, как жаль, что Дэвид не знает его настоящим. Более преданного, нежного и терпеливого создания, чем Билл, я просто не знаю. Ну с Томом они могут еще посоревноваться. Было немного обидно, что Дэвид не видел его таким. Так незаметно пролетел час. Мы бы и дальше сидели, пили чай и болтали, если бы нас не прервал телефонный звонок. Дэвид побледнел.

— Что случилось? — оборвалось у меня все внутри.

Дэвид судорожно рыскал по карманам в поисках бумажника.

— У Билла голос пропал посреди песни.

Внутри взорвалась огромная бомба, аж ребра заломило и челюсть свело.

— В смысле пропал? — меня затрясло. Сон в руку?

— В смысле совсем пропал. Нем, как рыба, — раздраженно пояснил он. Кинул на стол купюру, подорвался с места. Я на ватных ногах понеслась за ним.

Как он ориентировался в длинных, темных коридорах, я не понимала. Дэвид шел очень быстро. Я семенила за ним, на нервах пару раз подвернув ногу. Потом плюнула на все и сняла туфли. Стала мелкой, зато гораздо более шустрой.

— Где вы? — рявкнул Йост в трубку.

Резко завернул в очередной коридор, убирая аппарат в джинсы. Тут же достал его обратно, нервно набрал чей-то номер.

— Питер, срочно, лучших врачей! Я сейчас отправлю его в Германию. Пусть что хотят

делают... Да... Голос! Совсем! Маркус сказал... Я с тобой разговаривал на эту тему! Я тебя просил! Я вас всех предупреждал! Маркус мне плешь проел, что у него не ларингит, а что-то серьезнее! Я просил вас!.. Хорошо... Этих в Лиссабон, а его в Германию. Договорились. Билет закажите на ближайший рейс. Врачей подгони самых лучших! Все очень быстро! Срочно!.. А я тут причем? Я им тут и так чуть ли не задницы подтираю... Приезжай и общайся! Всё! Отбой!

Вот оно что... Это не Дэвид и Билл не хотели тур останавливать. Это сверху шло... Билл же пытался мне объяснить. Вот я тупая...

Билл сидел мертвенно-бледный на стуле посреди гримерки в абсолютной тишине, перед ним маячил доктор Клаус. Остальные притаились на маленьком диванчике. Увидев меня, вошедшую следом за Йостом, он... демонстративно отвернулся, поджав губы. Вид как у вождя какого-нибудь индейского племени, которого схватили бледнолицые. Обиделся. Причем сильно обиделся, что не стояла рядом, что была с другим.

— Так, Билл, вы с доктором Клаусом валите отсюда в Германию ближайшим рейсом, — поделовому сразу начал Йост. — Я уже договорился. Лучшие врачи будут к твоим услугам. Билетами сейчас занимаются. Все остальные — в отель и спать. Завтра летите в Лиссабон. Тур отменять не будем. Ждем вердикта.

— Брат будет нормально говорить? — тихо спросил Том. Его голос дрожал так, что я с трудом разобрала слова.

— Будет, куда он денется, — попытался улыбнуться Маркус. — Он не только будет говорить, но и петь, да, Билл?

Билл не реагировал. Застыл статуей. Я не выдержала, пошла к нему. Хотела как-то обнять, поддержать. Он остановил меня совершенно черным взглядом.

— Вы сидите, как на похоронах, — сделала я вид, что иду не к нему, а к столику с напитками. — Все живы. Горло теперь вылечат. Пара концертов мимо, а потом снова колесить по Европе.

На меня все как-то странно покосились. Ну и пожалуйста. Буду молчать. Просто меня так трясет сейчас, что кажется, зубную дробь слышно на улице.

Йосту опять позвонили. Он пару раз дакнул, что-то записал и отключился.

— Номер рейса, — протянул бумажку. — В вашем распоряжении полтора часа. Регистрация уже началась.

— А ты не летишь с нами? — едва слышно сипло спросил Билл.

— А кто сейчас тут будет отмазываться от кредиторов? — удрученно хмыкнул Дэвид.

— Мы успеем заехать в отель? — засуетился Маркус.

— На десять минут, не больше, — кивнул Йост и вышел.

— Билл, не кисни, все будет хорошо, — похлопал его по плечу доктор. — Тебе помочь собраться?

— Я помогу, — подскочил Том, заметался по комнате, скидывая его вещи в сумку.

Я предприняла еще одну попытку подойти к нему. Он снова остановил меня взглядом. Я

плюхнулась на ближайший стул и закурила. Ко мне присоединились Георг и Густав.

— Он с самого начала уже не тянул, — тихо заговорил Густав. — Кое-как полконцерта провели. Ужасно... Просто ужасно... Считай, зал пел за него. Решили, сократить по-максимуму... А на «В ночи» Билл просто замолчал посреди песни. Попробовал еще немного попеть, но... Всё... Замолчал...

Густав тоже замолчал. Я покосилась на Билла. Он так и сидел посреди комнаты с непроницаемым отстраненным лицом.

— А меня Дэвид в буфет утащил. Он по-французски не говорит, а его английский там не понимают, — оправдывалась я. — Надо было от него как-то отвязаться... Я же чувствовала... Просила его отменить этот чертов концерт...

— Нельзя, — выдохнул дым Георг. — Мы тут уже отменяли в прошлый тур. Нам не разрешили второй раз. Дэвид полдня ругался с Хоффманом. Питер сказал, что только за счет Дэвида. Неустойка...

— Машины пришли, — появился на пороге Йост.

Ребята подхватили вещи и проследовали на выход.

В отеле Билла ни на секунду не оставляли одного. Я лисой крутилась около его номера, в ожидании, что все выйдут, и он хотя бы переоденется. Но Билл переодевался прилюдно, Том топтался рядом, собирал какие-то мелочи и туалетные принадлежности. Йост постоянно с кем-то говорил по телефону, орал и матерился. Два менеджера с ассистентом поддакивали и подсказывали Папе умные мысли. Георг и Густав обсуждали с Маркусом перспективы поездки. Блин, ну что они делают, идиоты! Билл же и так на взводе! Не выдержала, набрала смс: «Я поеду с тобой! Один ты никуда не поедешь!»

Он вышел через минуту, застегивая серую плюшевую курточку от спортивного костюма. В руках ключ от номера брата.

— Помоги мне найти, забыл, куда положил, — сказал так громко, как только смог. Голос ужасный. Сиплый.

Едва мы оказались одни в номере Тома, я тут же вцепилась в него мертвой хваткой. Не выдержала, разревелась. Трясет всю, говорить не могу.

— Перестань, — вытирал он слезы. — Ну, перестань, не реви. Я завтра вернусь. Или послезавтра. Наверное, послезавтра. Тебе не надо со мной лететь. Я могу настоять, чтобы ты со мной полетела, но не надо. Остайся с Томом. Он сейчас лицо группы, на него весь удар пойдет. А Том не привык, он всегда был вторым. Ему нужна поддержка. Ты сможешь, я знаю. Пожалуйста, ради меня. Ты ведь знаешь, он сильный только для публики. Остайся с ним.

— Тебе тоже нужна поддержка, — всхлипнула я.

— Нужна. Очень нужна. Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Хочу чувствовать твое плечо рядом. Но я буду спрятан от всех, а Том будет на виду. Пожалуйста, остайся с ним.

Я кивнула. Можно подумать, у меня есть выбор. Билл улыбнулся и нежно меня поцеловал, потом обнял крепко-крепко и судорожно выдохнул в волосы.

— Все будет хорошо. Ты мне веришь? — пробормотал в макушку.

— Звезда, звезда... — улыбнулась я. — Верю.

— Мне пора. Не провожай меня, иначе я не смогу уехать без тебя. — Резко отстранился и, не оглядываясь, быстро пошел к двери. Я кое-как добрела до кровати, упала на нее и разревелась, уткнувшись в подушку. Не хочу с Томом. Хочу с тобой.

Глава 4

Думала, что они не придут. Спряталась от всех в своем маленьком одноместном номере, включила ноут и постаралась найти хоть какую-то информацию об этом концерте. Фанаты должны выложить видео, написать хоть что-то. Дьявол, ну почему я его не остановила, ведь чувствовала, понимала, что все плохо!

Сначала пришел Густик. Упал рядом со мной на кровать, закрыл глаза и лежал так несколько минут, абсолютно беззвучно. Я нервно рылась в Интернете, читала форумы, просматривала сообщества, не обращая на него никакого внимания. Лишь когда ноги совсем озябли, прижала их к ногам парня — тепло и хорошо. И как он не мерзнет в шортах? Или это от нервного перенапряжения мне так холодно? Билл сейчас в самолете. Телефон выключен. Надо немного потерпеть, кинуть смску. Когда придет «обратка», я буду знать, что он снова на связи. Кажется, телефон — это моя нить Ариадны, без которой я просто погибну. Да, может быть слишком патетично, но это так... Я боюсь за него. Он же сейчас такой беззащитный...

У меня в компьютере есть специальные ссылки-закладки, куда я сохраняю интересную информацию по ребятам, отзывы, критику, там же есть ссылки на десяток иностранных и русских сайтов, которые я частенько просматриваю в тайне от Билла. Сам Билл посещает исключительно официальный немецкий ресурс, раздел имени себя, ноет, что там скучно и не интересно, и с пафосом потом всем рассказывает, какие у него милые фанаты, обсуждают его задницу, а не творчество. Новость о пропаже голоса разлетелась по миру, судя по всему, за считанные минуты, но вот видео никто выкладывать не спешил. Я нетерпеливо щелкала закладки, кое-как удерживая себя от заразной истерики. Все будет хорошо. Я всё узнаю из первых уст. Как только завтра его осмотрят врачи, он немедленно мне напишет или позвонит. Завтра утром. Завтра...

— Что пишут? — спросил вошедший Георг, сразу же заглянув мне через плечо.

— Новостники говорят, что у Билла пропал голос. Поклонницы во всем обвиняют менеджеров...

— Слава богу, что не нас, — выдохнул Густав.

— ...истерят, строят догадки, говорят, что вчера он уже был никакой. Кстати, вас все равно обвиняют. Но это так... Истерика очередная. Видео нет...

— Зачем тебе? — Георг лег рядом. Пододвинулся вплотную, чтобы было лучше видно. Мне стало тепло. Интересно, почему номера ребят всегда теплые, а я в своих вечно мерзну?

— Хочу посмотреть.

— Тебе Густав все рассказал. Ты ему не веришь?

— Скажем, у меня скрытая форма мазохизма. Маркус считает, что это не ларингит.

Подозреваю, что завтрашняя поездка в Лиссабон будет пустой тратой времени и денег.

— Да завтра еще будет не страшно... — вздохнул Густо. — Послезавтра будет весело. Если Билл не выйдет на сцену, нас там проклянет тысяч двадцать народу.

— Ты веришь в проклятия? — на полном серьезе приподняла я бровь, сжав губы, чтобы не рассмеяться.

— Угу, — кивнул он. — А еще я очень люблю журналистов. Сплю плохо, пока о себе что-нибудь в газете не прочитаю.

— Кстати, ты в курсе, что женат и у тебя есть ребенок? — спокойно спросила я.

— Вот сволочь! — оживился Георг, пихнув друга. — Опять ничего не сказал.

— Сам такой, — огрызнулся Густав и перевернулся на живот, прилипнув ко мне с другого бока. Я прям как бычок — смоляной бочок, все ко мне норовят придвинуться и обязательно вплотную.

— Сейчас кто-нибудь войдет, а тут три такие задницы кверху, — хихикнула я.

— Чего пищут-то? Переводи, — ухмыльнулся Георг, кивнув в монитор.

— Истерят все и строят какие-то мрачные прогнозы. Большие надежды на концерт в Лиссабоне, — резюмировала я.

— А давайте выпьем? — предложил он.

Густав покосился на него неодобрительно. Я кивнула. Надо выпить, потому что напряжение такое, хоть на стену лезь. Георг дотянулся до телефона на тумбочке и заказал для нас ужин и выпивку.

Через полчаса к нам присоединился мрачный Том. Подоспел как раз вовремя. Мальчишки еще ржали, что он придет сразу же, как только принесут поесть. У него на еду отменных нюх. Когда все тарелки были разобраны, и мы, глотая слюни, собрались приступить к трапезе, дверь распахнулась и на пороге, как и было предсказано, возник недовольный Том. Густо взглядом указал на стоящую на столе тарелку. Я налила сок в его стакан. Георг деланно проворчал:

— Ну, вот вечно тебя ждать надо. Остыло уже все.

Том состроил противнейшую рожу и... улыбнулся.

— Билл не звонил тебе? — спросил с надеждой.

Я грустно покачала головой.

Потом мы напились. Густав мешал мне коктейли с «Мартини», Том с Георгом соревновались, кто кого перепьет. Повод был хороший — отъезд близнеца. Том жаловался, что он с Биллом с момента яйцеклетки не расстается, и сейчас в его жизни случился практически траур, он одинок, всеми покинут, несчастен. Несколько раз они звонили уже порядком разозленному Биллу, требовали, чтобы он сказал, когда вернется. В итоге Билл всех послал и отключил телефон. Том расстроился еще больше и принялся ныть, какой Билл говнюк и как брат его достал. Мы с Густавом выползли на балкон, уселись на пол и принялись рассматривать почти беззвездное французское небо. Как жаль, что сейчас еще холодно. Можно было бы пойти

купаться (почему-то очень хотелось именно голышом). Плавать, нырять, брызгаться и издеваться друг над другом. Билла бы сюда. Без его смеха и идиотских выходок, мне мучительно скучно... И одиноко. Он, когда напьется, такой смешной. Гримасничает, идиотничает, хихикает глупо. Иногда смотрю и думаю, ужас какой, что я в нем нашла, ведь чучелко-чучелком — глаза по пьяни косые, зубы забором, лопухий, ноги кривые, лентяй и зануда, смеется по-дурацки, шутит еще хуже, истерики иногда закатывает, в общении бывает грубым, иногда парой слов размазывает так, что не отмоешься, но есть в нем что-то такое... магическое. Когда он улыбается, на душе становится солнечно, ярко, искорками все в сознании озаряется. Он ласковый со мной, словно южный ветер в мае. Закрываю глаза рядом с ним и у-ле-та-ю...

Дорога настолько прочно вошла в мою жизнь, что в какой-то момент я перестала ее замечать. Все делалось на автомате — приехать в аэропорт за час, посидеть в VIP-зоне, за десять минут до взлета проследовать в самолет и на время перелета забыться в легком сне. Ребята с самого утра ходят мрачные — вчерашний перепой не пошел им на пользу. Ну, хоть стресс сняли, и то хорошо. Хотя тот гадюшник, который они устроили в моем номере... Не хотела б я быть горничной в том отеле. Вообще удивляюсь Тому — вчера утром лежал, умирал, я его чаем и тостами откармливала, вечером нажрался так, что идти не мог, ночевал в моем номере на полу (ну где вырубился, там и вырубился, не буду ж я тягать его тушку туда-сюда), сейчас опять вот умирает. Зачем так делать? Ну и чем мы занимались с Томом все утро? Компрессы на оплывшую морду (у них с Биллом мешки под глазами — врожденное, только благодаря правильно выставленному свету и качественной работе стилиста, а потом дизайнера удается их убрать) и крепкий чай с лимоном и анальгином на сладенькое. Мелкий алкоголик. К обеду, когда надо было, собственно, покинуть гостиницу, он хотя бы перестал походить на африканскую маску, отпугивающую злых духов. Немного ожил и расхорохорился. Йост обозвал меня матерью Терезой и сказал, чтоб я не просила прибавки к зарплате за свои ухаживания за этими оболдуями, которые за несколько лет так и не могут научиться пить без последствий. Ребята на него тут же окрысились, а меня это очень развеселило. Поэтому дальнейший путь мы проделывали с Дэвидом под пристальным надзором группы, обмениваясь приятными колкостями и довольно хихикая. Только вот переписку с Биллом пришлось свернуть. Дэвид рядом. Дэвид бдит. Не будем дразнить Дэвида. Мне вдруг показалось, что я поняла, почему он пытается узнать о моих отношениях с кем-то. Йост, как бог — всё всегда знает, всё всегда видит, в курсе всех дел. А тут, видимо, его лисий нюх чует, что что-то не так, но не понимает, где именно. И от этого Дэвиду не по себе, ему надо всенепременно узнать, с кем же у меня роман. Завел разговор о Билле. Переживал, говорил, что, если с его голосом что-нибудь серьезное, мальчишку будет искренне жаль. Я как тот комар: «Чуду царь Салтан дивится, А комар-то злится, злится — И впился комар как раз Тетке прямо в правый глаз». Я, конечно, в глаз не впила, обошлось, слава богам, без увечий, но высказалась жестко про тот график, от которого даже у фанатов волосы дыбом встают. Кто меня тянул за язык? Ну вот кто? Дэвид разнервничался, расписуховался и зачем-то раскричался на менеджеров. Они и так меня не любят, а тут вообще, наверное, возненавидели. Зато я вернулась к своему телефону и предалась пустой болтовне с Биллом.

Лиссабон встретил нас приятным теплом, свежим ветром и ором девушек. Причем, казалось, нас приехали встречать фанаты всей Португалии и доброй половины Европы. Мальчишки пряталась за солнечными очками и опускали лица. Я предпочла идти вообще в стороне от них, чтобы не быть раздавленной жуткой толпой. Обыденно как-то все стало. Раньше я нервничала, переживала, дергалась. А сейчас скучно и не интересно.

В отеле вчерашние алкоголики решили стать спортсменами. Настроение у всех было не особо. Билл сказал, что говорить он может, а вот насчет завтрашнего выступления совсем не уверен,

врачи выпили из него литр крови, наговорили всяких гадостей, и он теперь в панике, потому что, реально глядя на вещи, будущее группы под угрозой. После чего мы все дружно кинулись его убеждать, что он паникует раньше времени. Разговор капитально испортил и без того плохое настроение. Поругавшись друг с другом, покричав немного и выпустив пар, Том предложил всем снять стресс в бассейне. Какой смысл страдать, когда все равно ничего не можешь сделать? И чтобы никаких угрюмых лиц!

Мы долго бесились в бассейне, который для нужд «детворы» заказали наши менеджеры. Густав с Томом соревновались, кто круче плавает, наворачивая круги. Георг учил меня нырять с бортика «рыбкой». Если честно, нырять я умею и «рыбкой», и «плюшкой», и «солдатиком», и даже «бомбочкой» с переворотом, но если мужчина хочет тебя чему-то научить, то зачем ему отказывать в этом маленьком удовольствии? Пусть почувствует себя значимым. Георг хохотал, в сотый раз объяснял, как правильно вытягиваться, отталкиваться, входить в воду. Я делала все с точностью наоборот. Спихивала его с бортика, сама прыгала в воду. Мы топили друг друга, выныривали и снова топили. Потом Том пытался научить меня игре в большой теннис. Вот тут я не врала, играть действительно не умела, честно продула ему партию и мне было велено «болеть за наших» на ближайшей лавочке. Но за наших я поболеть не смогла. Мне позвонил Билл и пришлось уйти куда-то в более тихое место. Он скучал, нервничал, переживал. Он чувствовал себя неуверенно, боялся за голос. Я утешала его, как могла, шептала на ухо всякие интимные нежности, дразнила. Его тихий голос ласкал слух, я закрывала глаза и представляла, что он рядом, сидит бедро к бедру, вот-вот дотронется до меня рукой. Он и был рядом. Такой теплый, такой мой, любимый. Просто немножко далеко. Один. В холодной и пасмурной Германии. Врачи поставили ему острое воспаление связок. Сказали, что пока его не снимут, ничего сделать не могут. Назначили антибиотики. Потом нормальное обследование. Завтра он не придет. Ему категорически запретили петь, просили снизить нагрузку на голос по-максимуму. Мы прикидывали, что будет с концертами, сколько отменят. Я обещала приехать к нему сразу же, как нас отпустят. Я чувствовала, как он грустно улыбается, ласково прося отдыхать от поездок, больше спать и хорошо есть. Он заботливый, он меня любит.

— Ты чего? — озабоченно посмотрел на меня Том, когда я выпала в астрал и не отреагировала на очередную тупую шутку в «Южном парке». Мульт был особенно актуальный, вещал об абортах и какой-то чудик летал в космос, чтобы посмотреть, каково это быть абортированным зародышем. Мальчишки хохотали как ненормальные, я расслабленно ковыряла жареные каштаны, делясь ими с Георгом, мысленно разговаривая с Биллом, подбирая другие слова, прикидывая, что надо посмотреть в Интернете про ту болезнь и ее последствия.

— Билл звонил... Говорит, у него серьезное воспаление связок... Том, а вдруг он не сможет разговаривать больше? Вдруг голос не вернется? Так и будет шептать с хрипотцой? — тихо спросила я, передав мисочку со шкурками Георгу.

— Вернется, — резко помрачнев, отрезал Том. — Все будет нормально. Он уже болел так же, и так же истерил, и так же у него кончалась жизнь...

— А вдруг в этот раз...

— Замолчи, — шикнул он. — В любом случае жизнь на этом не кончается. И если что, то можешь выматываться отсюда!

Я изумленно нахмурилась. Густы и Гео удивленно повернулись к нам. Мы тут же насупились, как по команде сложили руки на груди. Но очередная мультяшная глупость, и парни снова с головой ушли в действие на экране.

— Если тебе не нужен мой брат без голоса, — строго уточнил Том.

— Глупый ты, — грустно улыбнулась.

— Какой есть, — буркнул он.

— В Гамбурге дождь.

— Я знаю. Капает... Капает... — поежился. — Бесит!

— Знаешь, мне сейчас хочется стать каплей дождя, лишь бы упасть на его лицо и сползти по его щеке. Кажется, тот маленький путь был бы самым важным в моей жизни, самым счастливым. Всю любовь и нежность, какую бы я смогла ему дать, я бы оставила в том мокром следе на его щеке.

Том усмехнулся.

— Глупая, Билла из дома в такую погоду не вытащишь. Ты бы просто упала на землю и разбилась.

Потом заметил слезинку, ползущую по щеке, обнял меня и погладил по голове, чмокая в макушку.

— Как ты думаешь, а меня будет кто-нибудь так же сильно любить? — спросил шепотом.

Я кивнула.

— Именно меня?

Опять кивнула.

— Я тебе верю. — Помолчал немного и добавил: — Я тоже по нему очень скучаю. И тоже за него очень боюсь.

— Давай бояться вместе? — попыталась улыбнуться.

Я удобно свернулась комочком и положила голову ему на ноги. Надо идти к себе, а то усну прямо тут. Но у себя очень одиноко и холодно. А тут ребята, хоть какая-то поддержка, хотя бы не так страшно за Билла.

Мне всю ночь снился Билл. Он смеялся, шутил, куда-то звал меня. Мы ехали на поезде по пустынным улицам. Он управлял железной машиной, я сидела рядом и любовалась им. Потом мы запойно целовались, не обращая внимания на дорогу. Его руки ласкали тело, я стонала его имя и выгибалась от удовольствия. Мы занимались любовью — очень спокойно, без спешки, нежно, словно в первый раз. И когда я уже готова была кончить, неожиданно проснулась и... Билл лежал рядом. Смотрел в потолок. Длинные реснички шевелились. Я пододвинулась к нему, обняла рукой и ногой, уткнулась в шею.

— Би, — выдохнула, потерлась носом о плечо, втягивая чуть сладковатый аромат.

— Спи, моя хорошая, — погладил он мою руку. — Спи.

Закрыла глаза и снова провалилась в сон.

Стук в дверь сначала казался чем-то нереальным. Где-то разрывался мой телефон. Судя по мелодии, звонил Дэвид. Судя по стуку — за дверью стоял он же. Мы с Томом как-то одновременно сели и посмотрели на дверь. Потом на телефон. Потом до меня дошло, что на дворе день, я в номере Каулитца, и Каулитц сейчас сидит рядом со мной такой же сонный, как и я.

— Дэвид! — выдохнули мы одновременно.

— В шкаф! — скомандовал Том.

Я подорвалась с постели и метнулась в шкаф-купе. Том засыпал меня одеждой и задвинул чемодан. Твою мать, если меня здесь найдут, это будет такой позор...

— Где ваша крэйзи рашн? Не могу найти ее уже целый час! В номере ее нет, никто ее не видел с самого утра! Что вообще за дела? — с порога принялся наезжать на Тома Йост.

— А я врач? — фыркнул он. — Хочешь, в шкафу у меня порыйся, под кроватью посмотри или на балконе поищи. С чего ты взял, что она у меня в такую рань?

— Какая рань? Время — час дня!

— Я и говорю, рань... — зевнул он. — Может, она ушла в город? Мари говорила вчера, что хочет погулять по Лиссабону, по магазинам пройтись... Ну там всякие ее женские штучки...

Они прошли в глубь комнаты, и мне стало не слышно. Блин, вот ведь я попала. Ноги затекают. Надеюсь, что Дэвид не решит подождать меня у Тома в номере. Как я могла здесь заснуть? Почему никто не разбудил? Черт, еще всю ночь снился Билл, с которым мы трахались и, надеюсь, я не лезла с этим к Тому... Хотя спала у него на плече. Я некстати вспомнила, что под утро просыпалась... Том не спал... Твою ж мать... Вот дура... Я его еще и перепутала! Хотелось провалиться сквозь землю, предварительно наложив на себя руки. Том подошел к шкафу, открыл одну створку и начал выбирать одежду на выход.

— Хорошо. Но мне не нравится эта затея.

Сдернул у меня с головы футболку. Я чуть убрала одежду с лица и вопросительно на него посмотрела. Том едва заметно улыбнулся и подмигнул мне. Чуть выпятил губы — тссс, сиди тихо. Поправил одежду на моей голове и отошел в сторону, прикрыв дверь.

Опять зазвонил мой телефон. Я дернулась. Черт! Это Билл. На него у меня стоит заставка — его звезда во всей красе над резинкой трусов.

— Алло? — взял Дэвид трубку.

О, нет! — чуть не взвыла я. — Только не это!

— Нет, ты не ошибся... Да, это Мари свой телефон разбрасывает, где ни попадя... У Тома... Да... Откуда я знаю? Сам бы хотел знать, где она. А ты чего ей звонишь?.. Что хотел спросить? Как что переводится?.. А... Ну, хорошо. Я ей передам... Всё, давай... Нет, завтра днем вылетаем, часа в четыре. Билеты на завтра заказаны... Да, можешь отдохнуть и развлекаться. Пока.

— Дэйв, пошли. Оставь телефон, я потом ей его отдам. Пусть помучается немного.

— Найду, оторву ей голову, мерзавка! Вот ведь, загадочная русская душа! Где ее носит? — ворчал Йост. И я никак не могла понять — переживает он из-за меня, или просто злится.

Хлопнула дверь. Я досчитала до шестидесяти и выбралась из заточения. Сложила вещи Тома обратно в чемодан. Так, что делать? Надо идти к себе в номер, а еще лучше спуститься куда-нибудь в салон или сделать вид, что я тут в садике гуляю... В баре сижу... Работаю... Да, надо взять ноут и забиться куда-нибудь в дальний угол гостиницы. Потом Тому кинуть смску, где я, и пусть приведет туда Дэвида. Так и сделаем. Вот косяк, так косяк. Всем косякам косяк...

Зачем организаторы собирали народ, а мы приехали в тот зал, не понял никто. Билл еще в обед сказал, что врачи под страхом полной потери голоса запретили ему петь, что горло сильно воспалено и лучше бы он вообще молчал, а не мучил связки болтовней. Он все рвался прилететь в Лиссабон, чтобы лично извиниться перед публикой, но тут уж Дэвид попросил его сидеть дома. Билл истерил, что у него все страшно, смертельно, что нормальные люди с этим не живут, что жизнь кончена, карьера пропала, он подвел кучу народа. Надо отдать должное Йосту — вот что он действительно делал профессионально, так это пресекал вопли Билла. Он забрал у Тома телефон, отключил громкую связь и отошел в сторону. Через минуту Билл извинился за недостойное поведение и пообещал позвонить еще. Что Дэвид ему сказал? Как он так его осадил? Как успокоил? Надо будет разболтать Йоста на эту тему. Пригодится потом в отношениях с Биллом.

Такого позора, наверное, Том Каулитц не переживал никогда в жизни. Они вышли на сцену, и он, заикаясь, краснея и бледнея, объявил, что концерта не будет, неловко помахивая перед лицом микрофоном и задирая выше обычного просторную футболку. Георг изо всех сил пытался прикинуться ветошью, на публику не смотрел, лишь изредка кивал. Густав спрятался за козырьком кепки, виновато улыбался, руки в карманах. Когда они вернулись, их трясло. Лица отсутствующие, взгляды суровые. Матерятся через слово. Еще пресс-конференция... Которую тоже надо пережить.

В отеле все разбрелись по своим номерам. Общаться не хотелось. Дэвид утащил меня по работе на встречу с организаторами. Мы долго обсуждали условия, бодались за каждый цент и час. Я смотрела, как ловко Дэвид убеждает их, что надо сделать так, как он хочет, как выторговывает для группы удобный день, играет условиями контракта. Я переводила, прыгая то с немецкого на английский, то с испанского на немецкий. Мы как-то болтали с одной русской писательницей, живущей в Париже, о том, как тяжело нам, мульти-язычным, жить в мире моно-язычных. Она тоже владеет то ли шестью, то ли семью языками, и вот эти постоянные «переключения» с языка на язык создают очень смешные ситуации — иногда ты хочешь что-то сказать в контексте на английском языке французу, только потому, что во французском языке подобного выражения не существует. Мы тогда с ней очень веселились, разговаривая на русском с иностранными вставками. Но сейчас мне было не до веселья. Дэвид играл словами, как жонглер мячиками, и мне требовались серьезные усилия, чтобы не потерять смысл, вкладываемый им в свою речь.

— Я соскучился. Мне плохо, — опять заканючил Билл мне в ухо, предварительно поплакавшись, какая отвратительная у него жизнь. Знал бы он, какой отвратительный день у нас всех сегодня был, не ныл бы. Дэвиду памятник надо ставить, что он так умеет вести дела. Я после этих переговоров его очень уважала.

— Что-то болит? Горло?

— Тошнит. Голова болит. Я не могу. У меня аллергия уже на эти лекарства. Ты завтра приедешь и меня не узнаешь. Я кошмарен. У меня отекло лицо, я покрыт прыщами. Меня всего

раздуло, как тогда, зимой. Я не хочу, чтобы ты меня видела.

— Мне все равно, как ты выглядишь, главное, чтобы ты был. Мы завтра приедем...

— Я скучаю... Плохо сплю. Врач говорит, чтобы я не нервничал, чтобы отдыхал, хорошо питался, много спал, а я не могу без тебя спать. У меня бессонница. Я прижмусь к тебе и только тогда мне спокойно и хорошо.

Билл говорил тихим плаксивым голосом обиженного ребенка, которого злая мамочка оставила ночевать у соседней. Он капризничал. Ныл весь день, писал жалобные смски и всячески давил мне на нервы. Я понимала, что ему элементарно скучно. В туре он всегда был напряжен, много событий, люди, вспышки фотокамер, всегда натянут, как струна, готов ко всему, а сейчас тихая жизнь в затворничестве, нервотрепка с врачами, неизвестность сносили ему крышу напрочь. Хотелось обнять его, прижать к себе и не отпускать. Гладить, ласкать, снимать его боль руками, веселить, смешить.

Том сидел рядом. Я знала, что он слушает наш разговор, более того, была уверена, что он знает, о чем мы говорим. Тоже подавленный, расстроенный, хмурый. Это на людях он еще держится и улыбается, а рядом со мной маска спадает и сексапильный плюшевый мачо превращается в угрюмого молчаливого парня, которого лучше не раздражать пустой болтовней. Я убрала телефон в карман. Вздохнула.

— Что он говорил? — тихо спросил Том.

— Да... — протянула расстроено. — Спать решил лечь с горя. Опять накрутил себя. За голос боится. Скучает. На антибиотики у него аллергия. А там побочный эффект, если я правильно понимаю, головные боли и сыпь. К тому же врачи ему толком ничего не говорят. Вот он и напридумывал всякой ерунды. Это потому что один. Был бы кто-то рядом...

Том посмотрел на меня внимательно. В его глазах я четко увидела предложение не дожидаться завтра, а валить в Гамбург к брату немедленно.

— Том, у меня денег — сто евро. Я не могу заплатить за билет.

— У меня есть.

— Вещи надо отнести к ребятам.

— Да, — кивнул и довольно улыбнулся, протянув мне кредитку. — Закажи билеты, я с ребятами договорюсь.

Через четверть часа я металась по номеру, собирая вещи. Возьму только документы, остальное заберут мальчишки. Такси вот-вот приедет. Несколько секунд смотрела на ноут — нет, не буду брать. Если я его возьму, то будет искушение поработать, а я не хочу сейчас работать, хочу отдохнуть. Все отчеты сделаны, все материалы отправлены, на все письма написаны ответы, потерплю до завтрашнего вечера уж как-нибудь.

— Готова? — вошел Том. Он был одет в обычные черные брюки. Дреды спрятаны под нормальной футболкой по размеру и прикрыты арафаткой, сверху облегающий тело теплый джемпер. На голове вязаная шапочка. Вообще другой человек. Красивый такой...

— Ты не бери с собой ничего, я прослежу за твоими вещами, — суетливо осматривал номер Георг. Я даже его не заметила. — Ключ где? — Забрал у меня карточку.

— Мы выйдем через служебный вход, я договорился. Такси на соседней улице. По идее должны проскочить незамеченными.

— Ты Дэвида предупредил? — Я придирчиво оценивала вишневую помаду на губах. Надо было посветлее что-то, коралловое, например.

— Я ему потом скажу, — улыбался Георг. — Сделаю вид, что забыл.

— Дэйв меня кастрирует, — скривилась я, поправляя строгое черное платье по фигуре и яркие, веселые бусы. Ноги в удобные разноцветные туфли на высоком каблуке. Прядку за ухо. Повернулась к ребятам, скромно спросила: — Красивая?

— Очень, — выдохнули в один голос.

— На училку похожа, да? — нервно елозила я руками по талии. Поправила прическу — волосы собраны в пучок, но из-за того, что голова чистая, некоторые прядки то и дело норовят выбиться. — И живот вон какой-то появился...

— Не придумывай, — хихикнул Гео. — Какой живот? Одни кости. Даже подержаться не за что.

— Но, но, но! — погрозила я ему пальцем и рассмеялась.

— Пойдем уже, — поторопил Том.

Я схватила палантин и сумку. Черт, выгляжу, как личный помощник руководителя... Хотя рядом с Томом в брюках смотреться буду ничего.

Действовали мы по той же схеме, по которой в свое время уходили с Биллом от поклонниц в Москве. Сначала вышел Георг и покрутился перед окнами, привлекая к себе внимание, потом мы спокойным шагом пересекли холл, изображая из себя молодую семейную пару. Затем служащий провел нас к служебному выходу и объяснил, как пройти на другую улицу. Две минуты, и мы уже со смехом плюхнулись на заднее сидение в такси. Ушли.

Все остальное прошло без приключений. Мы получили свои билеты, зарегистрировались, походили по Duty Free, накупив там всякой ерунды, загрузились в самолет и довольные расслабились.

— Мари, прости, это не мое дело, но ты же говорила, когда улетала в свою варварскую страну, что тебе денег должны? Не заплатили? Или русская мафия напала и все отобрала? — ехидно лыбился Том.

— С русской бы мафией я договорилась... — хмыкнула я, пробуя сок сомнительного вида на вкус. Поморщилась — слишком синтетический. — Лучше она, чем наша бухгалтерия. Вот где настоящая мафия.

Том с серьезной миной вопросительно поднял бровь (совсем как Билл). Пришлось объяснять.

— Я просила перечислить деньги на карточку, но бухгалтерия отказалась — им возиться не хочется. На руки они мне зарплату выдать не успели, я уехала. Еле договорилась, чтобы деньги забрала Полина и мне переводом прислала. Вот на следующей неделе получит, вышлет. А пока я по нулям вообще. Ужасно неудобно. Плюс должны в начале следующего месяца гонорар перечислить, может быть упадет что-то по мелочи в конце этого месяца. Там сумма хорошая, толку только мало. А здесь пока компания не раскошелилась... В общем, деньги у меня вот-вот

будут, а пока надо затянуть поясок. Желательно на горле.

— Почему ты сразу не сказала, что у тебя нет наличных? — стал он неожиданно серьезным. — А на карточке деньги? Ты же почти ничего не тратишь. Квартиру тебе компания оплачивает. Шмоток Билл столько накопил, что ты, по-моему, и половину еще не носила. Украшения, косметика — тоже не твоя страсть. Еда если только и так, по мелочи...

— А деньги я на той неделе родителям все скинула. Вот всё, что было. Они в Канаде дом купили. Давно еще. Кредит за него выплачивают. Надо было делать какое-то рефинансирование, банк условия поменял. Пришлось срочно закрывать кредит, а родителям не хватало. Я им все свои сбережения отдала. Иначе у них бы дом отобрали. Я-то рассчитывала, что деньги вот-вот придут, а, видишь, как вышло...

— А нам сказать? Ну как так можно? Мы бы помогли, — проворчал Том.

— Вот еще! Я не хочу от вас зависеть. Я хочу быть самостоятельной.

— Это глупо. Ты живешь с мужчиной, он должен о тебе заботиться и тебя содержать. К тому же, если учесть, что ради него ты отказалась от собственной карьеры, оставила дом, то содержать тебя — его святая обязанность.

— Я свои нужды сама обеспечиваю. А обязанность моего мужчины — любить меня, холить и лелеять.

— Я все-таки от тебя в шоке! По всему миру о русских женщинах идет слава, как о самых лучших, домашних и беспроблемных. Что вам приятно заниматься домом, семьей, и никакой карьеры!

— Ты еще предложи мне детей нарожать два десятка, — фыркнула я недовольно. — И Биллу кислые щи варить с пампушками!

— Не надо его кислым кормить! — хихикнул Том.

— Я и не умею. Какая есть. Не нравится, не смотри, — я демонстративно отвернулась от него к черному окну.

Том рассмеялся. Он заметно повеселел за эти несколько часов. Шутит, как прежде, ерничает, довольный. Совсем немного осталось. Еще час, и мы будем дома. Через час я увижу Билла. Мы тихо войдем в квартиру, тихо располземся по комнатам. Я осторожно залезу к нему под бок и нежно обниму. Билл будет рад. Не надо ни от кого прятаться, зажиматься по углам, можно спокойно общаться без масок, пить по утрам кофе с тостами, вечерами есть пиццу с кока-колой. Скоро... Очень скоро...

В аэропорту у меня начала болеть голова. Сначала не сильно — в висках ненавязчиво стучало и покалывало в районе затылка, надо бы выпить таблетку, но таможня, поиск такси, пока Том шифруется в тени колонн, времени на это не нашлось. Мы возвращались домой очень возбужденные. Я нервничала, все ли в порядке с Биллом, уж больно он капризничал, жаловался на боли, был каким-то вялым. Том окончательно воспрял духом и мечтал о том, как сейчас смое с себя запах гостиницы и залезет спать в собственную кровать под собственное одеяло на собственную подушку, отключив телефон.

Билла дома не оказалось. Я растерянно бродила по комнатам и отмечала, что уж кем-кем, а отшельником он не сидел. Пустые банки из-под пива, забитые окурками, чипсы, рассыпанные

по полу. В пепельнице разномастные бычки, многие со следами помады. Очень много бычков. Некоторые бокалы тоже с красными отпечатками чужих губ... Я нервно кусала костяшки пальцев, осматривая беспорядок, чувствуя, как внутри все холодеет. Голова болела сильнее. Надо ему доверять. Наверняка приходили друзья и подружки, посидели, выпили, поболтали. Это вовсе не то, что я думаю. Я не буду истеричкой, не закачу ему сцену ревности. В конце концов, мы тоже с ребятами отдыхали и веселились, чем он хуже? Билл всё объяснит. Я ему доверяю. Просто были друзья. И подружки. Доверяю... Голова болит.

— Ты только не делай скоропалительных выводов, — решил меня подбодрить Том. — Может тут были гости. Не мог же Билл за пару дней столько выкурить. Он бы просто умер от такой дозы никотина. Его бы разорвало в клочья, как хомяка.

— Принеси мне лучше воды. У меня очень болит голова. От постоянной смены часовых поясов и погоды со всеми вытекающими, от меня скоро ничего не останется. — Я порылась в сумке. — Да где же они?

Нервно вытряхнула все на журнальный столик и начала искать лекарство. Ключи от гамбургских квартир. Органайзер. Паспорта. Кредитки. Лак для ногтей. Ручка... Упаковка тампонов. Вторая ручка. Косметичка. Пилочка. Тени. Помада. Салфетки... Диктофон... Щипчики... Да где же?.. Ключи от московской квартиры... Конфеты... Жидкость для снятия лака... Ну где? Презерватив... Боже, ну почему в моей сумке всегда такой жуткий бардак? Была бы больше, я б туда еще чего-нибудь запихала! Боль пульсирует в затылке и давит на виски. Даже моргать уже больно. Надо срочно выпить что-то от давления и анальгетик. Вот! Нашла! В кармашке лежали... Скоро стану ходячей аптекой. Том принес стакан воды. Я заглотила сразу три таблетки — одну от давления, две от боли и расслабленно упала в кресло. Сейчас все пройдет. Минут через десять-пятнадцать. Это все от нервов. Психую который день. То Йост достает, зараза, то Билл вот... Это просто друзья. Могли же они прийти с подружками? Я доверяю. Я не истеричка.

— Он не берет трубку, — нервно проговорил Том.

— Давай рассуждать логично. Он мне сказал, что будет дома, потому что плохо себя чувствует. Если его нет дома, но чувствовал он себя плохо, значит...

— Я матери позвоню, — недовольно зыркнул он на меня.

— Среди ночи?

— А что делать? Вдруг он у нее?

— Привет ей передай и не пугай. Осторожно спроси.

— Не учи, — огрызнулся Том, сморщившись.

Пока Том звонил Симоне, я набрала номер нашего консьержа. Если Билл уехал, то он должен был видеть его машину, «Неотложку», такси. Герр Отто сказал, что за Биллом никто не приезжал. Он вышел одетый и куда-то ушел пешком часов в девять. По крайней мере, герр Отто чужую машину во двор не впускал и его тачку со двора не выпускал. При этом на первый взгляд ничто не выдавало в Билле больного — он был весел, бодр и с кем-то трепался по телефону. Фигня какая-то... Он же в восемь вечера буквально умирал! Ничего не понимаю. А гости были, да. Ребята и девушки. Вчера и сегодня. Прошлой ночью шумели сильно, жильцы жаловались. Я помассировала виски. Билл почти постоянно был на связи, почему он ничего не сказал про гостей?

— Мама говорит, что разговаривала с ним около семи, он собирался лечь спать пораньше. Сказал, что плохо себя чувствует... — растерянно пробормотал Том.

— Они тут сутки весьма активно зажигали, человек пять, — не менее растерянно отозвалась я.

— А почему не сказал? Мы же постоянно созванивались, он же ныл, что от скуки готов на стены лезть...

— Ты у меня спрашиваешь? Кто тут у нас психопат? В смысле телепат... Зато после нашего последнего разговора умирающий Билл собрался и куда-то свалил абсолютно здоровый.

— И до сих пор не вернулся? — постучал ногтем по циферблату, показывая время. — Полчетвертого.

— Главное, что он не берет трубку...

Том сел на диван и уставился в одну точку.

— Что делать? — спросил отсутствующим голосом.

— Звонить вашим друзьям, с кем он тут мог пьянствовать? Потом в полицию, больницы... Может, с ним что-то случилось? Может на него напали и избили? Ограбили? Может он попал в ДТП?

— Слушай, Мари, ну что за дурь лезет тебе в голову? — фыркнул он зло. — Может он с девушкой... — И осекся, испуганно покосившись на меня.

Я ревниво поджала губы.

— Тогда надо заранее узнать телефон морга! — припечатала недовольно.

Том хохотнул. И ушел на кухню. Да, я бы тоже что-нибудь съела.

Примерно в половине пятого, когда мы с Томом наметили план дальнейших действий, в дверь позвонили. Это было вдвойне странно, потому что мы сидели на кухне с едва заметной подсветкой от вытяжки и закрытыми жалюзи, со стороны улицы или двора света из окна просто не должно быть видно. Кто может звонить в такую пору, если Билл не знает, что мы вернулись? Том, как самый смелый, пошел открывать. Я бесстрашно прикрывала его спину.

На пороге стоял Билл. Нет, не стоял. Висел. Пытался стоять, но больше висел. На девушке. Оба пьяные настолько, что даже сфокусироваться не могут на нас. Девушка получше. Билл вообще никакой.

— Здрасти, — промолвила красавица, смело заходя в квартиру. За ней кое-как втек Билл.

Мы с Томом с недоумением пялились на гостью и ее спутника.

— Билли немного перебрал, — заплетающимся языком сообщила девушка. При этом Билли предпринял попытку распрямиться и пьяно полез к ней целоваться. Она встряхнула его: — Билли, любовь моя, тут же люди!

— Ааа, — вскинул кудлатую голову Билли и уставился на нас, явно пытаясь понять, кто перед ним стоит. — Аааа, — махнул рукой. — Это не люди...

Он постарался отцепиться от девушки. Распрямился. Ноги все равно разъезжаются, как на коньках. Его повело в сторону. Билл схватился за стену и замер, вода в воздухе пальцем, указывая примерно в сторону Тома.

— Это мой брат... Ну типа брат... Ну... Как бы тебе объяснить? В общем он старше меня на десять минут... Но я все равно первый.

Том недовольно причмокнул и закатил глаза.

Я стояла и не знала, что делать. Рассматривала девушку. Симпатичная. Волосы рыжие, кучерявые, до плеч. Глаза серые, небольшие. Нос уточкой. Губы тонкие. Одета очень стильно и дорого. Хорошая фигура. Девушка в свою очередь пыталась удержать равновесие, поглядывала в мою сторону. Раздражал ее постоянный скулеж и противное: «Билли, любовь моя!» Какой он тебе Билли, дура!

— А это... — вдруг обнаружил меня мой невменяемый принц.

— Да? Кто это? — вякнула гостья.

Я заинтересованно склонила голову, надевая на лицо улыбку. Да, кто я? Удивлял его взгляд — холодный, колкий, с примесью гневной ненависти. Сейчас какую-то гадость отмочит.

— А это... Это так... Наша группис... Знаешь, кто такие группис?.. Не?.. Ну, это бляди, которых мы ****, о! Кто попросит, тому и дает, да? Всем дает, да? Содержанка это... И группис... которых мы ебем...

Это была не гадость. И даже не удар под дых. Это было даже болезненнее сильнейшего удара по яйцам, как его описывают парни. В груди словно внезапно открылся вакуумный насос, который одним махом собрал все и всосал в себя, вырывая с мясом внутренности, ломая кости, оставляя лишь безвольную оболочку из кожи, которая каким-то образом застыла в прежней форме. Меня как будто изнутри выскребли ледяным скребком и набили кубиками льда, отчего руки мелко и противно задрожали. Какой-то чудом сохранившийся кусочек мозга велел мне улыбаться. Я всегда улыбаюсь, когда мне больно. Так приучила меня жизнь. Так в крови, которой больше нет. Которая застыла. Свернулась. Превратилась в лед и рассыпалась в грубых руках. Я улыбнулась шире прежнего, аж губам стало больно, а мышцы начало сводить.

— Да, я такая, — сказала кокетливо. Голос выдает. Дрожит. Но глаза сухие. Не дожدهшься. — Видели, глазки, что брали, теперь жрите.

Ошарашенный словами брата Том отмер.

Я почувствовала, как между близнецами прошел огромный разряд тока.

Шаг.

Короткий замах руки.

Билл летит в комнату. Сбивает стол, на котором разбросаны мои вещи.

Том тигром кидается на него.

— Том! — едва успеваю повиснуть у него на шее. Убьет! Или покалечит! Но точно изобьет сейчас сильно. — Том, — шепчу я. И голос срывается, дрожит сильнее. Тело трясет, как в

лихорадке. Он крепко прижимает меня к себе, зарывается носом в волосы и быстро говорит на ухо:

— Не смей реветь, слышишь! Иди к себе сегодня. Я тут разберусь. А завтра все будет хорошо, слышишь? Завтра все будет хорошо. Ты мне веришь?

Я кивнула, кое-как сдерживая слезы.

— Прости его. Он сам не понимает, что говорит, слышишь? Иди к себе, хорошо? Ложись спать, ладно? Иди... Завтра. Всё. Будет. Хорошо. Ты мне веришь? Иди.

Том отлепил меня от себя. Билл невменяемым взглядом рассматривал гостиную и что-то пытался сказать. Я сгребла свои вещи обратно в сумку, схватила ключи и выбежала из квартиры. В голове эхом звучало: «Содержанка... Это бляди, которых мы ****...»

Глава 5

Дрожащие руки долго не могли открыть дверь. Ноги подкашивались. Я прислонилась к стене и сделала глубокий вдох, медленный выдох. Надо успокоиться. Просто успокоиться. Меня трясло. Трясло так, что челюсть сводило и в груди все крутило, словно включили огромные лопасти. Дышать больно. Стоять трудно. Жить невозможно. Сползла на коврик под дверь, с горем пополам прикурила. Легкие наполнились дымом. Больно. Будто в горле кактус застрял, чувствую, как его иголки раздрают гортань, и ничего не могу с этим поделать. Первый раз в жизни руки дрожат настолько сильно. Да и саму трясет. Может тут где-то источник тока? Не может так трясти тело... Вдох. Медленный выдох. В голове пусто. Лишь два слова переливаются всеми цветами радуги — содержанка и блядь. Затягиваюсь так, что давлюсь дымом, обжигаю губы. Так плохо, что даже плакать не могу. Хочу, но не могу. Кое-как встаю. Пробую еще раз открыть дверь. Вроде бы получается.

Вваливаюсь в квартиру, словно пьяная. Включаю везде свет. Осматриваюсь. Я почти тут не живу. Билл сам нашел эту квартиру, сам договорился, сам обустроивал. Он хотел, чтобы мне было уютно в его стране. Он сделал все, чтобы мне хотелось возвращаться сюда. И я с удовольствием возвращалась. Только не жила тут, жила у него и с ним. Но у меня была моя квартира, маленькая, уютная, продуманная до мелочей, куда я всегда могла сбежать от него, побыть одна, поработать, спрятаться. Билл запретил мне привозить из России свои вещи, кроме самых любимых. Он заказал и купил все сам, одев меня с ног до головы. Даже расчески, резинки для волос и предметы гигиены купил мне он. Он хотел, чтобы у меня всё было, как дома, будто бы я никогда отсюда и не уезжала, будто бы всегда тут жила, а не просто первый раз переступила порог неизвестного мне места. А сейчас я смотрела на все эти подушки на диване, на плед, которым мы укрывались, на музыкальный центр, цветы на окнах, на полки с обувью и вешалки с одеждой, которые видны за приоткрытой дверью в гардеробную, смотрела на фигурки в серванте и вазочки, фильмотеку, которую он подбирал для меня... Он подарил мне новую жизнь. Жизнь, в которой есть только он и никого другого. Он купил мне новую жизнь. Он не хотел, чтобы в моей жизни присутствовали другие, чтобы я взяла что-то из прошлого. Только он. С чистого листа. Это не моя жизнь. Здесь нет ничего моего. Здесь всё куплено им. Даже пепельницы... Даже эти бусы... Я дернула их с себя. Улыбнулась, глядя, как бусины, подпрыгивая, разлетаются по полу. Содержанка. А ведь он прав. Я — содержанка. Блядь, которую купили. В принца поверила? Принцессой себя вообразила? Такая большая...

Заказала такси.

Не надо было рвать бусы. Зря я... Не мое ведь... Сняла с себя золотой браслет с сердечками-

подвесками. Очистила записную книжку телефона. Кольцо. Любимое... Единственное, которое я носила. Не хотела, чтобы подаренное им колечко сравнивали с другими. Оставила все на каминной полке. Не мое. Мне ничего не надо.

Достала мокасины и джинсы, водолазку — это я привезла из дома. Посмотрела на полки, ломящиеся от одежды. Моя куртка. Вся МОЯ одежда осталась в Лиссабоне. Даже свитер там. Ноутбук там. Всё там. Всё самое необходимое и любимое там. Что ж, я дарю тебе это. Все-таки такие траты, столько денег вбухал в свою соержанку. Ничего, подаришь другой. Свято место пусто не бывает.

— Герр Отто, — я старательно улыбалась. Протянула ему ключи. — Тому передайте.

— Мари? — нахмурился консьерж. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, — тихо отозвалась, и слезы все-таки полились ручьем. — Я очень хорошо себя чувствую... — всхлипнула я. Кое-как выговорила: — Просто замечательно.

— Мари... — он схватил меня за руку. С жалостью заглянул в глаза. — Мари...

Я отвернулась.

— Что-нибудь передать Тому?

Пожала плечами:

— Спасибо.

Гравий под ногами шуршал двумя словами. Листья на деревьях перешептывались двумя словами. Ледяной дождь капал мне на лицо и стекал, перемешиваясь с горячими слезами. Я запрокинула голову, закрыв глаза, подставляя лицо под тяжелые капли. Пожалуйста, небо... «Хочу быть каплей... Тот маленький путь был самым счастливым...» Дура... «Ты просто упадешь на землю и разобьешься...» Упала и разбилась... В груди все болит. Горло щиплет. Хочется курить. Руки все равно дрожат. Меня сильно знобит.

— Куда? — спросил водитель, глядя в зеркало заднего вида.

Я подняла на него глаза, пытаюсь сообразить, что надо этому странному мужику.

— На вокзал, — пробормотала тихо.

— Какой? — проявлял он чудеса терпимости.

— Любой. — Слезы все так и текли. Я не плакала. Слезы сами по себе лились. Просто лились, и я никак не могла их остановить.

Водитель протянул мне сигареты и зажигалку.

С трудом прикурила. Закрывает глаза. Прости, Том. Завтра не будет.

Через несколько минут он высадил меня у Центрального железнодорожного вокзала. Я поежилась. В машине было тепло. На улице сильный ливень, холодный ветер и температура едва дотягивает до десяти градусов. Подняла воротник у куртки. Ноги моментально промокли. Сжалась. Ничего. И это тоже пройдет. Надо найти кассы.

В моей жизни было три больших любви.

Родриго. При виде него я испытывала такой стресс, что не могла говорить. Он играл со мной, как кот с загипнотизированным мышонком. Он бросал меня, издевался надо мной, возвращал, стоило мне отвернуться и посмотреть на другого. Он превратил мою жизнь в ад, но я была готова и на это, лишь бы он хотя бы изредка обращал на меня внимание. Я готова была любить всех его женщин, прощать все его измены, мириться с его грубостью, зачастую доходившей до жестокости, лишь бы он хотя бы иногда обращал на меня внимание. Я не хранила ему верность специально. Мое тело никому не давалось само, доходило до истерик в постели с другими. Потом он уехал в другую страну, а я смогла немного «отлипнуть» от него. Я словно вышла из комы. Огляделась по сторонам и пришла в ужас — ни друзей, ни подруг, никого рядом. Мой мир, состоящий из единственного человека, лопнул, как мыльный пузырь. Я стояла в центре абсолютной пустоты.

— Билет, пожалуйста, на ближайший поезд.

— Куда?

— Все равно. Любой ближайший.

— Есть свободные места на экспресс до Берлина. Отправление через пятнадцать минут.

— Отлично.

— Возьмите сдачу. Счастливого пути.

Хм... двадцать пять евро. Не густо для начала новой жизни. Ну и куда тут идти на этот экспресс?

Саша. Мы жили вместе. Он был полной противоположностью Родриго. Он долго приручал меня. Он любил меня, окружил заботой, дарил дорогие подарки, помог с квартирой, подарил машину. Он баловал меня. А потом... потом появилась другая, «настоящая любовь», а я оказалась «ошибкой, но очень приятной ошибкой». Он погиб, умер у меня на руках. За несколько минут до смерти, выслушав мою тихую речь о своем месте в моей жизни, он вытер мои слезы и с жалостью сказал, что нельзя растворяться в мужчине, так ты становишься ему неинтересной. Я больше ему не интересна и не нужна. Я — ошибка. Приятная ошибка. Очень унижительно чувствовать себя ошибкой человека, которого любишь больше жизни. Я тогда еще билась в истерике и спрашивала Бога, почему он, у которого начинается новая жизнь с «настоящей любовью», а не я, которая никому не нужна.

— Подскажите, шестой путь — это куда?

— Сейчас в дверь направо, потом налево до лестницы вниз. Увидите, там табло большое. С вами все в порядке?

— Все в полном порядке. Я счастлива, — мертвым голосом. — Спасибо.

Билл. Я опять допустила ту самую ошибку — растворилась в мужчине. Начала жить им, дышать им. Он стал моим кислородом, моим наркотиком, без которого у меня начиналась почти физическая ломка. Он с детской непосредственностью расковырял мою раковину, в которую я никого не пускала два года. Он вытащил наружу мое мягкое слабое тельце. Вытащил, чтобы поиграть, поглумиться и выкинуть, пнув сильнее, чтобы не было желания вернуться, чтобы пропало желание жить. Нет, если третий мужчина выкидывает тебя, то дело

не в мужчинах, дело в тебе. В твоём отношении к ним, в твоём поведении, словах, в твоей любви. Слишком много меда было в наших отношениях, слишком сильно я его любила, слишком рьяно заботилась, перестала быть нахальной стервой, показывать зубы и нападать первой, перестала царапать его сознание. Хотела быть собой, хотела заботы, без этой глупой игры и ненужных масок. Просто была искренней... Содержанка и блядь. Родриго оказался прав, когда говорил, что моя истеричная суперстар выкинет меня, и пары месяцев не пройдет. Он продержался полгода. Я ухмыльнулась. Я не старый тапок, который бросили. Я — молодая, теперь уже свободная девушка, к ногам которой опять упал весь мир. Хочется пнуть этот мир посильнее, чтобы летел, как можно дальше. К чему он мне, если в нем нет ничего, кроме боли и одиночества?

— Привет.

Отвали.

— Меня Штефан зовут. А тебя?

Пошел на ***.

— Ты вся дрожишь. Давай я закажу тебе чаю. Какой ты любишь? С лимоном? С сахаром?

Блядь, привязался. Отъебись от меня, придурок!

— Ты вся промокла. Хочешь, я дам тебе свой свитер? Девушка, будьте добры, чай для фройлян. Да, с лимоном и сахаром. Сахар поднимает настроение. Спасибо.

Вставила наушники. Пошел к черту со своим чаем! Закрывает глаза. Да что же это такое? Прекратят они течь когда-нибудь или нет? Во мне столько жидкости нет, сколько я уже слез пролила. Надо расслабиться. Тогда меня перестанет трясти. Очень холодно...

Исчезает под ногами земля,

Сбой системы, непредвиденный сбой.

И твоя любовь уже не твоя,

А твою имеет кто-то другой.

— Послушай, чтобы ни случилось, это не смертельно в любом случае. Нет, ну есть, конечно, какие-то серьезные и смертельные моменты, но даже если это и так, то все равно как-то надо стараться жить и улыбаться. Жить надо так, чтобы там наверху сдохли или от смеха, или от зависти.

Виноватых бесполезно искать,

Надо заново учиться любить.

Все равно любовь придется терять

И придется каждый раз находить.

— А вообще, я тебе скажу, одну вещь: к жизни ни в коем случае нельзя относиться серьезно. Это такая игра, понимаешь?

Останься со мной, не предавай меня.

Взлетают на воздух мои города.

Останься со мной, не предавай меня.

Взлетают на воздух мои города.

— Я читал однажды о профессоре-еврее, который попал в гитлеровские лагеря. Он не мог изменить того, что происходило с ним: унижения, смерть друзей, невыносимые условия. Но однажды он додумался до простой вещи. Да, в жизни бывают проблемы, которые невозможно решить усилием воли. Но в нашей власти изменить свое отношение и не пускать их в сердце.

Поздравляю, все сначала, ура!

Все сначала, значит, все впереди.

Нет и не было тебя и меня,

Нет и не было огромной любви.

— Боже! Может быть, ты не понимаешь по-немецки. Do you speak English?

Останься со мной, не предавай меня.

Взлетают на воздух мои города.

Останься со мной, не предавай меня.

Взлетают на воздух мои города.

— Твой чай. Пожалуйста, выпей. Ты согреешься и успокоишься. Пожалуйста.

Под ногами шепот гравия,

Шорох гравия, грохот гравия.

Может он напоминает мне,

Что на грани я.

— А еще вот был случай. Тоже очень известный... Ничего, что я сразу на ты? Но если ты против, то могу и на вы. Просто, когда девушка плачет, это плохо. Девушки должны улыбаться. Говорят, что когда красивые девушки улыбаются, ангелы на небесах радуются.

Все нормально, все по-прежнему,

Но дрожу я под одеждою,

Просто кислорода в городе

Не хватает мне, задыхаюсь я

Без тебя...

Я выключила плеер. Мало того, что там закачана какая-то ерунда, которая сейчас окончательно раздавит мое убитое горем сознание, так еще и этот урод напротив решил меня достать своей болтовней.

— Я не понимаю по-немецки, я не говорю по-английски, отвалите от меня, пока я вас не послала по-русски, — устало выдохнула я на родном языке. Улыбаться нет сил.

— О, ты есть русский? — оживился парень. — Я учить русский школа. Но плёхо. Очень плёхо. Smile, please. — И добавил по-немецки: — Тебе бы пошла улыбка. — Опять перешел на англо-русский: — Tea. Пожалуйста. Tea, sugar, lemon. Drink. Пожалуйста.

— Что вам надо от меня? — смилостивилась я над несчастным, перейдя на знакомый ему язык. — Если вы хотите меня ограбить, то у вас ничего не выйдет. Кроме документов у меня с собой ничего больше нет. Что вам надо?

— Боже! Какое счастье! Мой русский так плох, что я бы не смог на нем полноценно общаться. Мне ничего не надо. Но мне бы не хотелось, чтобы ближайшие полтора часа сидящая напротив девушка рыдала и всячески портила мне настроение своим убитым видом. Пейте чай. Вы замерзли.

Я не отважилась поднять бокал. Мои руки так дрожали, что я рисковала не донести его до рта. Наклонилась над чашкой, пригубила слишком сладкий напиток.

— Я еду с похорон. Бабушка умерла. Знаете, я очень ее любил, но последний год мы не общались. Она всегда была для меня особенным человеком, а потом как-то так получилось, что мать поссорилась с теткой, семьи начали враждовать, а бабушка вот... Я даже ей не звонил, хотя часто вспоминал. Я не мог ей позвонить, хотя хотел. Тетка сменила квартиру, переехала в деревню. Хотя нет... Наверное, я не хотел. Я был обижен. А вчера, стоя у ее гроба, я мысленно просил прощение за то, что не звонил и мой эгоизм мешал быть с ней до конца.

— Соболезную.

Он молчал, видимо, ждал от меня аналогичного откровения. Я маленькими глоточками пила чай.

— Вы из России, да? У вас акцент.

Кивнула.

— Давно в Германии?

— Полгода.

— Меня Штефан зовут. Штефан Шолль. Я креативный дизайнер в рекламном агентстве. — Протянул мне руку.

Я пожала ее.

— Мария Ефимова. Журналист. — Содержанка и блядь.

Он широко улыбнулся, обнажая белоснежные крепкие зубы.

— Первый раз вижу рыдающего журналиста. Мне всегда казалось, что они такие прожженные и толстокожие, что их ничем нельзя достать.

— Я тоже впервые вижу дизайнера, который выбрит и ухожен. Обычно это нечто обросшее и вонючее, похожее на шимпанзе, — тут же ехидно огрызнулась я.

Штефан ухмыльнулся.

— Да, журналист. Вижу. Позволь, я закажу тебе еще чаю? Или, хочешь, кофе?

Штефан был симпатичным молодым парнем, лет двадцати пяти — двадцати восьми. Густые светло-русые волосы, словно он раньше носил полу-каре, а сейчас решил отращивать. Серые глаза. Обычные губы. Утонченные черты лица. Его можно было бы назвать настоящим арийцем. По крайней мере, именно такими я их и представляла. Типичный немец.

Я почти не разговаривала. Отвечала односложно. Штефан поведал мне о своей семье и работе. Рассказал про сестру, с которой раньше жил, пока она не вышла замуж. Про маленькую племянницу. Я не слушала. Просто кивала, пропуская подробности мимо ушей. Его болтовня не давала мне думать, вспоминать, прокручивать. Он задавал вопросы, то так, то этак заходил, пытаюсь узнать что-то обо мне. Я отделялась общими, ничего не значащими фразами. Он отвлекал меня, переключал. Я не шла на контакт. Но слезы высохли. Интересно, что ему на самом деле надо? Не может же он просто так сейчас заговаривать мне зубы?

Не смотря на выпитый чай, мне все равно было холодно. Я касалась горячего лба и не могла понять — то ли это температура, то ли на нервной почве организм сбоят. Что-то ненормальное с ним происходит.

— Это все твои вещи? — удивленно смотрел на меня Штефан.

— Ну да, — поправила я сумку на плече.

— Тебе есть, где остановиться?

— У подруги, — неуверенно соврала я. В Берлине не было никого, у кого бы я могла пожить пару дней. Вообще никого. Значит, надо решать все свои дела одним днем и убираться из страны. Домой. В Россию. В свою квартиру. А потом отменю все встречи и возьму тайм-аут на месяц-два. Поеду к маме в Канаду. Или рвану в Индию. Давно хотела. Проедусь по стране, посмотрю, как люди живут. Сделаю цикл репортажей. Да, в Индию. Не хочу к маме. В Индию или на Бали. Ни разу не была на Бали. А можно и туда, и туда. Я — молодая, красивая, смелая. Одна не останусь. И это пройдет. А Билл... А что Билл? Первый раз было больно. Второй раз обидно. Третий... Жила же я как-то без него. Существовала... Главное, Родриго не говорить. Он поднимет меня на смех. Примчится из своей Венесуэлы, чтобы издеваться и назидательным тоном говорить, какая я дура, но он, так и быть, меня прощает. Будто я без него не знаю, какая я дура.

— Мария, мне было приятно с вами провести эти полтора часа, — улыбался Штефан на прощание, когда мы стояли перед выходом в город. Мой попутчик любезно согласился провести меня по самому большому в Европе вокзалу к выходу, иначе я бы тут неделю плутала в этих переходах, лестницах и лифтах. — Надеюсь, что вы хорошо проведете время в Берлине. Это очень красивый город.

— Спасибо, что отвлекли меня от грустных мыслей.

— Пообещайте мне одну вещь.

— Если это в моих силах.

— В ваших. Улыбайтесь, пожалуйста. Вам очень идет улыбка.

Я постаралась растянуть губы, но вместо этого слезы опять побежали из глаз.

— Не надо плакать. Всегда улыбайтесь. Вы очень красивая. Хорошего отдыха. Прощайте.

Штефан пожал мне руку и пошел ловить такси. Я осталась одна, тоскливо глядя ему в след. Слабость какая-то в ногах. Неужели от стресса? Плохо мне. Физически плохо. Ладно, надо выползти на улицу и оценить ситуацию. Сначала позвонить Полине. Попросить, чтобы деньги прислала сегодня, хотя бы свои, там рассчитаемся. Потом билет на самолет или поезд и ну к черту эту вашу хваленую Германию. Домой. В Россию. Зализывать раны.

Я вышла на площадь, вставила наушники в уши и включила плеер. Заиграл баян, раздался гитарный перебор — очень похоже на что-то немецкое народное. «Аквариум». Великий Б.Г. Я еще раз заставила себя улыбнуться. Вокруг меня сновали люди. Вон там стоянка такси. Штефан договорился, грузит чемодан в багажник. Помахал мне рукой. Я помахала в ответ. Что же с организмом? Как будто ледяной водой окатывает. Мурашки бегают по спине. Ноги и руки холодит. В голове шумит и перед глазами круги. Дьявол, я опять не спала почти двое суток, и вряд ли сейчас где-то прилягу. Держись, Машка, русские не сдаются так легко. Главное сегодня пережить, а завтра будет легче, завтра я уже буду дома. Перед глазами окончательно все поплыло.

— Не пей вина, Гертруда, — противно блеял мне в ухо Б.Г. — Пьянство не красит дам...

Чай... С лимоном... — нахмурилась я. «Сахар поднимает настроение» Земля выскользнула из-под ног. На мгновение стало больно, а потом наступила темнота.

Глава 6

Я проснулась в каком-то странном помещении с высокими потолками и стенами, выложенными белой плиткой. Как в морге. С той лишь разницей, что лежала я не на холодной металлической каталке, а в постели. Голая... Нет, ну, не совсем голая. В трусах и какой-то ситцевой распашонке, которая сбилась под спиной в мерзкий комок. Так... И что все это значит? За окном ночь. Льет дождь. Где-то справа горит фонарь. Видимо рядом есть еще дерево, потому что свет то и дело «перебивает» что-то «лохматое». Я села и осмотрелась. Стол, два стула, тумбочка. Дверь узкая. Дверь какая-то подозрительная. Первая, скорее всего, в туалет. Вторая на выход. Больница что ли? Только очень стремная больница, старая и обшарпанная. Второй вопрос — что я делаю в больнице? Ощупала голову. Нет, ссадин нет, по крайней мере значительных. Клофелин? Похоже на то. Видимо вырубил где-то. Понять бы где. Последнее, что я помню, — вокзал. Какого черта я общалась с незнакомым мужиком? Ведь нельзя же, нельзя! Элементарная техника безопасности. Идиотка. Я посмотрела в уличное окно. Да, кусты, деревья, забор вон недалеко, улица, редкие машины. Только почему в таком боксе? Что я им плохого сделала? Почему не в обычной палате? Я подошла к окну, которое отделяло мой бокс от коридора. Коридор, как коридор. Темно и ничего не видно. Можно позвать дежурную медсестру. Не буду. Утром разберемся.

Оставшееся время я лежала и тупо смотрела, как на потолке играют тени. Я старалась ни о чем не думать. Не вспоминать. Утром все выяснится, и я пойду на все четыре стороны. Буду свободна. Вернусь домой и заживу, как раньше. Да, я буду улыбаться. Всем. Радостно. Я буду смеяться. Всем назло. Чтобы все сдохли от зависти от того, насколько я счастливая. Интересно, что он почувствовал, узнав, что я ушла? Облегчение? Радость? Я не думаю о нем. Его больше не существует. Он умер для меня. Какое сегодня число?

Меня разбудила медсестра. Вставила градусник в рот, подождала, пока он запищит. Чувствовала я себя, надо сказать, удивительно отвратительно. Тело ломило, голова болела, и во мне явно блуждала какая-то инфекция, с которой организм боролся посредством высокой температуры. Я бы даже сказала, чрезмерно высокой температуры.

— Простите, где я? — отважилась поинтересоваться у тетки.

— В больнице, — ответила добрая женщина.

— Ээээ... — тут же напряглась я, неожиданно вспомнив, что медицинское обслуживание мне нынче не по карману. — А можно с кем-то пообщаться? Боюсь, я не могу себе вас позволить.

— Это муниципальное учреждение.

— Хорошо. Но имейте ввиду, в ваших же интересах выписать меня как можно быстрее, чтобы мои микробы не разорили ваше муниципальное учреждение.

— Я передам это вашему лечащему врачу, — улыбнулась она и вышла.

Я сжалась на постели, натянув одеяло на макушку. Холодно. Черт, если они выставят мне счет, это будет номер. Вопрос дня — где мои вещи? Можно сбежать, но шататься по городу в таком виде, без документов да еще в марте... И позвонить некому. Совершенно некому позвонить, чтобы приехали и забрали. Еще никогда в жизни я не ощущала себя настолько ничтожной малюсенькой песчинкой. Там за окном мир живет сам по себе, совершенно позабыв про меня. Муравейник. Кто-то лапку сломал — ни в счет. Кого-то съели — не беда. Кто-то пропал — не страшно. А я даже не муравей сейчас. Я пыль под их многочисленными ножками. Маленькая, незаметная пылинка. Как же я так могла? Как посмела? Как пропала? В чужой стране совсем одна, больная, разбитая, раздавленная. Все против меня. Небо против меня. Погода против меня. Обстоятельства складываются так, словно ангелы на небесах специально надо мной издеваются. Я не буду о тебе думать. Не буду. Не хочу. Это не слезы. Это из-за температуры. Я не плачу. Ты не заставишь меня плакать. Ни одной слезинки тебе не подарю. Я не могу без тебя. Я заставлю себя не думать о тебе. Это так просто — надо только переключиться на что-то другое. Полезное. Так, Машка, включай голову! Собирай свой разжиженный из-за температуры мозг в кучку (или сливай его в стакан, как получится). Что мы имеем? В Германии обращаться за помощью мне просто не к кому. Этот пункт вычеркиваем. Позвонить в Россию — как вариант. Да, можно. Но кто за мной потащится из России? Пока визу сделают, пока оформят все... Нет, не годится. Минус еще один пункт. Позвонить родителям в Канаду? Смысл? Те же яйца, только в профиль. Выкинули последнее. Что осталось? Единственный вариант — позвонить в Венесуэлу Родриго. Он вечно туда-сюда по миру мотается, возможно, сможет приехать и забрать меня, финансовое положение ему позволит без ущерба для кошелька рассчитаться за мое пребывание в больнице. Я потом ему отдам. Фигня только в том, что в очередной раз продинамить Родриго, если он приедет за мной, будет подло с моей стороны. Да и захочет ли он со мной общаться после того, что произошло в Австралии? Он написал мне единственное письмо с пожеланиями счастья, я коротко ответила «Спасибо» и на этом наше с ним общение прекратилось. Знаю, если позвоню, он примчится первым же рейсом. Или нет? По щекам вновь поползли слезы, нос, который и так не дышит, тут же отек и потек. Ну что за наказание? Представила, как я звоню Родьке, прошу помочь, а он меня посылает красивым, русским, трехэтажным. Что-что, а уж матом Пуговкин ругается с особым удовольствием и вдохновением. Нет, если и он вышвырнет меня из своей жизни (если уже не вышвырнул) так же, как выкинул Билл, моя слабая психика расстроится окончательно. Я, конечно, не стану вены резать и таблетки глотать, но уйду в себя надолго. Вообще одна. Вот совсем-совсем одна. Как в старом добром анекдоте — пусть у ваших

врагов все будет, всё-всё, что они хотят, а в записной книжке пусть будет записано всего три номера — ноль-один, ноль-два и ноль-три. А я даже туда позвонить не могу. Мама, забери отсюда свою блудную дочь. Обещаю, буду как все девчонки моего возраста — сидеть дома в Интернете и мечтать о принце. Нет, принца не надо, спасибо было. Не нужны мне больше принцы. Жила себе одна — спокойно, свободной от всех, куда хочу — туда лечу. Эх, мне бы волшебную палочку, я бы пожелала стереть твое имя из памяти. Даже думать его больно. Четыре буквы сплошной боли. Ты не существуешь! Ты мираж! Исчезни! Чур меня, чур...

Умная мысль пришла в голову с опозданием. Нет, я все-таки дура. У меня же в паспорте записан номер страхового свидетельства! А по страховке я имею право на госпитализацию! Я ж работала, как все, налоги с меня снимали, как со всех, так что и болеть могу, как все! Господи, спасибо, что Ты есть! Я облегченно выдохнула и закрыла от удовольствия глаза. Как же я забыла про страховку? Идиотка! Покрашусь в блондинку, хотя бы не так стыдно будет, что вечно все забываю и паникую раньше времени. Да! Сделаю короткую стрижку, выкрашусь дома в блондинку, накуплю себе розовых вещей и моя жизнь наладится. Осталось только понять, как долго меня тут продержат. И домой! Домой! Чтоб ноги моей тут не было! Там тебя не существует, там тебя нет.

Мой лечащий врач оказалась приятной женщиной непонятного возраста с грустными карими глазами. Велев мне лежать, традиционно засунув градусник в рот, она измерила давление и принялась что-то писать в карту. Ее интересовало всё, начиная от того, чем я болела в детстве, к чему предрасположена, на что аллергия, сколько беременностей у меня было, чем я предохраняюсь и заканчивая вопросами про болезни родственников. Я без всякого энтузиазма «сотрудничала со следствием», правда, отвечала путано, потому что неожиданно выяснилось, что я понятия не имею, как все мои детские болячки называются по-немецки, приходилось проявлять чудеса жестикуляции, играя в шараду. Кажется, тетка меня понимала. По крайней мере, делала вид, что понимает. Потом она долго пыталась меня по поводу того, не стукнулась ли я головой, что помню, а что нет, что пила-ела-принимала в последние дни. Я честно отвечала на все вопросы, прикидывая, что за питанием надо все-таки следить лучше, а то так и до гастрита недалеко, а со всеми переживаниями я еще и язву заработаю. Кому я потом больная нужна буду? Я и здоровая-то не особо нужна...

— А какое сегодня число?

— Восемнадцатое марта, — не отрываясь от записей, отозвалась она.

— Значит, я вчера весь день была без сознания?

— Скорее спали.

— Что со мной? Это клофелин? Я обычно в обмороки не падаю.

— Пока точно сказать не могу. Сделаем анализы и все выясним, не стоит беспокоиться. На отравление не похоже. У вас красное горло и все признаки острой респираторной вирусной инфекции. Остальное выяснится, как только будут готовы результаты анализов. Поверьте, держать вас тут никто не будет, — врач улыбнулась.

— И сколько дней меня здесь продержат? — кисло спросила я.

— Общие анализы будут готовы через несколько часов. Но есть вероятность инфекционного заболевания, поэтому мы хотели бы сделать баканализ, это займет два-три дня. У вас есть страховка, документы? Мы могли бы провести дополнительные анализы — УЗИ, кровь на токсины, но это только в случае, если ваша страховая компания оплатит эти расходы.

— Думаю, что оплатит... Где мои вещи?

— Полагаю, они в камере хранения.

— Мне нужна сумка. В ней документы, страховка... По-моему, вся моя жизнь в той сумке... А почему меня положили в отдельный бокс?

— Нам нужно исключить инфекционное заболевание, пока есть такая вероятность, вы полежите здесь, а потом посмотрим.

Она ушла. Хорошая тетка. Внимательная, говорит так доброжелательно. Обещала назначить что-нибудь от температуры и выдать капли в нос, а то я совсем расклеилась, течет отовсюду, прям не тело, а разбитое о скалы протекающее корыто.

Я заставляла себя не думать о нем. Целенаправленно прерывала любые мысли, постаралась вычеркнуть даже его имя из памяти. Его больше нет. Я одна. Я справлюсь. Тихо ревела и запрещала произносить его имя вслух, про себя, тайком от самой себя. Он не существует. Моя жизнь — мираж. Это издавна казалось, что вот-вот и я окажусь в прекрасном оазисе любви, а на деле впереди был всего лишь высохший колодец, из которого вода ушла давным-давно. Я не думаю о нем и не плачу. Это не я. Это они сами. Представила, как приеду домой, как мне обрадуются подружки, как будем пить с ними сливовое вино и есть суши в «Гин-но таки» на Охотном ряду. У меня есть друзья в Москве. Да, сейчас я не могу к ним обратиться за помощью, но они будут рады меня видеть. И я сразу же назначу кучу встреч, уйду с головой в работу. Я ни на секунду не останусь одна. Я буду веселиться, гулять, заведу себе кота или мужчину. Нет, кота нельзя. Кто за ним будет ухаживать? Заведу себе двух мужчин — если один из них меня бросит, то рядом всегда будет запасной вариант. Хотя кот все-таки лучше мужчины, как ни крути. Эх, была ни была, заведу себе женщину! Женщина-то уж точно лучше мужчины и кота вместе взятых, она хотя бы умеет готовить и не разбрасывает везде использованные зубочистки, как Билл. Ну вот! Опять о нем вспомнила. Надо вспоминать только плохое. Вот зубочистки реально бесили. Такое чувство, что в квартире живёт сумасшедший бобёр, который эти зубочистки по пять штук в день сгрызает и расщепленные на стол горочкой выплёвывает. Я один раз накопила этих щепок за три дня и безумному бобру в носок засунула. Ах, как же он громко матерился и орал — душа сейчас радуется! А эта его страсть к страфикам! А дурацкий смех! И уши, как у кролика. «Вы зайца не видели? — Зайца? Какого зайца? У него уши такие и хвост вот такой пупочкой? Неа, не видел». А у Билла мозг пупочкой. Как же я по тебе скучаю... Ненавижу! А еще сделаю короткую стрижку. Совсем короткую, как у ребят-спортсменов. Набью на затылке тату. Какую-нибудь фигню, типа, «Пошли все на...» И уйду в загул. Обязательно уйду в загул. Буду отрываться в ночных клубах, ездить на дорогих иномарках, пить дорогое шампанское. Я никогда больше не включу твою музыку, я выброшу все твои фотографии и диски, я забуду о твоём существовании, не отвечу ни на один твой звонок, ни на одно твоё письмо, заблокирую тебя везде. Хотя ты и не позвонишь больше... Я порву и сожгу все твои вещи, заставлю себя не думать о тебе, не плакать о тебе, не шептать твоё имя, словно молитву. Я вытравлю свою любовь самой лучшей кислотой — другим женщиной. Я лучше буду жить с пустотой внутри, чем с любовью к тебе. Может быть, у меня даже получится изменить тебе. Не сразу... Когда-нибудь... Если раньше я не сойду с ума от той пустоты... Мне чего-то так стало жаль себя, что я снова разревелась и принялась жалеть себя, душечку, с удвоенной силой.

Больно. Больно почти физически. Злые слова медленно убивают, сдавили горло, не дают дышать. Мне не хватает кислорода. Но я смогу. Я знаю, что смогу выжить. Я заставлю себя выжить. Отремонтирую свою раковину, укреплю стены, заберусь в нее и больше никогда никого не пущу. Хватит. Хва-ти-т! Они все такие. Все, без исключений. Пока ты с ними

играешь, пока царапаешься и кусаешься — будут виться вокруг, приручать, забавляться. А стоит дать слабину, тебя тут же выкидывают. Взять того же Родриго. Пока я на него молилась, ноги об меня вытирал, а стоило на горизонте сопернику появиться, как начал строить из себя золотую рыбку — хочешь пирожное, хочешь мороженое, хочешь солнце с луной и вон ту звезду. Не хочу уже. Домой хочу. Я так давно не видела маму. Я толком не посплетничала с Полиной. У меня в последнее время случилась паранойя и мне теперь кажется, что народ встречается со мной только потому, что я работаю с группой Билла. Я не говорю о нем с друзьями, но они спрашивают. Причем всех волнует один и тот же вопрос — гей или не гей. Когда говорю, что не гей, мне никто не верит. Теперь буду говорить, что гей. Ему все равно, а мне приятно. Билл Каулитц — плохой, мерзкий и отвратительный человек. Я не могу без тебя. Мне дышать нечем...

Кто бы мог подумать, но ко мне нарисовались посетители. Моя врач и женщина лет пятидесяти. Я быстро вытерла слезы, прилизала волосы руками и сделала вид, что это я тут не реву, а болею, поэтому такая страшная и опухшая.

— Дело в том... Мы проверили всё... Но ваши вещи не сдавались в камеру хранения, — сообщили мне после обмена любезностями.

Я глупо открыла рот на это и шмурыгнула носом.

— У нас есть журнал учета. Там все фиксируется. Мы проверили. Ваши вещи не сдавали в камеру хранения.

— Вы хотите сказать, что меня «Скорая» в одних трусах где-то подобрала?

— Нет, мы связались с той бригадой, и они нам сказали, что вы были одеты в куртку, джинсы и кофту.

— Водолазку... — автоматом поправила я. — А где мои вещи? Где моя сумка? Там документы! Давайте искать! Ну, может, вы куда-то кинули, я не знаю, под стол, может, завалилось куда-то, может, в приемной где-то! Вы представляете, что вообще произошло? — Я заводилась, начинала орать все громче и громче. Слезы не заставили себя ждать. Кошмар, что скажут обо мне люди? Меня сейчас в дурку отправят... — Я осталась в марте месяце в чужой стране в одних трусах и без документов! Мне не у кого остановиться! Давайте искать мою сумку и вещи! Вы понимаете, я даже деньги не смогу получить в банке! Я билет не смогу домой купить! Я как жить буду в трусах на улице в марте?

— Успокойтесь, уверена, что ваши вещи найдутся, — протянула мне врач стакан воды. — Кому они нужны?

— Самое главное — сумка, там ВСЕ мои документы.

— Как она выглядела?

— Небольшая такая, кожаная, мягкая, вместительная очень, — причитала я, старательно размазывая слезы кулаками. В палате не осталось ни одного сухого полотенца, а вытираться пододеяльником или простыней при людях было как-то нездорово. — Там еще диктофон должен быть, блокнот, органайзер, так... мелочи... много мелочи... Она, когда просто лежит, то какая-то бесформенная. А на плече хорошо смотрится... Красивая очень и удобная. Чудо-сумка. Найдите ее, а... Все остальное можете себе оставить, а сумку найдите, пожалуйста. Я без нее из страны не смогу уехать. Там документы, страховка, кредитки.

— Мы поищем. Не переживайте, на улицу вас в одних трусах мы не выставим. Придумаем что-нибудь. В конце концов, можно обратиться в посольство, они обязаны помогать гражданам своей страны.

— Это вы что ли про российское посольство такого хорошего мнения? — хмуро посмотрела я на нее. — Почему-то именно сейчас мне очень хочется быть гражданином любой другой страны, только бы не России.

Меня клятвенно заверили, что вещи найдут. Я начала прикидывать, что делать, если их не найдут. Выходило отвратительнее некуда. Надо искать того, кто может меня отсюда забрать, при этом купит мне хоть что-то из одежды. Правильно Билл меня содержанкой назвал. А кто я? Сейчас опять кому-то придется меня обувать-одевать. Черт! Только я могла так вляпаться. Ну почему всегда я? Почему? Что за наказание такое? Так, самый идеальный вариант, кого можно попросить о помощи, — это Густав или Георг. Вариант хуже — Дэвид. Совсем плохой вариант — Родриго. Если звонить кому-то из команды, то придется объяснять, что я тут делаю в таком виде, а потом возвращаться обратно к Каулитцам. Хотя нет, возвращаться к Каулитцам не придется. Не хочу их видеть, не хочу ничего знать о них, ничего слышать не хочу. Его больше нет. Меня для него больше нет. Я о нем не думаю. Я решительно вытерла слезы и высморкалась. Вот так лучше! А то нюни распустиииила... Окей, можно поговорить с парнями, объяснить ситуацию и попросить временного убежища, пока я не решу свои дела с отъездом. Плохой вариант! Плохой! Плохой! Я ни к кому из команды обращаться не буду. Я со всем справлюсь сама. Я жива, почти здорова, руки-ноги есть, голова варит, значит, придумаю, как вылезти из этого чана с дерьмом. Меня в Танзании не убили, в Колумбии от наркобаронов смоталась, в Австралии чуть не съели, так какого черта я тут нос повесила? Подумаешь, в трусах осталась. Могло быть хуже! Могла и без них... А зачем я поехала в Берлин? С какой целью? Из Гамбурга же тоже самолеты домой летают... Вот я дура...

Ничто так не угнетает человека, привыкшего к активной жизни и постоянному общению, как полное отсутствие той самой активной жизни и этого злосчастливого общения. Полдня тело ломало и крутило. Я корчилась на постели с температурой, то потя, как дохлая мышь, то замерзая, как таракан на морозе. Голова болела и кружилась. Во рту не было вкуса, нос ничего не чувствовал. Я не ела и толком не спала. Лежала в каком-то полузабытье, разговаривая сама с собой. Наверное, со стороны могло показаться, что я шизофреник. Лежала и разговаривала с «ним» в своей голове. Я пыталась что-то «ему» объяснить, придумывала «его» ответы, ругалась и скандалила. Представляла, как надо было повести себя, что сказать, что сделать, как ответить, проживая ситуацию снова и снова, рыдая так, как будто бы кто-то умер. Идея поехать домой почти на сутки раньше принадлежала Тому. И Билл же не мог ему не сказать, что у них в квартире праздник. Значит, Том знал и вез меня целенаправленно — они хотели избавиться от меня. Почему сразу не сказать? Нет, если бы было так, Том бы не полез в драку. А он в тот момент реально хотел его избить. Том заступался. Значит, выступление было незапланированным. И Том постоянно его оправдывал, пока мы осматривали место суперпати. Значит, ничего о празднике не знал. Что-то произошло в короткий промежуток между восемью и девятью часами, отчего Билл взбеленился. Он же нормально со мной говорил, был мягким и пушистым, капризничал, а потом... Что произошло потом? Содержанка и блядь, которая всем дает. Почему? С чего он? Так, вопрос с Дэвидом мы выяснили. Отпадает. С Томом они все вопросы выяснили давным-давно. Том меня и пальцем не тронет, даже если сама полезу. Отпадает. Содержанка... Я сама на себя зарабатываю, и Билл прекрасно это знает. Тем не менее, он все равно считает своим долгом хотя бы раз в неделю купить мне какую-нибудь шмотку, а чаще всего несколько. Я его не прошу, это его инициатива. Не буду ж я ему запрещать баловать меня, если ему хочется! Стоп! Вот! Вот оно! Вот этот прогиб! Почему я позволяю ему делать что-то, что не нравится мне? Почему не возражаю? Почему не ставлю

свои условия? Почему делаю его жизнь комфортной со мной? Нельзя. Мужик существо такое, его надо в черном теле держать. Хорошо, учту на будущее. Надо больше эмансипации и стервозности в отношениях. А тогда... там... неправильно ответила. Надо было вцепиться в рожу Билла, а потом в волосы этой Биллилюбовьмой. Интересно, а как они объяснят Дэвиду, куда я пропала? Впрочем, итальянского я все равно не знаю, так что мне нечего делать в Риме. Пришлю ему факс с извинениями и заявлением об уходе. Пусть в качестве компенсации оставят себе мою зарплату. Может позвонить Йосту, объяснить ситуацию и попросить денег в счет зарплаты? Нет, ни цента не возьму! Сама справлюсь. Только вот как? Я истерично рассмеялась, представляя, как меня через два-три дня выставят из больницы в трусах и распашонке. Ладно, распашонку можно будет выдать за супер-пупер мини-платье, типа модно, но что делать потом? Родриго сказал, что все равно к нему прибегу. Не хочу ему звонить. Густав надежный. Ему можно доверить тайну. Нет, не могу ему позвонить все равно. Я буду выглядеть смешно. Дэвид просто не поймет. Георг... Георг с Томом очень дружен. Он не станет прикрывать меня — может пострадать их дружба. Приехали в начальную точку. Я сошла с ума, какая досада.

Время тянулось бесконечно долго. Я умирала от безделья. В голову настойчиво лезли мысли о нем. Мне казалось, что сейчас откроется дверь и он войдет, извинится, объяснит, заберет меня домой. Я говорила с ним, прощала его, ненавидела, ругала и снова прощала. Я, то тихо плакала, забившись носом в подушку, то меня переключивало, и я истерично хохотала. Я вела себя как беглый псих, стремительно скатываясь в жесткую депрессию, закрываясь, уходя в себя, прекратив общение даже с медсестрой, которая второй день пыталась со мной поговорить. Она спрашивала о самочувствии, я упрямо твердила, что всё в порядке, но по опухшему лицу и красным глазам было видно, что совсем не все в порядке у русской девушки Маши Ефимовой.

Вечером второго дня мне выдали успокоительное и снотворное. Очень хорошее успокоительное. Моя голова была настолько пустой, насколько это вообще возможно. Я не думала, не плакала, не смеялась, просто лежала и бездумно смотрела в потолок. То, что нужно, — пустота.

В четверг после обеда мой лечащий врач порадовала меня тем, что никакой посторонней инфекции, кроме простудной, во мне нет, то есть я могу быть свободна и валить на все четыре стороны хоть сейчас. Честно говоря, я бы с удовольствием тут же кинулась собираться, если бы было во что. Ни одежда, ни сумка так и не нашлись. И чутье мне подсказывало, что и не найдется. Надо кому-то звонить. Вопрос только кому...

— Мария, я связалась утром с социальной службой. Они занимаются людьми, которые оказались в затруднительном положении. К вам сегодня придет инспектор. Мне бы хотелось, чтобы вы обсудили с ним все детали. Думаю, что он сможет вам помочь и с временным приютом, и с одеждой, и с питанием. Посодействует в получении документов и вашему отъезду на родину.

— Благодарю вас, фрау Шмидт, вы так добры ко мне.

— Это моя работа, — улыбнулась она, направляясь к дверям.

— Фрау Шмидт, — остановила я ее. Женщина обернулась. — Вы можете дать мне с собой немного успокоительного и снотворного. Боюсь, сама я не справлюсь.

— Я бы вам посоветовала хорошего психолога или дала направление в клинику неврозов, но, вы же знаете, что я не могу этого сделать.

— А лекарство? — жалобно смотрела я на нее.

— Что у вас случилось? — сверкнула она стеклышками очков.

Я замялась...

— Мой парень... Мы вместе работали и... жили... В общем, теперь мы не вместе. Я не могу обратиться за помощью к своему работодателю. Скорее всего, я уволюсь при первой же возможности. Желательно это делать на расстоянии, у шефа великий талант уговаривать. И тем более я не могу ни к кому обратиться из нашей команды. Мне просто не дадут уйти. А работать с ним я не желаю. Мне кажется, что у меня с головой какие-то проблемы из-за стресса. Я в депрессию ухожу. Есть не могу, а без ваших таблеток и спать не могу. Я рехнусь, если без успокоительного и снотворного буду всё переживать в себе...

— В вашем поведении я не вижу ничего клинического. Тем не менее, я дам вам рекомендацию поговорить с психологом и посмотрю, какое успокоительное вам подойдет. Хорошо?

Я кивнула и с благодарностью на нее посмотрела. Славная она.

Социальный работник пришел совсем поздно. Я уже собралась ложиться спать, посчитав, что надо отсыпаться наперед, потому что неизвестно, куда закинет мою тушку дальше и как будет со временем для сна. Мы с интересом рассматривали друг друга. Я сегодня почти не плакала и имела менее опухший вид, чем был всю эту неделю. Она выглядела явно старше своего возраста, какая-то вся нервно-энергичная, с недобрым взглядом. Казалось, она пытается во мне что-то или кого-то разглядеть, словно перебирает в мозгу шаблоны и примеряет, приценивается.

— Меня зовут Гемма Пёрцген. Я социальный работник, занимающийся бездомными. Как вы оказались в Германии? — голос ее оказался еще противнее взгляда.

— Мария Ефимова. Меня пригласили работать.

— Официанткой в стрип-бар? — перебила она меня и понимающе закатила глазки. — Как давно вы на территории Германии? Когда кончилась виза?

— Меня пригласили работать переводчиком-синхронистом в крупную международную компанию с бессрочным контрактом, оплатой жилья в престижном районе Гамбурга, многочисленными командировками по Европе и весьма солидным денежным вознаграждением, — процедила я жестко. Твою мать! Эта коза меня за проститутку что ли приняла?

— Подтверждения никакого нет, — произнесла она голосом бывалого следователя, который уже доказал, что именно я украла ларец Марии Медичи.

— Я не проститутка! — злобно зашипела я на нее. — Я работала легально и жила легально. Потрудитесь выбирать выражения. У меня украли документы и деньги. Если бы не это, я бы уже была дома.

— Да вы все так говорите, — задумчиво почесала она бровь. — Фрау Шмидт подготовит вас к выписке. Я завтра обзвоню приюты и договорюсь, чтобы вас куда-нибудь приняли. Насколько я поняла, никакими специфическими заболеваниями вы не болеете. Это уже хорошо, потому что тогда мы сможем подобрать для вас что-то более приличное. Какой у вас размер одежды и обуви? Фрау Шмидт сказала, что ваши вещи пропали. Мы постараемся подобрать вам что-

нибудь из гуманитарных вещей.

Честно говоря, у меня было желание послать ее матом. Ее тон, ее взгляд, даже ее поза меня бесили. Она говорила со мной, как с отбросами, даже лицо у нее при этом кривилось, словно она залезла в помойку и вынуждена ковыряться в ней палочкой в поисках пропавшей вещи. Я постаралась взять себя в руки и успокоиться. Мне нужна крыша над головой, одежда и питание на первое время. Иметь справку из больницы и приюта для посольства лучше, чем не иметь ничего и жить на его ступенях, в надежде, что консул сжалится и выдаст мне документ, по которому я смогу вернуться домой. Но как же хотелось ударить мерзкую бабу. Я заставила себя улыбнуться. Я всегда улыбаюсь, когда меня кто-то бесит.

Фрау Пурген покинула меня спустя минут десять. Подозреваю, что я ей тоже не понравилась, поэтому она решила все остальные моменты уточнить из моей карточки. И то правда, чего зря время на противную бабу тратить, лучше спать лягу.

Мне разрешили покидать бокс. Поэтому весь день я дефилировала в своей модной ночнушке на крылечко и курила с другими больными. К вечеру особой мужского пола собралось как-то ненормально много, все жаждали угостить меня сигареткой и поболтать о жизни. Конечно, где еще можно встретить русскую красу с косой и в платье, едва прикрывающим зад и выставляющим на показ тощие ножки. Мужчины иногда делились со мной кто кофтой, кто курткой, сладко смотрели и забавно ухаживали.

— Общение явно пошло вам на пользу, — улыбнулась фрау Шмидт, пересекшись со мной в коридоре. — Мария, только вы не совсем еще здоровы, поэтому постарайтесь не подхватить воспаление легких.

Я клятвенно ее заверила, что не переохлаждаюсь, и, шаркая огромными тапочками, посемила на крылечко.

Да, общение действительно пошло мне на пользу, как и табачный дым, который приятно согревал легкие, опускался в желудок и горчил во рту. Такими были его поцелуи, после того, как он покурит. Вкусными. Странно, я ненавидела, когда от мужчин пахло куревом, мне было неприятно, а уж в сочетании с пивом так и вообще отвратительно. А сейчас я вдыхала дым, закрывала глаза, слушала мужской смех и становилось тепло. Казалось, что он рядом, сейчас подойдет, обнимет, прижмется, согревая холодные руки своим дыханием. Я смотрела на затянутое свинцовыми тучами небо Берлина, и представляла его. В груди больно кололо и замирало. Хотелось опять бежать. Просто бежать под дождем, под этим небом. Куда глаза глядят. Вперед. К нему... В отелях мы иногда заказывали в номер горячий шоколад, брали пледы и, завернувшись в них, сидели на балкончике. Мы смотрели на небо и разговаривали о пустяках, о снах, мечтах, делились планами, просто что-то вспоминали и смеялись. Билл любил вот такое фактурное небо, нагромождение облаков, пробитые местами солнечными лучами. Он любил меня фотографировать на фоне такого неба. Говорил, что моя улыбка согревает снимок. Сейчас я тоже смеялась над глупыми шутками окружающих. Смеялась, чтобы не плакать. Он, плед, кресло и горячий шоколад — наверное, именно так и выглядело мое счастье.

А вечером пришло оно... Ужас, летящий на крыльях ночи...

— Мне удалось договориться с двумя приютами. Они находятся в районе Кройцберг, это административный округ Фридрихсхайн-Кройцберг, — спокойно сообщила мне фрау Пурген. Я нахмурилась, потому что о Кронцберге ходит очень дурная слава. Это самый поганый район во всем Берлине. — Это приюты Шоневэйд и Хаус Грабеалле. В первом в настоящий момент живет 21 человек. Там двухместные и одноместные комнаты, строгий режим. Удобства на

этаже. Во втором живет 25 человек. Вы должны будете содержать комнату, как свою квартиру, кроме того, заботиться о чистоте кухни, гостиной, коридоров и маленького сада. Социальные работники, которые работают в этом приюте, помогают вылечиться от алкоголизма и наркозависимости, но они не имеют права заставлять. Поэтому вы можете пить и принимать наркотики у себя в комнате.

У меня аж в зобу дыхание сперло. Как представила себя, цветочка, в обществе тех маргиналов, так дар речи пропал. Видимо по изменившемуся лицу она поняла, что я не в восторге от ее предложения.

— Послушайте, милочка, я бы на вашем месте не вякала...

— Вот когда окажитесь на моем месте, — во мне все клокотало от гнева, — тогда и будете не вякать.

— Если у вас здесь была работа и контракт, а вы тут не занимались проституцией и еще черт знает чем, почему бы вам не обратиться к коллегам по работе? Так было бы хотя бы логично, — холодно произнесла она.

— Не ваше дело!

— Мое. Именно я занимаюсь сейчас вашим делом. Более того, я даже предложила вам приюты на выбор, чего вообще не обязана делать. Вы — никто. У вас нет документов, никто не может подтвердить вашу личность, вы мне тут сказки рассказываете о работе и окладе. Почему бы вам не вернуться в вашу оплачиваемую квартиру в Гамбурге на вашу работу? Кстати, не хотите сообщить мне ваш адрес и место работы, чтобы я послала запрос, и мы могли хотя бы подтвердить вашу личность? Может быть, вы разыскиваетесь полицией? Воровка и убийца? Нет? Тогда закройте рот и отправляйтесь, куда вам сказано. У вас везде сейчас пишется одна и та же фраза — «со слов». Думаете, в посольстве вам документы восстановят с ваших слов?

— Но у меня, правда, украли документы! Как я могу доказать, что я — это я?

— С вашими документами мы будем разбираться потом, после выходных, а сейчас потрудитесь переодеться, — она кивнула на пакет, стоящий у дверей.

— Как вы со мной разговариваете? — не выдержала я такого откровенного хамства.

— Так, как вы того заслуживаете. Сначала едут проституцией заниматься, а потом комедии разыгрывают. Я жду вас на выходе. И не задерживайтесь.

Фрау Пурген гордо удалилась, оставив меня возмущаться в одиночестве. Какого черта! Что она себе позволяет?! Совсем что ли спятила?! Меня к наркоманам и бомжам? Меня в проститутки! Я со злости пнула пакет с вещами. Старая уродина! Крыса немецкая! Нацистская вобла! Мы вас в сорок пятом душили-душили!

— Мария, — заглянула в приоткрытую дверь медсестра. Я обернулась, готовая обложить сейчас кого угодно по-нашему, по-русски. — Там к тебе пришли.

— Кто? — рявкнула я.

— Парень... Молодой человек.

Сердце ухнуло в пятки, по спине пробежал холодок, а ноги стали ватными. Билл! Нашел!

Боже! Потом по телу прошла дрожь и сознание начало разрываться от противоречивых мыслей — одна моя половина кричала, что надо его гнать пинками и гордо отправляться в приют к наркоманам и алкоголикам, вторая требовала немедленно выбежать ему на встречу и с воплем: «Избавитель ты мой, спаситель ты мой!!!» — повиснуть на шее. И вот беда, я никак не могла понять, какое решение принять — гордое или унижительное. Я точно с ним стану шизофреником.

Глава 7

— Первый раз вижу, чтобы у человека за такой короткий промежуток времени выражение лица изменилось несколько раз да еще так кардинально, — усмехнулся он.

Я подобрала челюсть с пола и протерла глаза.

Не мерещится.

— Твои вещи.

Мой попутчик положил пакет на стул. Как же его? На Ш что-то... Шипящее. Шепелявое... Боже, как же его?

— А сумка? — кое-как нашла в себе силы спросить я. Ну как же его? Штудгар? Нет, так сорт лука называется... Как же? Штрудель? Нет, стоп! Штрудель — это фигня такая с яблоками и корицей. Вкусная, между прочим. Господи, какая ерунда в голову лезет...

— Ой, сумка в машине осталась. Забыл, — он смущенно улыбнулся. Как же тебя зовут? Я ведь действительно не помню. — Фрау Шмидт сказала в обед, что тебя можно забрать. Извини, я лазил по твоим карманам и сумке, хотел найти телефон или какую-нибудь записную книжку, чтобы позвонить кому-то из твоих друзей, но...

— Я телефон в Гамбурге оставила... — тихо пробормотала. — На каминной полке...

— Ну вот. В общем, я не нашел никого, кого бы можно было попросить тебе помочь, и решил сам стать твоим другом. Тебе же все равно не у кого здесь жить, а в подружку я не поверил.

Я возмущенно усмехнулась.

— Ну, конечно! Ты думаешь, я — больная, чтобы идти куда-то с незнакомым мужиком? А потом в каком притоне меня будут выскивать?

— Я от чистого сердца, — обиделся парень. — Дело твое. Я хотел предложить отдельную комнату в своей квартире и посильную помощь.

— Спасибо большое, — фыркнула я. — Но сегодня-завтра мне перекинут деньги, и я уеду домой в Россию. Теперь, когда сумка нашлась, меня ничто не держит в этой стране.

Он вопросительно посмотрел на меня и нахмурился.

— Мария, а документы у тебя где? — О! Он знает, как меня зовут, а я не помню его имени. Позор мне. У меня же не было никогда таких проблем.

— В сумке. — Вытряхнула вещи на кровать, с удовольствием отмечая, что они чистые и выглаженные. Начала натягивать джинсы.

— В твоей сумке было двадцать пять евро, всякая ерунда и никаких документов.

Я посмотрела на него, как на придурка.

— Подожди, я только ночью прилетела из Португалии с этой сумкой. Я не разбираю ее и ничего не вытаскивала.

— Значит, у тебя вытащили всё.

— Исключено, — нервно хохотнула я, вспоминая, что сумку-то я вытряхивала, и что Билл, падая, сбил стол... — А диктофон там есть? Блокнот? Органайзер?

— Блокнот есть, а диктофона и органайзера нет. Кошелек тоже нет. Просто двадцать пять евро и мелочь валяется.

— У меня нет кошелька... — обхватила лицо руками и плюхнулась на кровать. Кажется, я знаю, где мои документы. Вряд ли их вытащили. Вокруг меня никто подозрительный не крутился, меня не толкали, не отвлекали. Сумка все время была при мне. Хотя не факт. Я была в таком состоянии, что... — А кредитки? Три карточки?

Он покачал головой.

Я чертыхнулась.

Странное ощущение. Я возлагала такие надежды на свою сумку, а в ней нет того, что мне сейчас действительно необходимо. Кажется, что меня жестоко обманули.

— Девушка, если вы думаете, что я буду ждать вас вечно, то глубоко ошибаетесь, — резкий голос фрау Пурген вернул меня на землю. Я вздрогнула и дернулась, как от крысы, которую суют в лицо.

Растерянно посмотрела сначала на нее, потом на парня. Страшно. Безумно страшно. Фрау Пурген предлагает мне официальную государственную ночлежку, в которой я хотя бы буду защищена, и плевать, что придется жить в компании наркоманов и бомжей. Он предлагает свое жилье, и черт его знает, чем дело кончится. Этот тип вполне может оказаться сутенером и содержать бордель, а меня притащить туда... ну понятно зачем. Паспорт должен быть в сумке. Я не могла потерять его или оставить у Каулитцев. У фрау Пурген безопасно. У него, теоретически, лучше. Никому и в голову не приходило, что больше всего на свете в данный момент я мечтаю оказаться рядом с тем, из-за кого вынуждена принимать такое сложное и опасное решение. Казалось, что сейчас Билл откуда-нибудь выскочит и радостно заорет: «Сюрприз!» Только вот беда, он не выскочит и не заорет, не закроет собой, не прогонит всех этих чужих людей прочь. Я одна. Меня больше некому защищать.

— Извините, фрау Пурген...

— Пёрцген. Моя фамилия Пёрцген, — поморщилась она.

— Извините, фрау Пёрцген, но, как вы и мечтали, за мной приехал друг с работы. Поэтому я приняла решение отказаться от вашего предложения.

Женщина окинула его изучающим взглядом.

— Штефан Шолль, — тут же протянул он ей свои документы и визитку. Точно! Штефан! Как я

могла забыть? — Мария работает у нас, точнее в Гамбургском филиале. Я думаю, мы решим все возникшие недоразумения.

— Почему вы сразу не сказали? — обернулась она ко мне.

— Я сказала. Но вам было удобнее считать меня шлюхой.

— Что вы! — включился в игру Штефан. — Мария порядочная фройляйн. Просто у всех бывают срывы. Вы же понимаете?

Фрау Пурген пристально посмотрела на меня.

— Вы не обязаны идти с ним, если не хотите. Вы можете пойти со мной, и этот человек ничего вам не сделает.

— Фрау Пёрцген, поверьте, это мой друг и с ним я в безопасности. Вы можете переписать его адрес из документов, взять телефон и визитку, проверить, в конце концов, если он вызывает у вас какие-то подозрения — позвонить, например, на работу или в полицию. — Краем глаза я следила за его реакцией. Штефан энергично кивал и, казалось, готов был с честью выдержать это испытание. Был бы сутенером или кем-то другим, так бы не рвался удостоверить свою личность.

— Да, пожалуй, я так и сделаю.

Она забрала визитку и вышла в коридор, набирая чей-то номер.

— Кто это? — следил за ее действиями Штефан.

— Социальный работник. Отвратная тетка.

— По-моему, она меня не за того приняла, — ухмыльнулся он.

— У нее все такие, — отмахнулась я, прилизывая руками взъерошенные волосы.

— Ты со мной или с ней?

— А ты бы что выбрал на моем месте?

Я отдала тетке принесенные ею вещи, поблагодарила за заботу и всячески расшаркалась ножкой, выпроваживая вон. Потом Штефан дал мне время привести себя в порядок и нормально одеться. Не знаю, что я делаю и зачем еду к чужому человеку, но, по большому счету, уже все равно. Я одна в этом мире. И будь, что будет.

Второе потрясение ждало меня на улице. Называлось оно БМВ М5. Красивая серебристая тачка, говорящая, что у ее хозяина все окей с финансами. Нет, я ездила на машинах и покруче, но как-то раздолбанные кеды Штефана, убитые джинсы и растянутый джемперок ничем не выдавали в нем обеспеченного человека.

— А где ты живешь? Куда мы поедем?

— Грюневальд. Знаешь озеро Халензее и парк Грюневальд? Вот в этом районе. Подойдет?

Я присвистнула.

— Сойдет, хотя можно было бы и попримечнее район выбрать, — с ехидной улыбкой выдала я и плюхнулась на переднее сидение, взяв сумку на колени. Грюневальд считается самым фешенебельным районом Берлина, там живут крутые бизнесмены, архитекторы и преуспевающие стоматологи. Может Штефан там работает у кого-то? Вроде бы нет... Он же говорил, что дизайнер, нет? Не помню. — По крайней мере, это лучше Кройцберга, который предлагала эта милая фрау Пурген.

— Я смотрю, ты к ней прониклась, — улыбался Штефан. — Хотя тут я согласен, выбирая между Кройцбергом и Грюневальдом, я бы тоже предпочел второе. Ты вещи проверь, вдруг что пропало.

— Я тебе доверяю, — мрачно отозвалась я. Какой смысл что-то там проверять, когда ни одной полезной вещи в моей сумке не осталось.

Штефан вел машину непринужденно, аккуратно и бережно, ни куда не спеша, не дергая и без резкого торможения. В салоне играла тихая классическая музыка, он следил за дорогой и улыбался чему-то своему. Я смотрела в окно. На душе спокойно и пусто, в руках выписка из карты и справка из больницы. В голове ни единой мысли. Хотя одна мысль все ж была:

— Скажи, а как ты меня нашел? Ты же уехал. Я видела.

— А я тебя и не искал. Я не уехал. Мне не понравилось твое лицо, когда ты мне рукой помахала. Она было слишком растерянное. Ты стояла, оглядывалась и явно спрашивала себя: «Мой бог, какого черта я тут делаю?» Тогда я подумал, что ты, наверное, даже не отдаешь себе отчет, куда приехала, что нет никакой подруги, ты откуда-то... от кого-то, будем называть вещи своими именами, сбежала и тебе явно нужна помощь. Я хотел пригласить тебя к себе.

— Ты всех приглашаешь?

— Нет. Просто в поезде я подумал, что вот моя сестра замужем. Допустим, она поругалась с мужем и ушла от него в ночь. Пришла на вокзал, бездумно села в первый попавшийся поезд и куда-то поехала. Приехала в чужой город, где у нее нет ни друзей, ни знакомых, никого. Знаешь, о чем бы я молился, если бы такое случилось? Чтобы ей попался добрый человек и помог. Мне кажется, что, если я совершу добро, то однажды оно ко мне вернется, и, когда кому-то из моей семьи будет нужна помощь, им на пути встретится добрый человек.

— В России говорят: «Делай добро и бросай его в воду, оно не пропадет, добром к тебе вернется».

— Вот да! Понимаешь, жизнь — это бумеранг. Сейчас я помогаю тебе, а кто-то поможет мне. Возможно, кому-то помогала ты, а сейчас тебе помогу я. Равновесие, понимаешь?

Я кивнула.

— Вот. Я попросил таксиста подождать, пошел к тебе. Ты не видела, спиной ко мне стояла. Потом тебя повело в сторону, и ты упала в лужу. Ну, там сразу крики, суета. Я тут же вызвал «Скорую». Тебя привезли в больницу, одежда вся мокрая до самых трусов. Они, конечно же, тебя раздели. Пока все бегали, я твою одежду и сумку забрал, чтобы не потерялось ничего. Врач говорит, что документы нужны. Я в сумку — там нет ничего, по карманам — пусто. Сказал, кто ты. Отдал твои вещи в химчистку. Неделю думал, и в итоге решил, что без документов тебя отправят только в приют или какой-нибудь реабилитационный центр, ну и что тебе там делать?

— Может я беглая проститутка, кинула «мамку» и когти драть? — приподняла я бровь.

— Вряд ли беглые проститутки будут столько рыдать и ходить с подобным выражением на лице. Скорее всего, у тебя какие-то нелады с возлюбленным, и ты гордо удалилась из его жизни. Это объясняет твое страстное желание вернуться домой.

— Ты всегда такой пронизательный?

— Работа у меня такая — угадывать тайные желания людей.

Я хмыкнула и отвернулась. Еще одна фея, блин.

— А что у тебя все-таки случилось?

— Дааа, — махнула я рукой, поморщившись. — Я опять попыталась полететь, и ничего не вышло. Видимо, крылья мои скреплены воском, как у Икара. Я такая же глупая, как и он.

— Зато есть стимул что-то поправить в конструкции крыльев.

— К сожалению, тут надо менять конструкцию мозга.

Штефан снова улыбнулся, посмотрев на меня. Я же наоборот отвернулась, украдкой вытирая слезы. Рожденный ползать, летать не может...

Мы подъехали к красивому большому дому... с башенками. Вокруг зелень, ели. Аккуратные дорожки. Клумбы с тюльпанами и гиацинтами. За деревьями виднеется парк.

— Ты здесь живешь? — раззявила я рот.

— Миленькая халупа, да? — усмехнулся Штефан. — Сумку опять забыла.

Я сгребла вещи, он закрыл машину, и мы пошли к подъезду.

Квартира располагалась на втором этаже. Я по привычке разулась в коридоре, чем вызвала удивленный взгляд Штефана, и скромно прошла за ним в комнату.

— Это гостиная, — остановился он.

Светлая, уютная комната в бежево-шоколадных тонах. Красивые гардины. Мягкий диван и два кресла. Большой фикус бенджамина у окна. Телевизор... не очень современный. Аквариум у стены с оранжевыми рыбками. Ничего лишнего.

— Пойдем, я покажу твою комнату.

Моя комната выходила окнами на парк, что я тут же заценила. Стены нежно-салатовые. Кровать накрыта ярко-зеленым шелковым покрывалом с золотой бахромой и выложенным по периметру тонким золотым шнуром. Письменный стол у окна. Серебристый тюль с зеленовато-золотым люрексом. Книжные полки, с которых свисают вьюны с пестрыми листьями и разросшаяся традесканция. Шкаф купе с большим зеркалом. Комод завален игрушками, два стула по бокам. А в углу белое пианино!

— Спасибо, мне здесь очень нравится, — растрогалась я.

— Ну вот видишь, а ты все: «Хочу в приют, хочу в приют!» Идем дальше.

Третья комната оказалась спальней Штефана. Обои с рисунком типа осыпавшиеся кое-где пески Сахары. Что-то в египетском стиле. На стенах папирусы. У окна бамбук в стеклянной вазе. Кровать из разряда удобных траходромов. Люстра и бра тоже как будто с востока. На полу циновка. На окнах бамбуковые жалюзи. Прикольно. Неожиданно я бы сказала. Гостиная классическая. Комната сестры скорее спальня принцесски, что странно для девушки, вышедшей замуж и уже родившей ребенка. До кухни мы пока не добрались. Но я была уверена, что там хай-тек. Интересно, он из принципа не придерживался одного стиля в квартире? Такое чувство, что тут каждую комнату ремонтировали в разное время разные дизайнеры.

На кухне, как я и предвидела, царил хай-тек — везде серебристый металл, черная глянцевая плитка на стенах и полу. Потолок подсвечен неонами. Я ухмыльнулась. Как тут есть-то можно в этой черноте и металлическом холоде? Ладно, главное, чтобы ему нравилось.

— Ты специально так делал, чтобы все было по-разному? В смысле, в разных стилях?

— Да. Не хотелось, чтобы глаз к чему-то одному привыкал. Опять-таки разнообразие.

— А сколько лет сестре? Сколько вы не живете вместе?

— Двадцать пять. Она уехала три года назад. А тебе сколько?

— Двадцать два. В январе исполнилось. На Рождество.

— Рождество в декабре.

— Всё у вас не по-людски, — фыркнула я с улыбкой. — Как ее зовут?

Штефан помедлил. Улыбнулся, как-то странно на меня посмотрев.

— Мария.

— Врешь! — аж подпрыгнула я.

— Честное слово. Я зову ее Мари. Она живет в Кельне. Мы ездим друг к другу в гости.

Немного успокоившись и расслабившись, поняв, что в действиях Штефана пока что нет никакой агрессии, и он боится меня так же, как я его, я начала думать, как выехать из страны. Если бы у него был компьютер и Интернет, я бы уже нашла всю нужную мне информацию. Но компьютера нет (Штефан сказал, что тогда бы он работал и дома, а дома надо отдыхать), посему пришлось прикидывать план действий на бумаге. Вещей в сумке на самом деле оказалось в два раза меньше, чем было. Пропали косметика, органайзер, диктофон, паспорта с кредитками и ключи от московской квартиры. На диктофоне было интервью с Шарлем Азнавуром. Мы с ним впервые встретились в прошлом году в Кремле, пообщались о жизни, о музыке. Он много говорил об Армении, о своих корнях. Это было даже не интервью, а монолог, когда я внимала каждому слову этого великого человека. Я была с ним, когда армяне принимали его как дорогого гостя на праздничном ужине. Смотрела на него с вдохновением, когда он тянул что-то армянское. Оказалось, что его на самом деле зовут Шахнур Вагинак Азнавурян. В тот вечер мне казалось, что я приобщилась к какой-то тайне. До отъезда в Москву, уже находясь в туре, ребята были приглашены на благотворительное мероприятие, где я случайно встретила с месье Азнавуром. Конечно же, я подошла к нему, не смея быть узнанной, но желая отблагодарить за прекрасное время, проведенное в его компании в прошлом году. И о чудо! Маэстро узнал меня. И даже вспомнил мое имя! И опять мы проговорили с ним весь вечер, я смотрела на него влюбленными глазами и готова была

целовать его руки от восхищения и благоговейного трепета. Меня касалось крыло истории, и я старалась впитать в себя всё-всё-всё до последней капли. Пожалуй, диктофон и органайзер со всеми контактами — это моя самая большая потеря в этой истории. Одни убытки от этого Каулитца!

Вечер я провела на телефоне. Сначала дозвонилась до Полины и попросила ее положить деньги не на карточку, а кинуть переводом через какой-нибудь Вестерн-Юнион. Полина деньги уже перевела, так что тут я обломалась по полной программе.

— Ты же просила сама! — возмущалась она. — Что у тебя случилось?

— Тебе уже звонили эти? — хмуро спросила я, избегая называть имена. Не за чем Штефану знать мой круг общения.

— Нет, никто не звонил, но я чувствую по твоему голосу, что что-то случилось. Маш, у тебя все в порядке?

— Нет. Мы расстались. У меня нет документов и денег, я живу у чужого человека и мне нужна твоя помощь.

— Да, можешь на меня рассчитывать. У кого ты живешь? Дай мне его координаты? Как зовут? Ты же понимаешь, как это опасно! А если он с тобой что-нибудь сделает! Немедленно дай мне его адрес!

— Это лишнее. Мне нужны для посольства документы, подтверждающие мою личность. Желательно, чтобы была моя фотография и печать. Пожалуйста, сходи в ЖЭК, в ОВИР, в наш отдел кадров в издательстве, в Союз журналистов, я не знаю еще куда... Выписки там возьми, справки, что я живу в Москве, что я есть, я существую. Перешли их Штефану на работу факсом, он мне принесет всё. Запиши телефон. — Штефан продиктовал номер. — Полина, только пообещай мне, что ты ничего им не скажешь, как бы тебя не уговаривали. Ты не знаешь, я не звонила, ты не в курсе. Пожалуйста.

— Что произошло? — серьезным тоном спросила она.

— Тур приостановили. Он уехал домой из-за ларингита, мне пришлось остаться. А потом мы с его братом приехали на день раньше, среди ночи. Ну и как в анекдоте...

— Ты его застукала с другой? — ахнула Поля.

— Да. Он какую-то пургу пронес про брата, а потом назвал меня содержанкой, группис и блядью, которая всем дает.

В трубке повисло молчание.

— Маш, может, ты не правильно поняла? Может, он не то имел ввиду? Ты же говорила, Билл тебя любит и пылинки сдувает. Он просто не мог такого сказать.

— Поля, у меня все в порядке со зрением и слухом. Он был с телкой и опустил меня при всех ниже плинтуса. Я хочу домой. Собери для меня документы, какие сможешь. Я больше не хочу ничего про него слышать.

— Тебе надо с ним поговорить. Уверена, это какое-то недоразумение. Может все не так, как ты думаешь. Может, она... Он прям лежал с ней в постели?

— Давай не будем по телефону. Я приеду и все расскажу. Всё равно мне надо будет кому-то обгадить жилетку соплями. Помоги мне убраться из этой чертовой страны, — слезы потекли по щекам. Штефан, сидящий рядом и смотрящий на меня весь разговор, суетливо начал лазить по карманам в поисках платка. Протянул мне почти свежий носовой платок.

— Я постараюсь побыстрее, Машут. Ты только не плачь. Мало ли говнюков на свете? На всех слез не напасешься. Родриго знает?

— Нет. И не вздумай ему сказать об этом!

— Зря. Я с Родькой общаюсь. Он за тебя его уничтожит, одно лишь слово. Хочешь, я сама ему позвоню? Он завтра же тебя из Берлина вывезет, куда скажешь. У него связи по всему миру.

— Не надо, я сама. Документы мне собери для посольства.

— Маша, дай мне свой адрес. Ты же понимаешь, что жить у чужих опасно. Если с тобой что-то случится, никто тебя даже найти не сможет, ты это понимаешь?

— Я не могу. Мне неудобно. Это хороший район. Очень престижный. У меня окна на парк, а за деревьями видно озеро. Дом с башенками. Второй этаж. Квартира восемнадцать. Парень хороший, адекватный вроде бы. Я тебе потом скажу, не сейчас. Его не будет, позвоню и скажу нормально. При нем не хочу, хорошо?

— Я поняла и записала все. Постараюсь все сделать очень быстро. Не кисни там. Скоро увидимся! Все-таки позвони ему, я уверена, он волнуется и ждет твоего звонка.

— Нет. Родриго — это прошлое. В моем будущем больше нет прошлого. Спасибо тебе, дорогая. Целую нежно.

Полина права. Мне надо сделать всего один звонок, и все проблемы решатся волшебным образом. Я не хочу. Я категорически не хочу впутывать Родриго в это дело. И общаться с ним тоже больше не хочу. Я решила начать жизнь с чистого листа, забыв обо всех своих любовниках. Я больше никому не позволю себя предать и тем более бросить. Пусть катятся к чертям! Я выживу!

Разговор с мамой был коротким. Я объяснила ей, что попала в затруднительную ситуацию, что у меня заблокированы карточки с деньгами и мне нужны наличные. Скромно попросила две тысячи. Мама заволновалась, спросила, что и как, все ли в порядке с мальчиками, я обещала ей рассказать позже, так как денег на телефонной карточке нет, а мне еще надо сделать пару звонков. Продиктовала все данные Штефана и сказала, что очень жду денег. Мама обещала прислать в понедельник. Хорошая у меня мама, умная, не задает лишних вопросов.

Ночью я не смогла себе позволить расслабиться. Решила спать без снотворного — боялась, что Штефан припрется и начнет требовать близости. Никакого плана на этот случай у меня не было. Я прекрасно понимала, что целиком в его власти, однако просто так не дамся и удеру при первой же возможности, слава богу, и окна открываются, и не слишком высоко. Все-таки очень страшно ночевать в доме абсолютно незнакомого мужчины. В голове крутились разные ужасные картинки, по телу бегали мурашки — мысленно я уже сопротивлялась, расцарапала ему лицо и лягнула в пах. От моей крутой расправы Штефана спасло только то, что он так и не пришел. Но заснуть я все равно не смогла. Вертелась с бока на бок, в миллионный раз прокручивая в голове тот злополучный момент и проговаривая свои всевозможные ответы. Опять вся обревелась. Почему-то именно ночью на меня накатывала жуткая тоска, я начинала себя жалеть, его ненавидеть, потом ненавидеть себя, а его боготворить. Меня кидало из

стороны в сторону, то я обвиняла себя в неумении управлять собственными эмоциями и держать ситуацию под контролем, то, обливаясь горячими слезами, фантазировала, как ему там без меня плохо, как он ищет меня и умоляет о прощении. В такие моменты я была то холодной и неприступной, прогоняла его вон и куда-то бежала дальше, то мягкой и нежной и тут же все ему прощала, лишь бы забрал домой. Я вдруг поняла, что совершенно не могу спать без него, что привыкла к его плечу, тихому дыханию, запаху и тяжести конечностей, которые он вечно сгружает на меня. Мне хотелось, чтобы он узнал, что я живу у мужчины. Казалось, что тогда в нем разыграется ревность и обида — вот так брошенная девушка до земли не долетела, ее между этажами перехватили. Я представляла себе, как он будет злиться и беситься. Билл очень ревнивый, Штефан станет для него красной тряпкой. Только ничего он не узнает... Неделя прошла. Если бы он хотел, то уже бы нашел меня... Я больше ему не нужна. Перебралась на подоконник и уставилась на луну, которая то появлялась, то исчезала за тяжелыми рыхлыми тучами. Хочется завывать. Обхватить себя руками и выть, срывая голос, расцарапывая кожу. Надо лечь на пол, как рассказывал он, закрыть глаза и расслабиться.

Нельзя!!!

Нет!

Нельзя делать ничего такого, про что рассказывал он. Его больше не существует. Я — птица вольная. Его не существует. Я свободна. Не существует... «Свободен лишь тот, кто потерял все, ради чего стоит жить». Между прочим, Ремарк тоже звали Марией... Я потеряла. Я свободна. Тебя не существует. Как ты там? Спишь ли? Помнишь ли обо мне?

Сон про меня, сон для тебя, для божьего раба... — так бабушка рассказывала можно насладиться сон про себя на человека, по которому очень скучаешь. Я смотрела на желтый диск и беззвучно шептала заклинание, не замечая катящихся по щекам слез. Сон для тебя, сон про меня...

Мне больно... Мне так больно...

Вернись ко мне...

Боль убивает.

Вернись.

Внутри так холодно.

Я согрею, ты только вернись.

Я не могу...

Просто вернись. Звезда, звезда, помоги мне.

Звезда... Она не сможет. Сон про меня... Сон для тебя... для божьего раба...

Глава 8

Такую дуру надо еще поискать! Нет, мне надо выдать медаль — главная дура планеты Земля, а еще лучше набить тату на лбу, чтобы всем было хорошо видно. Я сидела на лавочке на Беренштрассе, вытянув от усталости ноги, и терла виски. Идиотка! Какая же я идиотка! Мало того, что я потеряла кучу времени и притащилась в посольство на Унтер ден Линден, вместо

того, чтобы сразу поехать в консульство на Беренштрассе, потом прошла какую-то немереную кучу километров от шестьдесят пятого дома ко второму по Унтер ден Линден, а затем по Беренштрассе до дома шестьдесят шесть! Так еще и консул меня развел, как ребенка. Даже не старался, так, походя, парой вопросов. Вид я имела бледный, усталый, вспотевший, а уж как бляхла... Еще и слабость жуткая... То ли от недосыпа, то ли слишком сильно организм ослаблен болезнью, которую никто не отменял. Утром, по дороге в посольство, решила, что им незачем знать, что я тут работала. В этом случае мне зададут два вопроса — где и кем, а потом попросят принести бумагу с места работы. Когда я представила, как припрусь к Дэвиду и попрошу справку с места работы, да как он меня пошлет к черту, то резко передумала. Йост может быть и не пошлет, но вот идти к нему мне категорически не хотелось. Да и не на что мне к нему ехать в Гамбург. Поэтому я сказала в консульстве, что приехала по туристической визе, что меня обокрали в Гамбурге, в Берлине я попала в больницу и вот вам справка. Консул спросил, как давно я в Германии, и я тут же сдала себя с потрохами — полгода. Оооо! Как же хочется побиться лбом о фонарный столб! Как можно быть такой дурой, а? Эта информация очень заинтересовала консула, и он тут же потребовал от меня более подробных сведений. Пришлось сказать, что пригласили работать переводчиком в одну компанию, в Москве они презентовали себя, как супер-пупер крутые, а на деле оказался пшик, я приехала, шеф принял не за ту, начал помогать, пришлось уйти. Месяц я тут отдыхала, по стране каталась и вот докаталась... Но консул уже не верил. Объяснила ему, что я журналист, что мне это надо было для работы, что он может проверить меня через Интернет, дала ему все свои московские контакты, он обещал послать запрос, а там уже будут по обстоятельствам действовать. Я очень люблю свою страну, вот очень-очень. Но объясните мне, почему американское посольство делает своим гражданам Свидетельство на возвращение за час, максимум за два, а наше послало меня гулять до полиции и обещало разобраться в течение пяти — десяти рабочих дней, а? Я где буду жить все это время? И на что? Консул сказал, что ему нужны документы, подтверждающие мою личность, что он сделает запрос, если я тоже что-то принесу, он будет рад. Как? Как я могла так лопухнуться, а? Ну вот просто идиотка! Полная! А всему виной Билл Каулитц! От него одни неприятности! В новостях по радио что-то говорили о нем, я отвлеклась и вот вам, пожалуйста, кушайте, не обляпайтесь — вместо того, чтобы уехать домой в ближайшие семьдесят два часа, я тут буду торчать еще минимум полторы недели. А у нас быстро ничего не делается, и им плевать, что мне негде жить и нечего есть. Не страна, а... Уеду к маме в Канаду. Восстановлю документы и эмигрирую. Надоело всё! Ну как так можно? Чертов Билл Каулитц!

Интересно, а куда мне идти теперь? В какой участок?

Полицейские оказались милыми ребятами, очень доброжелательными и внимательными. Только они категорически отказались со мной работать, сказав, что это не их ведомство, раз украли документы в Гамбурге, то и ехать мне надо в Гамбург. Ничего не помогало. Я просила, умоляла, разревелась, требовала и грозила. Но меня вежливо послали в Гамбург. Утешало то, что я их невежливо послала гораздо дальше. Хорошо, что они не понимают по-русски. Вот день без исключений — я абсолютная дура. Зачем я сказала про Гамбург? Теперь я еще не смогу отсюда выехать... Мама, забери меня отсюда! Помоги мне! Дурацкий Билл Каулитц! Это все из-за тебя! Не было бы тебя, не было бы у меня проблем. Свалился на мою голову, чудовище Лох-Несское! Вот не буду реветь. Не дожدهшься! Не буду! Я не реву. Это не я.

Решив, что, если трижды уже не повезло, то четвертый раз испытывать судьбу глупо, я прогулочным шагом отправилась в сторону дома. Надо же какая слабость... А я-то думала, что уже здорова. Ноги заплетаются. Штефан выдал мне утром пятьдесят евро, сказал, что это на обед в городе и на проезд. Есть мне не хотелось, а вот такси бы я поймала. Странное что-то с организмом творится. Я почти не ем. Просто не хочу. У еды нет ни вкуса, ни запаха, ничего.

Всё ватное какое-то. Знаю, что это депрессия. Я раздражительна, плаксива и легко перехожу с нормального тона на возмущенный вопль. Меня нельзя без намордника пускать в общество, а в квартире хочется спрятаться куда-то в темный угол и там отсиживаться, лелея свое горе. Штефан в выходные, видимо, решил, что мне нельзя быть одной в четырех стенах. Вытащил в парк, где развлекал и веселил. Я улыбалась, бредя за ним по берегу озера. Я очень старалась улыбаться. Только у меня как-то плохо это получается сейчас. Он заставлял меня говорить. Расспрашивал о семье, о родной стране. Задавал кучу вопросов, вытягивая развернутые ответы. Я старалась говорить нормально, старалась не думать и не грустить. Это давалось с трудом. Депрессия прогрессировала, расцветала во мне буйным цветом. Я держалась сколько могла днем, чтобы потом опять прорыдать всю ночь, закусив кончик одеяла. Так нельзя. Я знаю. Сегодня ночью я выпью снотворное и успокоительное. Надо спать. Пусть мне на утро будет плохо и разболится голова, но я хотя бы буду спать. Может быть, выпить все снотворное? Нет, это будет подло с моей стороны по отношению к Штефану. Он-то тут причем? Штефан оставил мне свой номер телефона и выдал старую трубку. Очень хочется сейчас ему позвонить и попросить забрать меня отсюда. Кажется, я не дойду до дома сама...

В подъезде меня оббрехал какой-то комок шерсти с глазками-носом-пуговками.

— Саша, веди себя прилично, — скрипнула противным голосом фрау, которая, судя по всему, была знакома с первыми динозаврами. Потом ее тусклые глаза внимательно осмотрели меня, подозрительно прищурились, и рот-нитка выдал: — А вы, душенька, к кому?

— В восемнадцатую квартиру. Живу я здесь, — буркнула я.

— Не правда.

— Правда.

— Мне позвонить хозяину?

— Позвоните, — я протянула телефон, выбрав в списке единственный контакт. — Думаю, Штефан будет рад с вами пообщаться.

Старушка еще раз подозрительно прищурилась, окинув меня с ног до головы сканирующим взглядом. Саша все так же заливалась пронзительным визгливым лаем, я с трудом удерживалась от того, чтобы не пнуть собачонку ногой.

— В подъезде не мусорить, — выдала бабка, повернулась и зашагала по лестнице вниз. Комок шерсти весело заскакал за ней по ступеням.

Я наконец-то открыла квартиру и оказалась в тишине. Сползла в коридоре по стене. В глазах стояли слезы. Это все ты виноват, Каулитц...

Штефан разбудил меня... утром следующего дня. Спросил, какие планы на сегодня и нужны ли мне деньги. Планов у меня было громадье, деньги после вчерашней поездки остались, я пожелала ему хорошего дня... разделась и забралась под одеяло. Надо же, легла вчера полежать на пять минут, а вырубилась на полдня и всю ночь, даже не слышала, как домой вернулся хозяин, что он ходил в моей комнате и накрыл пледом. Не хочу никуда идти. Не могу. Физически.

Я выключаю телевизор, я пишу тебе письмо

Про то, что больше не могу смотреть на дерьмо,

Про то, что больше нет сил,
Про то, что я почти запил, но не забыл тебя.
Про то, что телефон звонил, хотел, чтобы я встал,
Оделся и пошел, а точнее, побежал,
Но только я его послал,
Сказал, что болен и устал, и эту ночь не спал.
Я жду ответа, больше надежд нету.
Скоро ль кончится лето? Это...

Сходить что ли в магазин и купить себе вина? Может тогда отпустит и в каждой русской песне, что загнаны у меня в плеер, мне не будет мерещиться тайный смысл и посыл к нему. Ведь как-то же люди избавляются от воспоминаний? Только вот как? Или все-таки напиться? Просто напиться и забыться. Провалиться в сон. В пустоту. Господи, ну отстань же ты от меня наконец-то! Я не хочу о тебе думать, не хочу тебя вспоминать, не хочу ничего знать о тебе. Пожалуйста, дай мне спокойно сдохнуть в своей пустоте.

А хочешь, я выучусь шить?

А может, и вышивать?

А хочешь, я выучусь жить,

И будем жить-поживать?

Уедем отсюда прочь,

Оставим здесь свою тень.

И ночь у нас будет ночь,

И день у нас будет день!

Чертов плеер! Я в бешенстве вырвала наушники из ушей и со всей силы швырнула его об стену. Не хочу больше ничего слышать про Каулитца! Пусть катится ко всем чертям! Я не буду для него ни шить, ни выживать. Я прекрасно обойдусь без него! Я смогу. Я сильная. Надо доползти до кухни и поискать бутылку вина. Кажется, у Штефана что-то было из алкоголя. Хочу отключиться. Хотя бы на время.

Виски оказалось слишком крепким для меня. Я честно сделала три больших глотка и через минуту словила «вертолет». Трындец... Напилась в чужом доме до поросычьего визга. Вцепилась за столешницу, чтобы не свалиться с барного стула на мраморный пол. Видели б меня сейчас знакомые... Родриго бы его убил. Просто вот взял бы и вытряхнул душу из костлявого тела. Позвоню ему. Пускай приезжает и забирает меня отсюда. Не хочу. Мне здесь дышать нечем, душит что-то... Я посмотрела на телефон. Набрала номер. «Абонент не абонент» сообщили мне по-испански и по-английски. Черт, когда же кончится задница у этой черной лошади? Послать что ли Биллу какую-нибудь гадость? Ему все равно, а мне приятно. Набрала большими буквами «Грязная шлюха». Сделала еще глоток виски. В дверь позвонили. Я

недовольно отмахнулась, пытаясь набрать его номер. Это не я блядь и содержанка, это ты паршивый кобель. Меня не было всего три дня, ты заливал мне в уши, как скучаешь и любишь, а сам тусовался с телками и притащил одну из них домой. Это ты подонок! Это все ты виноват! Да кому же там нейдет?!

По стеночке дошла до входной двери. Открыла. Передо мной стоял какой-то дядька в униформе.

— Фрау, — сконфуженно отвел он взгляд. Я посмотрела на себя и тоже покраснела — стринги и короткий топик, найденный мною в шкафу, больше похожий на лифчик для занятий спортом. Черт... Надо ногти на ногах в порядок привести, облупились все, стыдба-то какая.

Я смотрела на товарища, не решаясь открыть рот.

— Фрау, — видимо справился он со смущением. — Мы из газовой службы, надо проверить ваше газовое оборудование.

— Простите, — махнула я рукой, едва не свалившись от этого жеста. — Мужа нет дома. В другой день.

— Фрау... — нахмурился дядька, не желая убираться вон. — С вами все в порядке? Вам нужна помощь?

— Какая вам, хрен, разница, а? — скривилась я раздраженно. — Что вы лезете все ко мне? Проваливайте! У меня все отлично. Неужели не видно?

Я захлопнула дверь. Мерзкий Билл Каулитц! Как же я тебя ненавижу! Из зеркала на меня смотрела тощая девчонка с выступающими ребрами и ввалившимся животом. Бухенвальдский пончик, блин... Кожа такая тонкая, что пирсинг в пупке скоро прорвет ее собственным весом. Зрачок сужен в точку, взгляд пьянящий. Сальные волосы торчат в разные стороны. Лицо красное, заревано и опухло. Я еще и уродина. Зашибись, лысенький. Я бы тоже себя бросила. Ненавижу тебя, Каулитц. Не-на-ви-жу! Я двинула кулаками по зеркалу и осела на пол, сжавшись в комок. Слезы текли сами собой. Ненавижу себя... Подскажите, как мне сдохнуть?

— Судя по тому, сколько ты выпила и как тебя развезло, ты дилетант.

Штефан подхватил меня на руки и понес с ванную. Зря я уселась на пол. Подняться с моим «вертолетом» я так и не смогла. Пришлось сидеть в коридоре и ждать пока алкоголь немного отпустит ноги. Вместо этого пришел Штефан. Посмотрел на меня, вздохнул. Оценил нанесенный мною ущерб стратегическому запасу алкоголя, усмехнулся и вот потащил меня на руках в ванную. Интересно зачем?

— Ты хочешь меня трахнуть? — мрачно спросила я почти не заплетающимся языком.

Штефан рассмеялся.

— Прекрати меня смешить, а то уроню.

Я обиделась.

— А зачем ты меня сюда приволок? Я не верю в добрых дядь.

Он аккуратно положил меня в ванну и включил теплый душ. Начал поливать сверху.

— А ты б бросила на улице маленькую девчонку, у которой рвет крышу из-за несчастной любви? Алкоголь — это не выход. Всё пройдет, Мари...

— Не называй меня Мари... — тихо-тихо.

— Так больно?

Кивнула.

— Не буду. Да и толку-то тебя трахать? Никакого удовольствия не получишь. Ты либо бревном лежать будешь, либо о нем думать. Ну и что это за кайф? И потом, я сомневаюсь, что ты сейчас готова к сексу. Не насиловать же тебя в самом деле.

— Прости...

— Давай приводи себя в порядок, пойдем погуляем. Деньги твои получим. Я специально ради этого домой пораньше приехал.

— Мне белье надо купить еще... и смывку для лака. Ногти черте как выглядят.

Штефан широко улыбнулся.

— Вот так лучше. И лак для ногтей тебе купим, и белье, и чего хочешь.

— Веревку с мылом.

— Кстати, насчет мыла! Давай, раздевайся, мойся и пошли! Я тебя в такой магазин отведу, ммм...

Но деньги мы получить не успели — банк закрылся перед самым нашим носом. Штефан хмыкнул, пожал плечами и потащил меня по магазинам. И вскоре мой гардероб обогатился на черную блузку, черные джинсы, черные туфельки и черное белье. Черный лак с ногтей я решила стереть и намазюкаться вишневым. Потом мы купили тушь для ресниц и дымчатые тени. Штефан настоял, чтобы я там же в магазине надела обновки, накрутила волосы и стала красивой. Провозившись в примерочной минут пятнадцать, я вышла из кабинки абсолютно другим человеком — самоуверенной стервой, какой была всегда. Никаких теперь слез! Мне нельзя плакать. У меня тушь может потечь.

Мы смеялись. Он веселил меня. Шли по улице и хохотали. Штефан рассказывал про одного из своих клиентов, показывал чуть ли не в лицах, а я хохотала, как ненормальная, иногда подыгрывая ему. Ты не дожدهшься больше ни одной моей слезинки! Тебя больше не существует! Я буду счастливой. Заставлю себя быть ею. Я хочу смеяться, как раньше. И ты больше не сможешь мне в этом помешать.

На следующий день Штефан привез меня в полицейский участок. Накануне вечером я слышала, как он разговаривает обо мне с каким-то другом, просит помощи, объясняет ситуацию. Потом позвонил еще кому-то и еще раз объяснил, что вот в Германии застряла русская девочка, у которой украли документы, надо помочь. Последний звонок раздался в нашей квартире после полуночи, а рано утром он уже теребил меня и орал, что мы проспали, носясь по квартире полуголый.

— Комиссар Хаммарберг? — улыбнулся Штефан, входя в кабинет начальника полиции. — Вам вчера должны были позвонить по поводу русской девушки.

— Да, конечно, проходите, — жестом указал нам на стулья за столом толстый дядька, похожий на Спартака Мишулина.

Мы со Штефаном скромно уселись с краю.

— Дело в том, что у Марии были похищены документы и теперь она не может выехать из страны. Посольство требует справку, что, конечно же, закономерно, но общение с представителями власти в прошлый раз окончились неудачей. Мы хотели бы обратиться к вам за помощью.

— Да, я понял, и отказывать мои коллеги не имели права.

— Могли бы вы помочь? Девушка совершенно одна, у нее украли все вещи и деньги, и... Сами понимаете... — Штефан развел руками. Я сделала большие жалостливые глаза и торопливо закивала.

— Вы можете подтвердить ее личность?

— Да, конечно. Именно за этим я приехал сюда.

Комиссар выдохнул и набрал чей-то номер.

— Дитер? Зайди.

В кабинете повисло молчание. Я глуповато улыбалась. Штефан блуждал взглядом по заваленным всяким полезным хламом шкафам. Комиссар Хаммарберг рассматривал мою персону.

— А чем вы занимались в Германии? — заинтересованно спросил он.

— Я журналист, — ответила совершенно спокойно. — Меня пригласили поработать, но с работодателем не сложилось. Обещали одно, на деле вышло другое. Мы расстались полюбовно. Потом я пару месяцев поехала по стране, посмотрела, сделала цикл репортажей для русского радио и телевиденья. Вы можете проверить все мои слова через Интернет. А потом у меня все украли, я попала в больницу, и вот герр Шолль любезно приютил меня у себя.

В кабинет вошел крупный молодцеватый мужчина.

— Сержант Глитш примет у вас заявление и окажет полное содействие, — кивнул в его сторону комиссар. — Дитер, оформи нормально всё.

Тот улыбнулся. Надеюсь, у нас теперь все получится.

Через четыре часа я вышла из участка, выжатая, как лимон. Сержант Глитш сначала допросил спешащего на встречу Штефана, а потом принялся за меня и так рьяно подошел к работе, что мне пришлось вместе с документами «потерять» кучу вещей и вспомнить все потертости «подаренного» Кау ноутбука. При этом я понимала, что если все это на самом деле начнут искать, будут опрашивать свидетелей и найдут таксиста, который меня привез на вокзал, то о Европе я могу смело забыть на ближайшие лет пять, при условии, что свалю раньше, чем выяснится, что я их всех обманула. Но я уже была ученая, спокойная и говорила с ним абсолютно уверенно. Получив вожделенную справку, я двинулась в наше консульство. Дитер еще заверил меня, что консул не имеет права отказывать. Ох, посмотрим, посмотрим.

Консул на самом деле не отказал. Он просто меня не принял. Неприемные часы для населения. Я в сотый раз обругала наше представительство и убралась восвояси. Надо пообедать в городе и ехать к Штефану. Деньги в банке второй день лежат. Хотя не буду от него зависеть теперь, а то даже неудобно — чужой человек, а на меня свои кровные тратит.

Приехав на Вёхлерстрабе, двенадцать, я удивленно задрала голову, осматривая высокое современное здание из стекла и бетона. Скромная табличка гласила, что оно целиком принадлежит рекламному агентству «Шольц и Друзья». Я зашла в большой современный холл, где толпился народ, и попросила сообщить Штефану Шоллю, что я, наконец-то, приперлась. Тон девушки меня смутил — он был таким подобострастным, а у меня разве что отпечатки пальцев не сняли.

— Герр Шолль просил вас подождать. Чай или кофе? — вдруг засуетилась она. — Пройдемте в гостевую.

— Кофе, — нервно дернула я плечом.

— Сахар? Сливки? Американо? Латте? Какой вы хотите?

— Латте, — все больше удивлялась я.

Девушка провела меня в комнату с огромным мягким диваном. Включила телевизор и быстро удалилась. Я вздохнула, вытянулась на диване и принялась щелкать каналы. Телевизор две недели уже не смотрела.

— Ваш кофе, — поставила она на журнальный стол напиток в большом бокале и тарелку со сладостями. — Герр Шолль скоро будет, у него переговоры.

— Простите, а кем работает герр Шолль? — не выдержала я такого облизывания своей скромной особы.

Секретарша округлила глаза, но быстро справилась с эмоциями и почему-то шепотом произнесла:

— Герр Шолль — креативный директор нашей компании. Именно он и его команда придумывает все то, что вы видите по телевизору и на улицах. Вот, кстати, сейчас идет наша реклама, которую разработал герр Шолль.

Я удивленно повернулась к экрану, на котором какой-то жуткий монстр поедал своего предшественника. «Мы ненавидим дорогое» — неслось из динамиков. Контора, торгующая бытовой техникой. «Сатурн» называется. «Сильнейшие технологии всех времен. Безжалостно низкие цены» — завершился технический канибализм. Фига себе! Круто! А его фрау Пурген в сутенеры записала... Мужчина-то не хухры-мухры... Солидный. Так, стоп, Маша! Мало тебя солидные мужчины мордой по асфальту возили? Домой! Этот такой же. Сначала добрым прикидывается, а потом блядью и содержанкой будет называть. Домой, моя любимая Машенька! Я себя люблю больше. Все они такие. Им нельзя доверять.

Когда Штефан позвал меня и по-мальчишески сбежал по ступеням к машине, я поняла, что все-таки не могу верить в слова секретарши. Одет в потертые джинсы и обычный пуловер. Да, фирменное. Но не такое, чтобы ахнуть от крутизны. На ногах всё те же раздолбанные кеды. Ну не ходят так директора на работу... Не ходят.

— Штефан, а кем ты работаешь? — не выдержала я, когда он вырулил на какую-то широкую

улицу.

— Креативным дизайнером, — заулыбался он.

— Контракт подписал?

— Да. Очень хороший контракт. Интересная будет работа. У меня уже столько идей. Ты даже не представляешь, сколько всего можно сделать!

— Я видела твою работу по телевизору. Тот жуткий монстр-пожиратель... Достоинно.

— Правда? — обрадовался он. — Хорошо, что тебе понравилось. Мне не особо, там другие были идеи, гораздо лучше.

— Но клиент выбрал самую говенную? — рассмеялась я. — Так обычно и бывает.

Деньги из кассы забирала лично я. Он даже не дотронулся до них. Две тысячи евро, как я и просила. Тут же отзвонила маме, сказала, что все получила, пошаркала ножкой и наговорила ей всяких приятностей. Всё, можно жить и не мучиться угрызениями совести. Хотела отдать Штефану деньги, которые он за эти несколько дней потратил на меня, но он отказался. Я решила, что оставлю их, когда буду уезжать домой. Надо человека как-то отблагодарить за гостеприимство. Жизнь стала потихоньку налаживаться. Консул у нас теперь на новенького, да? Что ж... И этого унесут говенького. Да! Дорога, дорога, осталось немного, я скоро приеду домой!

Глава 9

— Мария, деточка, ты не погуляешь с Сашей? У меня с сердцем плохо, — стояла на пороге вполне себе бодрая фрау Марта, наша соседка по площадке. — И в ушах звенит, — добавила она, видимо оценив мой недоверчивый взгляд.

— А ваша Саша будет меня слушаться? — поинтересовалась у нее. Я никогда в жизни не гуляла с собаками и понятия не имела, что с ними делать.

— Я тебе мячик дам, — заверила меня старушка.

Сия фрау второй день паслась у Штефана в квартире. Первый раз она притащилась на следующий день после нашего знакомства на лестнице. Просто зашла познакомиться с соседкой, то есть со мной. Нет, она и предлог нашла замечательный — попросила Штефана повесить занавески, а то, мол, голова кружится. Видите ли, Саша играла и оборвала. Занавески, конечно же, вешала я. Потом Штефан мне объяснил, что периодически все соседи помогают фрау Марте. Ее дети живут в Австрии, оплачивают ей все расходы, каждый месяц присылают деньги. Однако старушке то и дело нужна чья-то помощь по мелочам. Хотя временами Штефану казалось, что бабка специально что-то ломает, лишь бы с кем-то пообщаться. Узнав, что я из России, она впала в состояние глубокой радости и принялась вспоминать свою бурную послевоенную молодость, русских солдат и еще бог знает что, о чем я не имела ни малейшего представления. Впрочем... Через час я прискакала к ней с блокнотом и ручкой, чтобы записать воспоминания, на чем свет ругая гадкого Каулитца и свой потерянный навеки диктофон. Мне показалось, что подобное интервью было бы интересно нашим читателям к празднику Победы. Так мы с ней и подружились. Штефан не стал возражать. Ему даже понравилось, что я не слоняюсь по квартире с кислой миной, а придумала себе занятие. Правда, что касается занятия, то всех переплюнул наш затейник консул. Эдакий ролевик-любитель. Вчера я приехала к нему с документами из полиции, клятвенно заверив, что в

ближайшие пару дней мне пришлют документы из России. Консул проверил все, сказал, что справка поддельная, так как нет какого-то личного штампа полицейского. После чего позвонил сначала сержанту Глитцу, потом комиссару Хаммарбергу, чтобы проверить, что я не сама ее себе написала под дверь. И только потом сообщил, что ему нужны две моих фотографии строго три на четыре и тот самый штампик. На скромный вопрос, по какой причине я узнаю о фотографиях спустя неделю, добрый дядька сказал, что он не в курсе, что я об этом не знаю. Я изо всех сил улыбалась и старалась быть вежливой, хотя хотелось орать и качать права. Нельзя. Один раз с ним я уже лопухнулась, теперь вот мне это аукается... или икается... Штампик мне поставили без всяких вопросов, сержант Глитш смог только посочувствовать и посоветовал держаться. Сфотографировалась я хитро — сделала фотографии цветные, черно-белые в глянцевом и матовом варианте. Консул опять долго мотал мне нервы, то ему это не нравилось, то другое, то фотографии какие-то не такие, пока я прямо не спросила, чего он от меня хочет и что вообще происходит. Дядька обозвал меня «скользкой натурой» и велел принести какие-нибудь документы из России, пока он, де, тоже тут запросы рассылает. Но Полина обещала прислать все вот-вот, сказала, что возникли трудности с отделом кадров, посему сегодня я никуда не поехала, решив побыть дома и приготовить для Штефана чего-нибудь вкусного. Он вообще располагал к себе настолько, что мне постоянно хотелось что-то для него делать полезного и приятного. Да и надо как-то реабилитироваться перед ним. За завтраком произошло просто отвратительное событие. Штефан включил утренние новости, и журналист как раз завершил что-то говорить про Билла. Я даже замерла, услышав знакомое имя. В груди тут же больно закололо, горло сдавило, руки похолодели, спина взмокла. Я кое-как сдержалась, чтобы не кинуться к центру и не начать вращать ручку приемника, дабы найти еще какие-то новости про него. Как ты там, мой мальчик? Выступаешь? Выздоровел? Вспоминаешь ли меня? Наверное, нет... Уже забыл...

«Дожили, — недовольно проворчал Штефан. — Теперь великая Германия рыдает из-за того, что какой-то гей потерял голос».

Я уронила вилку и подняла на него наполняющийся злостью взгляд.

«Хотя о чем я? — продолжал ничего не подозревающий о надвигающемся урагане Штефан. — У него ни голоса, ни слуха, ни таланта. Да, смазлив, но не более того. Таких как раз любят старые пидорасы. Наверное, в постели хорош оказался. Главное сейчас — это удачно раздвинуть ноги».

И гром прогремел, посылая в белобрысую голову тысячи молний. Я орала на него так, что, казалось, полопаются стекла. Как я не бросилась на него с кулаками, до сих пор не понимаю. Почему я его не убила в тот момент — не знаю. Но Штефан был очень близок к гибели. Меня трясло от гнева, я готова была испепелить его, удушить, загрызть, уничтожить. Я наговорила ему столько всего, что до сих пор стыдно. Штефан обалдел, а потом спросил, не фанатка ли я. И я поняла, что веду себя, как дура. Но в тот момент остановить меня уже было невозможно — пробовали ли вы остановить ураган, только набравший полную силу? Послав его к чертям, я гордо сбегала с кухни. Нет, ну а чего он, в самом деле, моего мужчину такими словами называет? Совсем что ли спятил? К обеду я оценила всю глупость ситуации, и решила испечь для Штефана шарлотку и состряпать ужин. Типа извиняюсь. Вот от этого милого занятия меня и оторвала фрау Марта со своей брехучей Сашей.

Таки старушка не казалась мне больной и умирающей. Наоборот, она смотрела на меня как-то странно, с хитрой улыбочкой типа «я все знаю».

— Может быть, мне зайти в аптеку и купить вам лекарства? — с обеспокоенностью в голосе спросила я.

— У меня все есть. Погуляй с Сашей. Иди в парк, она там побегает, поиграй с ней в мячик. Саше надо больше двигаться, врач сказал, что она толстая.

Это было вдвойне странно, потому что эту собаку только инвалид без рук, ног и глаз мог назвать толстой. Шпиц был в замечательной физической форме, весел и активен. Так же, как и фрау Марта. Зачем она навязывает мне свою собаку?

Взяв поводок и мячик, мы отправились с Сашей гулять. В парк... Фрау Марта настоятельно рекомендовала мне пойти именно туда. Я представила, что там среди деревьев меня ждет Билл. Он сидит на скамейке, грустный, задумчивый и наслаждается теплым ветром и ярким солнцем. Во что он сейчас одет? В кожаную куртку и толстовку имени себя. Черные джинсы. Шапочка и очки. Шея обмотана черным вязаным шарфиком. Просто сидит на лавочке и улыбается. В груди все тянуло. Больше не надо никому демонстрировать улыбку и хорошее настроение, не надо играть и шутить. Можно просто быть собой. Только не надо плакать. Ему бы не понравилось.

Саша не предпринимала никаких попыток сбежать. Она прекрасно знала команду «Апорт!» и радостно приносила мне мячик. Я гоняла ее по лужайке, дразнила и откровенно издевалась над собачкой. Та оглашала округу радостным лаем и с детской наивностью кидалась за игрушкой. Оказывается, иметь собаку — это прикольно. Она-то точно не предаст и не бросит, будет любить тебя за то, что ты есть, а не за что-то другое. Кто-то сказал, что, «если бы ты превратился в мышь — твоя кошка сожрала бы тебя без всяких эмоций, а если бы я превратился в мышь — моя собака любила бы меня не меньше». Кажется, мой кот так и сделал — сожрал меня без всяких эмоций. Вернусь домой, заведу себе собаку. Маленького щенка. Мы будем жить вдвоем и никто не посмеет нас обидеть, а когда щенок вырастет, он загрызет любого, кто посмеет оскорбить меня. Мне нужна защита. Кто-то, на кого бы я могла опереться, кому бы могла пожаловаться, за кого бы я могла спрятаться. Я устала быть сильной. Устала днем улыбаться, носиться и создавать видимость бурной деятельности. Все равно ночью я становлюсь жалкой лужицей нервов — тихие истерики и слезы в три ручья — наше всё! Штефан ничего не говорит по утрам. Лишь тормозит за завтраком. Но я-то понимаю, что он все видит. А я... Я не могу. Я хочу к нему.

Нельзя.

Где ты, мой родной? Что ты сейчас делаешь?

Молюсь.

Можно я хотя бы мысленно буду рядом с тобой?

Я там, где ты. Я рядом с тобой.

Меня больше нет.

Вернись ко мне.

Я не могу.

Просто вернись.

Нельзя...

Я зашвырнула мячик подальше, несколько утомившись от игривости зверя. Пусть побегает и

поищет, надоела уже эта блоховозка. Мяч поскакал по дорожке с горки, пересек другую тропинку пошире и улетел в кусты. Саша ринулась за мячом. Хорошо как на улице. Тепло, солнечно. Куртку можно снять. Устала я от этой весны. Хотя в Европе весна проходит более безболезненно, чем в России. В Москве в конце марта снег везде лежит и грязь несусветная, а в Берлине вон все зеленое стоит. Тюльпаны во всю цветут. Крокусы отходят. Саша на кого-то гавкала в кустах. Боже, всем она хороша, но какой же сучий характер у животного, а! И брешет, и брешет! Вот правильно ее в этой жизни сделали сухой, потому что много брехала в прошлой. Зато в следующей жизни она совершенно точно родится баобабом. Просто невыносимо громкое существо. Я поднялась с лавочки, на которой пару минут назад «разговаривала» с Биллом, и пошла за собакой. Наверное, мяч достать не может, застрял что ли он там?

Кусты оказались низкими деревьями с широкими кронами и обильными нижними отростками. Саша тьякала где-то совсем рядом, причем мне постоянно казалось, что на кого-то. Я залезла в гущу и осмотрелась. Вот ведь дурилка лохматая! Поводок зацепился петлей за сук, она в кусты-то залезла, а вылезти не может. Вон и мяч валяется в метре от нее, не достанет никак. Я освободила пленницу, сделала пару шагов за мячиком и чуть не рухнула, почувствовав знакомый запах, смешанный с запахом деревьев и влажной земли. Втянула воздух полной грудью. Дьявол! Непроизвольно шумно задышала, стараясь насладиться таким неожиданным подарком. Закрутила головой, пытаюсь разглядеть того, кому принадлежит запах. Но в этом подлеске никого не было, кроме нас с Сашей. Грустно усмехнулась — мне уже его запах мерещится. Совсем головой тронулась. Я потащила собаку за собой сквозь кусты. Надо идти домой. Там, по крайней мере, не пахнет Биллом. Всё, это последняя стадия помешательства. Дожила, обонятельные галлюцинации начались. Домой. Бегом домой! Пока еще кто-нибудь не привиделся. И словно добывая мой и без того офигевший от переживаний разум, вдалеке я заметила парня, очень похожего на Билла. Он шел к выходу из парка. Я вцепилась в его спину взглядом и поняла, что крыша съехала окончательно. Куртка, как у Билла, джинсы черные. Волосы собраны в хвост. На голове кепка. Идет, как Билл. Все движения, как у Билла! Я смотрела на него, словно кролик на удава, широко распахнув глаза, чувствуя физическую боль в солнечном сплетении, сердце гулко колотилось в груди, почему-то неприятно отдаваясь в горле и кончиках пальцев на ногах.

В городе пахнет только тобою...

Там, где я был или там, где я буду...

Вспышка. — «Это песня про нас...» — Ощущение его прикосновения к коже.

Вспышка. — «Про нас...» — И такой яркий вкус его поцелуя на моих губах. — «Я так по тебе соскучился...»

Я, потеряв всякий ум, стыд и гордость, кинулась за парнем чуть ли не бегом, вцепившись в него взглядом, боясь даже моргнуть. Саша болталась где-то там на поводке, а я, как загипнотизированная, все неслась за ним, не рискуя сокращать расстояние, не в состоянии соскочить с тонкой высокой фигурки. Внутренний голос пытался вразумить меня, говорил, что это не Билл, а похожий на него парень, что Билл сейчас где-то в другой стране, скорей всего на саундчеке, или дает интервью, или отдыхает и отсыпается после концерта, может быть бесится или напивается с Томом... Я же наслаждалась этими стремительно несущимися секундами нашей с ним «прогулки». Уже почти на самом выходе из парка его встретил какой-то мужчина. Они перебросились парой фраз, потом парень проследовал за ним, сели в машину, припаркованную невдалеке, и уехали. А я с Сашей так и осталась стоять в тени дерева, с болью в горле провожая моего мальчика по его делам.

Забери меня. Я так скучаю...

Господи, просто забери меня домой...

Приди, и забери меня, молю!

Я не умею жить без тебя.

Я научусь.

Дура...

Вернув собаку хозяйке и вымыв ей лапки, я слиняла к себе. Никакого ужина готовить уже не хотелось. Зато было страстное желание включить телевизор и поискать новости — вдруг что-нибудь скажут о Билле? Нет, надо успокоиться и перестать о нем думать. Он не сможет испортить мне настроение и больше никогда не вернется в мою жизнь. Я не буду ему звонить, не полезу в Интернет, чтобы узнать, как у него дела, не стану смотреть и слушать новости. Если я хочу вылечиться от зависимости, то должна оградить себя от любого упоминания его имени. Я сейчас как наркоман, у которого ломка. Мне нужны наручники и персональная батарея, мне нужен информационный вакуум. Я вылечусь. Вылечиваются же наркоманы, и я вылечусь.

Шарлотка удалась на славу. Такая вся румяная, красивая, высокая. Тесто я тоже пробовала — вкусное. Значит и сдоба должна быть вкусной. Мясо по-французски вышло бледноватым, но всему виной сыр, который никак не хотел румяниться. Я порубила в молодую картошку укропчик и залила все маслом. Ай да я! Ай да молодец! Не девка — сокровище! Штефан должен быть доволен. Нет, я и раньше готовила для него, но это было что-то элементарное, типа макарон с сыром или яйцом, жареные колбаски с горошком и салатом, гуляш с рисом. Наверное, это впитано с молоком матери — если в доме есть мужчина, он должен быть сыт и доволен. Не знаю, как насчет доволен, но голодным он не сидел. За неделю я только пару раз ничего не приготовила. Один раз потому что проспала, второй раз просто напилась. Штефан радовался, что я появилась в его жизни, говорил, что теперь у него есть стимул возвращаться домой, ему было приятно, что его кто-то ждет и скрашивает вечернее одиночество. Но сегодня он задерживался уже на час. Я выглядывала в окно. На душе неспокойно. Черт, зря я так на него наорала утром... Он-то тут причем? Это же мои проблемы...

— Штефан, привет, — мягко сказала в трубку. — Я хотела извиниться за утренний скандал.

— Привет, Мари! Да ерунда, — по голосу поняла, что он улыбается.

— Прости, ты сильно сегодня задержишься?

— Нет, что ты, не волнуйся. У меня тут внеплановая встреча случилась. Ты что-то хотела?

— Просто я... Купи бутылку красного вина.

— Ты меня ждешь?

— Да.

— Я скоро приеду. Не скучай там.

— Не буду. Не сердись?

— Все хорошо. Я скоро буду, не волнуйся.

Вот и отлично. Достала книгу и ушла читать на балкон. Я, кресло, плед, книга и какао. Для полного счастья не хватает только тебя... Я не буду о тебе вспоминать. Не дожدهшься!

Штефан вернулся какой-то возбужденный и нервный. Посмотрел на меня странно, улыбнулся криво. Протянул сумку с продуктами и какой-то яркий бумажный пакет.

— Я подумал, что... Короче, вот. Это тебе.

Я недоуменно глянула на него. Раскрыла пакет.

— Одежда? — ахнула. — Штефан, ты купил мне столько одежды? Зачем?

— Ну что ты ходишь все время в одном и том же? — нервно дернул он плечами и сунул нос в пакет. — Цветное вон. Яркое.

— Штефан... Зачем? — пробормотала я.

— Считаю, что мне дали премию за хороший контракт, и я решил тебя побаловать.

— У меня есть деньги, я не возьму! — решительно вернула вещи.

— Мария, я же не могу сам в этом ходить. Давай договоримся, если тебе не понравится, то просто выкинем это... — он запнулся. Шкодливо улыбнулся и заговорщицким тоном сообщил: — То разрежем это на лоскуты и выкинем в окно.

— Ты ненормальный! — фыркнула я и потащила пакет с едой на кухню.

В нем обнаружили килограмма четыре разных фруктов и бутылка красного полусладкого вина. Что это на него нашло? Я, конечно, большой любитель растительной пищи, но... Странный сегодня день. Очень странный.

— Расскажи мне о той группе? — попросил он, отрезая кусочек мяса, когда мы, наконец-то, сели за стол. — Ну, из-за которой ты утром так завелась... Ты их знаешь?

— С чего ты взял? — посмотрела я на него через вино в бокале.

— Вряд ли бы ты стала кого-то защищать так рьяно, не зная лично.

— Может быть, стала бы, — игриво улыбнулась я. Больше всего на свете я не хочу сейчас говорить на эту тему. — Почему нет?

— Потому что нет. Расскажи.

— Я работала с ребятами пару дней, — принялась вдохновенно врать. — Была с ними в туре. Делала репортаж из серии «Сутки из жизни...» Смысл в том, что ты не берешь никакого интервью, просто присутствуешь тенью везде, общаешься с ними, наблюдаешь. Это было очень интересно. Я многое о них узнала.

— Какие они?

— Густав, барабанщик, самый умный и спокойный. Очень вежливый и глубоко порядочный. Правда, если его задеть, то узнаешь о себе много нового. Георг, басист, веселый и шепутной.

Самое смешное, что у него больше всех девчонок. Он компанейский парень и настоящий джентльмен. Том, не смотря на свой имидж, нежный и надежный. Рядом с ним ты чувствуешь себя защищенной. Он, знаешь, опора. Только до этой опоры надо сначала докопаться, но уж если докопаешься, то, когда мир рухнет, ты об этом даже не узнаешь и не почувствуешь. А Билл... Билл заботливый, ласковый очень. Рядом с ним ты попадаешь в рай. Он бывает грубым, бывает неадекватным и истерит без дела, но если Том — это стена, то Билл — это райский сад за этой стеной. Маленький рай. Я глупо объясняю, да?

— Нет, не глупо. Просто я не понимаю, как ты додумалась до всего этого, пообщавшись с ними всего два дня?

— Я наблюдательна. Я тебе и про фрау Марту много чего могу рассказать. А с ней я тоже общалась всего два дня.

— А про меня?

Я улыбнулась, делая глоток и смакуя вкус терпкого напитка.

— Скажи про меня.

— Ты одинок. Тебе скучно. Тебе нужна семья, ты хочешь заботиться, быть любимым. Как давно ты расстался с девушкой? Вы ведь вместе жили, да?

— Мы расстались месяца три назад.

— По твоей инициативе?

— Она изменяла мне с лучшим другом. Я попросил ее уйти. Потом сам ушел в жесткий загул. А недавно решил, что надо сделать перерыв, потому что уже перебесился и скатываться дальше не хотелось бы. И тут мне попала ты. Временами мне кажется, что ты была бы идеальной женой. Надо лишь приручить тебя. Но я понимаю, что тот дьяволенок, который в тебе живет, сейчас просто напуган и спрятался. Стоит тебе обрести душевное равновесие, и я просто не смогу тебя удержать в руках, ты убежишь сквозь пальцы, как вода. Тебе нужен сосуд, а не мои ладони.

— Мой сосуд разбился. Вода утекла в землю.

— Вода имеет свойство возвращаться.

— Как не склеивай сосуд, все равно трещины останутся.

— Иногда трещины — это пикантно. Да, ценность уже не та. Но сосуд становится более хрупким и его начинают оберегать тщательнее. Просто воде нужно время, чтобы вернуться.

— Штефан, не порти мне вечер, — поморщилась, отставляя бокал. — Я решила вернуться домой. Я больше не хочу иметь с теми осколками ничего общего. Ты бы захотел жить с девушкой, которая предала тебя, стал бы общаться с другом, который забрал твою девушку?

Он ухмыльнулся и опустил голову.

— Вот и я не хочу. Меня предали, обманули и унизили. Меня оскорбили ни за что на пустом месте. Давай выпьем за то, чтобы людям, которые нас обидели, было хорошо.

Штефан рассмеялся.

— Всё пройдет, — посмотрел по-доброму. — Поверь мне, всё пройдет. И это тоже. Пообещай носить то, что я тебе привез, хорошо? А ужин был чудесным. Твоему парню повезло.

Я захихикала.

— Это я тебя балую. А мой парень питался фаст-фудом. Он и не подозревает, что я умею готовить.

— Так ему и надо, — заржал он.

Когда я вытряхнула пакет на постель, то чуть не вывихнула челюсть от удивления. Если бы я не знала наверняка, что Штефан понятия не имеет о Билле, то подумала бы, что вещи покупал сам Билл. Только Каулитц их покупал в состоянии обостренного приступа ревности. Это были его любимые цвета (в целом и мои, конечно же, тоже) — яркие, сочные, солнечные, его любимые фасоны — по фигуре в обличку (но не сексуальное, как он обычно выбирал, а закрытое от и до), и при этом полное не сочетание одного с другим. А горсть побрякушек так и вообще ввела меня в ступор. Черные туфли на высоком каблуке... Твою мать! Джимми Чу! Билл приучил меня к его туфлям. Откуда Штефан знает, что я ношу шпильки от Джимми Чу? А вот белье... Я захохотала. Белье было простым-простым. Таким, какое девушка будет носить дома, никому не показывать, просто потому, что оно удобное, а выкинуть жаль. И пижама. Обычная хлопковая пижамка с укороченными штанишками и зайчиками на груди.

— Штефан, а зачем ты мне купил пижаму?

— Пижаму? — удивился он.

— Ну, как бы оно не тянет на домашний костюмчик, — я продемонстрировала ему свой ночной наряд.

— Да ты знаешь... — протянул, явно придумывая ответ. — Эээ... Мне просто понравилось. А остальное тебе как?

— Тебя в покупках консультировал мой бывший парень? — улыбнулась я.

— Не понравилось?

— Что ты! Наоборот! Последние полгода я только в таком и хожу.

— Мне нести ножницы?

— Не надо. Спасибо тебе огромное. Мне все очень понравилось.

Если два незнакомых друг с другом парня покупают тебе шмотки одного и того же вида, фасона и цвета, то дело не в парнях, а в том, какое впечатление ты производишь на окружающих. Судя по всему... абсолютно дурацкое. А пижамка так и вообще... Я не сплю в пижаме лет с трех!

Выходные прошли чудесно. Рано утром в субботу Штефан накрыл меня пледом в машине и сказал, что ближайшие два часа я могу спать и ни о чем не думать. Собственно, я так и сделала — свернулась на заднем сидении и благополучно проспала все на свете.

Он привез меня в загородное поместье одного из своих друзей, которое расположилось на берегу реки Шпре. Огромный дом был окружен корабельными соснами. У причала

покачивалась небольшая яхта. А еще Штефан обещал, что мы будем кататься верхом. Меня отвели на третий этаж и поселили в светлой комнате с видом на реку. Значит, мы приехали с ночевкой. Надеюсь, ничего плохого не случится. Как-то мне не по себе. Волнение какое-то, страх... Вскоре ближе к полднику подтянулись еще люди, человек восемь. Оказалось, что у хозяина дома — Томаса — день рождения. Дата не круглая, особо он отмечать не хочет, посему собрал только самых близких друзей. Покатавшись верхом, поиграв в бадминтон и волейбол, славно напившись и наевшись, мы отправились на прогулку по Шпре. Девушки громко хохотали, мужчины о чем-то оживленно спорили. А мне было неуютно среди них. Я держалась в сторонке, пила вино и отчего-то переживала. Что-то странное происходит. Страх накатывает, тоска и безысходность. И страх такой... Это не чувство опасности, когда ты напряжен до предела, это именно чувство безысходности, когда ты бессилен перед обстоятельствами. Предчувствие чего-то плохого, неотвратимого. Очень сильно хотелось позвонить Биллу и узнать, все ли у него хорошо. Ну пусть не Биллу, может быть Густаву или Георгу. На худой конец Саки или Тоби, но обязательно позвонить. Как ты там, мой хороший? А если с ним что-нибудь случилось? Если группа попала в аварию? Страшно... Как же страшно за него... Люди вокруг начинали раздражать своим смехом. Ко мне с разговорами лезли какие-то мужчины. Штефан пил виски и, судя по глазам, уже был хорошо навеселе. Пьяные телки с пустой болтовней о шмотках просто выбешивали. Билл, родной мой, с тобой все хорошо? С тобой же все хорошо, правда? У меня начиналась истерика. Я металась, уходила от людей, пряталась в тихих уголках. Мне надо сосредоточиться на нем. Возможно, я смогу понять, что с ним. Ведь тогда у него это сработало, когда я была в Венесуэле. Он почувствовал меня, поддержал, и я выкарабкалась. Я не разговаривала с ним сейчас. Я смотрела на звезды и шептала нашу молитву: «Звезда, звезда, помоги ему». Я была уверена, что ему нужна моя поддержка. Пусть он прогнал, пусть надругался над моими чувствами, но сейчас ему нужна поддержка, я не дам ему упасть и разбиться. Боже, любимый мой человек, что же с тобой случилось? Голос? Опять что-то с голосом? Ты только держись там, слышишь, держись!

В понедельник мы снова встретились с консулом. Я принесла ему документы от Полины, которые она смогла собрать за неделю. Бумаг было не густо, потому что наши компетентные органы выдавали их по запросу других не менее компетентных органов, а таковых у Полины не было, и она пользовалась исключительно личным обаянием. На этот раз консулу не понравилось, что факсовая фотография слишком размазанная, но «это уже хоть что-то». Он в очередной раз обещал сделать запрос (или ждал каких-то ответов, я так и не поняла) и велел мне позвонить в конце недели. Я хотела развыступаться, но вовремя остановилась. Улыбнулась, записала телефон и пошла восвояси. Вот не умеешь врать — не берись! Теперь расхлебывай. Как же муторно внутри, отвратительно просто, беспокойно. Может почту зайти проверить в Интернет-кафе? Хоть узнать, что в мире делается. Нет! В Интернет нельзя. Если я сейчас залезу во всемирную паутину, то уже не выпутаюсь, поддамся искушению. Нельзя, терпи, Машка! Ты сильнее него.

Я направилась в кафе, чтобы съесть чего-нибудь вкусенького. От общения с консулом у меня всегда такой стресс, что спасает только чашка кофе и «Шварц Валдер Кирчторт». Он здесь потрясающе вкусный. Наш «Черный лес» рядом с ним черствая заплесневелая горбушка. Хотя, с другой стороны, если я тут так буду питаться почти каждый день, то «не будет у моей Наталии ни лица, ни талии». Нет, все равно, надо себя баловать! Эх, никого сейчас не волнует моя талия...

Я ожидала латте с кленовым сиропом, выковыривая вишенки из шоколадного бисквита, жмурилась от удовольствия и наслаждалась жизнью. В голове пусто и хорошо. Никаких мыслей. Вот вообще никаких. Пустота. Звучала расслабляющая музыка. Обстановка вполне себе приятная и интимная. Взгляд то и дело притягивали плазменные экраны, на которых

крутили какие-то клипы. Я почти на них не смотрела. Но и не пересаживалась. Все равно ничего не слышно, а картинка... Да пусть будет! Кто ей запретит? Официантка принесла кофе. Я увлеченно расставила торт и латте на столе, чтобы было удобно есть и пить, и зацепилась глазами за знакомую до боли прическу на экране. Показывали «нарезку» из Билла. Виджей что-то говорила. Фотография странного здания. Дэвид... Ерунда какая-то. Я чуть не подавилась вишней, когда крупным планом показали первую полосу «Бильд». Билл Каулитц прооперирован? Прооперирован?! Билл?! Дальше шла цитата из речи Дэвида: «Во время операции все шло по плану, и врач был уверен в своих действиях. Врач, проводящий операцию, был одним из лучших в этой области. Но удалась ли операция настолько, что голос остался прежним, мы пока сказать не можем...» Бросив на стол десять евро, я со всех ног кинулась в ближайший супермаркет, где на развалах можно было посмотреть прессу. Билла прооперировали! Боже мой! Прооперировали!

Напугав продавца своим лихим видом, я купила несколько газет, где по ее утверждению была информация о Билле. Пробежала вверх по улице до лавочки — ноги дрожат, того гляди упаду. Так, что тут у нас? Интервью с Томом. Самое свежее.

«— Ты поедешь с ним в больницу? Как долго он там пробудет?

— Билл хотел бы провести там как можно меньше времени, не более двух дней. Я поеду с ним, и в любом случае буду все время рядом.

— У Билла бывают боли? Как ты его подбадриваешь?

— Ох, нет, не думаю, что ему больно. Ну, если бы было, он в любом случае не смог бы пожаловаться, потому что не может разговаривать. Обычно Билл все время непрерывно болтает, и это определенно нервирует. Сейчас у меня самое спокойное время во всей моей жизни. Если кто-то и говорит, то это я, и Билл не может ничего с этим поделать — это супер! Вчера на листе бумаги своим карандашом для глаз он написал «Заткнись!» И когда я начинаю действовать ему на нервы, он показывает мне этот листок».

Как он, Томми?! Скажи мне как он? Милый, ну, пожалуйста! Хватит издеваться над журналистом, он не виноват, что у него такая дурацкая работа.

«...Большую часть времени Билл лежит в кровати и смотрит видео. Время от времени он, шаркая ногами в своих трениках, направляется к холодильнику и берет себе что-нибудь перекусить. Если бы он еще сел с баночкой пива перед телевизором, тогда я бы по-настоящему гордился своим младшим братиком. Я думаю, это было бы что-то! (смеется)»

Так, ну он хотя бы не один. Боже! Как он это все переносит?

«— Кто готовит для Билла?

— Сейчас каждый день я готовлю для него спагетти с моим специальным соусом. Соус, без ложной скромности, просто убойный. Биллу, вероятно, такая еда с трудом лезет в горло, но без голоса он не может сильно жаловаться. Хотя он, собственно, и с голосом должен был бы быть очень спокоен. Билл готовит еще хуже, чем я...»

На самом деле Том совершенно не умел готовить. То, что он делал, было вообще несъедобным. Билл же там с голоду окочурится, если будет питаться тем, что приготовит старший брат! Хоть бы Симона к ним переехала. Она же не может бросить сына умирать от голода?! Ладно, что еще пишат? Где? Вот!

«Цена, которую приходится платить»

Это не редкость, когда певец сталкивается с такой проблемой, развитием кисты на вокальных связках по причине слишком сильного перенапряжения голоса. Как заявили врачи в данном случае, Билл перенес операцию, в течение которой киста была удалена. Хирургическое вмешательство, состоявшееся 31 марта, прошло хорошо».

Вчера! Все это было вчера! А накануне он дергался, и я чувствовала это. Потому и не спала толком ночью, потому и переживала, потому и истерила. Что еще? Вот тут.

«Во время концерта в Марселе группа отказалась продолжать играть после пятой песни... ..Билла госпитализировали несколько дней спустя, так как на этот раз это был не банальный ларингит. Врачи заключили: на голосовых связках образовалась киста. Парень должен быть срочно прооперирован на гортань, если хочет сохранить свой голос».

Мне интересно, он знал это и скрывал или не знал, и это выяснилось уже после моего ухода? Потом подумаю. Дальше!

«Йост рассказал, что брат-близнец Том сопровождал Билла в больницу. Он подарил ему для общения в последующие 10 дней маленькую школьную доску для мела».

Как мило.

«Огромный шок для миллионов фанатов во всем мире!»

«Биллу еще в начале прошлой недели потребовалось медицинское обследование в связи с воспалением голосовых связок, — говорит продюсер и менеджер группы Дэвид Йост. — Следующее исследование показало, что на одной из голосовых связок появилось образование, которое мешает выздоровлению. На этой неделе киста будет удалена хирургическим путем. Без этой операции голос Билла может пострадать настолько сильно, что он больше никогда не сможет петь. После операции Биллу предстоит несколько недель реабилитации, чтобы избежать возможных длительных осложнений на голосовых связках...»

Билл может пострадать настолько сильно, что больше никогда не сможет петь... Не сможет петь! Бог мой! Только не это! Я представила себе и ножницы, и трубку... Руки дрожали. Мой мальчик... Только хотела пострадать на тему, как ему плохо и никто, кроме меня, его бы так здорово не поддержал, и не к месту вспомнила, что Билл меня выгнал. Я не нужна ему. Содержанка и блядь... Каленым железом теперь не вытравишь эти слова из памяти. Поднялась с лавочки и пошла прочь, оставив газеты любознательному ветру. Я-то уже мысленно приехала в Гамбург, влетела в нашу квартиру и повисла у него на шее. А на деле... Слезы покатались по щекам. Я научусь жить без своего наркотика. Я буду очень стараться.

И все равно вернулась домой сама не своя. Меня колотило, а от мыслей голову разрывало на части. Мой мальчик, мой любимый мальчик, мой самый нежный мальчик на свете. Господи, да как же он там? Как он держится? Как все переносит? Операция... Его прооперировали! Он ведь даже уколов не выносит. А я не знала ничего, даже знать не хотела. Думала, что они вернулись в тур, что у него все хорошо, так, как должно быть. Мой мальчик... Я злилась, что у Штефана нет Интернета, и я не могу ничего узнать о нем. Я бесилась, что поблизости нет ни одного Интернет-кафе, и я не могу хотя бы просто просмотреть информацию на сайтах. Я включила телевизор и щелкала каналы, пытаюсь найти новости или что-то о нем. За своими проблемами я пропустила самое главное — у моего мальчика беда. Голос — это то, без чего он не сможет жить. Если что-то с голосом, если реабилитация пройдет не так, он же просто скатится в жесткую депрессию. Он не выживет. Он не справится. Мой мальчик, мой любимый мальчик.

Телевизор бесил! Дьявол! Пятьдесят семь каналов, и все какие-то тупые! У нас даже нет программы, чтобы посмотреть ближайшие новости! Да что же это такое! Я металась по квартире в жуткой истерике. Представляла себе его, беззащитного, лежащего в дурацкой ситцевой распашонке на операционном столе, с огромными перепуганными глазами, ледяными руками. Он наверняка накрутил себя утром. Наверняка накануне ему было ужасно плохо и очень страшно. Я могла быть рядом, могла поддержать его, могла подбодрить. Содержанка и блядь — вспыхнуло ярко. Слезы хлынули из глаз. Я могла. Бы. Точка.

Сейчас я так четко чувствовала его боль, его страх, почти животный ужас. Дело даже не в боли физической. Дело в неопределенности, в том, что рухнули планы, что обязательства не выполнены, что будет колоссальная неустойка, а, следовательно, глобальная финансовая дыра. Он винит себя, что подвел кучу народа, что не смог, не оправдал. Ему стыдно. Одиноко. Страшно. Как мне сейчас. Мне казалось, что я кожей чувствую его растерянность — будущее погрузилось в темноту, словно какой-то злой шутник выключил свет. Он потерял свой путь, упустил путеводную нить, за которой следовал с такой надеждой. Вся его жизнь — это сцена, все его эмоции — это зрители, все его счастье — в этих криках и аплодисментах. Он боится жить дальше, он не видит света. И хочется быть рядом, держать за руку, смотреть в глаза и повторять: «Мы справимся!». Мы... Мы больше не существует...

Я долго думала об этом. Прикидывала различные варианты. Просчитывала последствия. Что я теряю? Ничего. Совсем ничего. Просто мне так будет спокойнее. Зачем? Для себя. Хочу почувствовать его. Всего лишь почувствовать. Я скучаю, я так скучаю по нему. Хотя бы просто почувствовать его дыхание. Я расслабилась и закрыла глаза. Сейчас нужна тишина, ни звука, чтобы не отвлекало. Теперь надо увидеть себя в кресле. Надо как бы выйти из тела и полететь туда, куда рвется душа. Отпустить душу. Я «бродила» по гамбургской квартире, почти физически чувствуя прикосновения к предметам. Я пыталась «увидеть» его, моего любимого мальчика, представить, как он сейчас одет, что делает, какое у него настроение. Я «нашла» его в нашей комнате. Он лежал на краю кровати, растрепанный, неумытый, нечесанный, мятый. Пустой взгляд и отключенный звук у телевизора. Я опустилась рядом с ним на колени, принялась гладить по волосам, прижалась губами к мизинчику. Сейчас я бы была рядом с тобой, заставляла улыбаться, вытаскивала бы на улицу, мы бы много гуляли. Я бы крутилась вокруг и делала твою жизнь чуточку ярче... Увезла бы тебя далеко от города, где нет людей, где есть свежий воздух и тень деревьев. Я не нужна тебе больше.

Я смотрела на трубку, лежащую рядом. Я ведь ничего не теряю. Совсем ничего. Руки уже набирали знакомый номер. Сейчас день. Их никого нет дома. Ну что делать дома двум парням? Правильно. Нечего. Меня трясло. Скулы сводило. Во рту пересохло. Сердце внутри словно оторвалось и скачет каучуковым мячиком по всему телу. Я ничего не теряю. Только вот, кажется, ноги отнимаются от волнения. Зажала микрофон так, чтобы ни звука, ни ползвуча слышно не было. Они примут меня за фанатку. Да, они не догадаются, что это я. На том конце сняли трубку. Я чуть не умерла от страха. Тишина. Билл? Билл! Я ждала, что он сейчас нажмет отбой, представляя, как раздосадовано и раздраженно подождет губы. Ловила мгновения его дыхания, обливаясь горячими слезами, прижимаясь щекой к телефону, словно могу так почувствовать его тепло.

Мальчик, мой мальчик, — гладила его мысленно по голове, пряча прядки за уши. — Что же ты наделал, мой мальчик?..

Он гладил в ответ по щекам, вытирая слезы большими пальцами. Ласково улыбался, обнимал и целовал в висок.

Вернись.

Нет, дело даже не в том, что ты обозвал меня черте как и изменил. Это произошло при постороннем человеке, это случилось перед твоим братом. Это было унижительно и отвратительно.

Я не могу без тебя. — Прижимает сильнее, тянется губами к губам.

Я не могу.

Пожалуйста. Мне не хватает тебя.

Не могу...

Вернись.

Его губы соленые на вкус. А под носом так же мокро, как и у меня. Его руки держат крепко, словно он боится, что я вот-вот расту. Я и сама сейчас сойду с ума от его дурманящего запаха и такого родного тела.

Вернись, умоляю.

Это всего лишь моя фантазия...

В дверь кто-то настойчиво звонил. Я с трудом оторвалась от трубки. Рыдаю в голос. Ухо мокрое. Соплями и слезами залита вся водолазка. Заставила себя первой повесить трубку. Прости, мой родной... Прости... Я не могу. Это всего лишь моя фантазия. Я не могу... Прости...

— Кто? — спросила я, не опознав существо по ту сторону дверного полотна.

— Мария, это я, фрау Марта. Можно?

Чтоб тебя...

Я открыла дверь.

— Мария, добрый день. Мой Бог! Деточка, что с тобой? Что с тобой? Тебе нужна помощь?

— Нет, фрау Марта. Все хорошо.

— Штефан вас обидел? Что-то случилось?

— Нет, Штефан бесконечно добр ко мне и терпелив. Это личное, фрау Марта. Я кино смотрела жалостливое. Расплакалась, как идиотка, — из последних сил улыбалась я. — Простите... — закрыла дверь, не позволяя ей войти. Зачем вы помешали мне раствориться в нем? Хотя бы мысленно... Я так скучаю по нему. Я хочу к нему. Хочу быть рядом.

Глава 10

Когда ты привыкаешь к определенному району, то вскоре начинаешь замечать окружающих людей. Ты гуляешь с одними и теми же людьми в парке, и через некоторое время узнаешь, что вон та овчарка — агрессивная и не любит мелких собак, вон тот питбуль — добрейшей души существо и обожает детей. Вон идет старикан с мопсом и от него лучше держаться подальше, иначе потом не отвяжешься. А вон та экстравагантная фрау с русской псовой борзой — несколько не дружит с головой, выдает себя за русскую графиню, которая осчастливила Берлин своим визитом лет десять назад. Она любит рассказывать, как в России ложками ела

икру, ходила в дорогих манто из бобров, жила в поместье, ездила на ярмарки на «тройках», а по выходным они сгоняли холопов и те устраивали им театр. Бред, который несла фрау Екатерина, может быть, не выглядел бы настолько нелепо, если бы я не заговорила однажды с ней по-русски. Русского фрау Екатерина не знала. Вообще не знала. И окончательно она во мне разочаровалась, когда выяснилось, что халуев в России нет уже почти сто лет, графья у нас не живут в поместьях, а уж ездить на «тройках» на ярмарки — так и вообще моветон. Собственно, эти люди и стали моей компанией для прогулок в последние дни. Кто бы мог подумать, что я превращусь в заядлого собачника? Саша творила со мной чудеса. Все-таки фрау Марта оказалась права, выпроваживая меня на улицу со словами, что от всех невзгод хорошо помогают прогулки на свежем воздухе. Теперь я вежливо раскланивалась с новыми знакомыми, с другими резво расходилась в стороны, чтобы наши собаки не сцепились, а иногда мы гуляли вместе и обсуждали «собачьи дела» — корма, врачей и плохо приклеенные стразики на ошейниках. Все-таки гулять с псинкой — еще та наука.

Но были и другие. Таковых я насчитала три человека. Мне казалось, что они следят за мной. Не все сразу, обычно по одному, реже по двое. Стоило мне появиться в парке, как они тут же рисовались где-то рядом. Я часто встречалась с ними взглядами. Сначала не обращала на это никакого внимания, а потом стало как-то не по себе. Они плавно перемещались по моему маршруту — то один, то другой, то третий, или по парам попадались на встречу или шли позади, делая вид, что праздно прогуливаются. Я стала бояться уходить на дальние дорожки, предпочитая многолюдные хорошо освещенные места. Я замечала их в продуктовом магазине, куда мы с Сашей ходили за покупками. Видела в кафе, где мы любили выпить кофе у фрау Эльзы (ну то есть я пила кофе, а Сашу угощали каким-нибудь субпродуктом с кухни). Они были везде — белобрысый парень в серой, неприметной одежде, невысокий шатен, похожий на Йоста, и русский пацанчик, лет двадцати, в спортивном костюме. И я не могу сказать, что пришла в дикий восторг, когда маленькие камешки-события сложились в голове в одно целое. Кто за мной может следить? Люди Билла? Это глупо. Ну, допустим, они меня выследили, и что? Какой смысл ходить за мной хвостом несколько дней? Кто-то из консульства? ФСБ? И в чем шутка? Разве мы делаем с Сашей что-то такое, чтобы за нами наблюдали «люди в черном»? Бред какой-то. Кому за мной надо следить? Если все-таки это Билл, то почему он до сих пор не предпринял никаких шагов к примирению? Даже не попытался. Нет, конечно же, я его никогда не прощу. Я лучше съем перед загсом свой паспорт, как говорится. Даже если он извинится, то все равно ничего уже нельзя исправить. Во мне будет жить страх, что он еще раз так сделает, в любой момент унизит перед всеми самыми жестокими словами. И тогда это точно меня убьет. Нет, я, конечно, понимаю, что Билл будет очень извиняться, раскаиваться и всячески пытаться загладить вину. И я, как порядочный человек, обязана буду принять, простить и забыть, ибо отказ никто и никогда не примет, вычеркнуть несколько недель колоссальной депрессии, болезни, слез, чужого человека и полную беспомощность, и опять стать с ним ласковой и нежной. Не слишком ли просто? Я не готова к этому. Я не смогу заставить себя простить его. Есть вещи, которые невозможно стереть словами «извини — прости». Что мне с его извинений? Сейчас я учусь заново жить без него. Да, это не получается, все равно я просыпаюсь и засыпаю с болью в сердце и со слезами на лице. Но вот уже днем удается отвлечься, я даже вполне искренне улыбаюсь окружающим. Изредка смеюсь. Но так и дети начинают ходить не одним днем. И я смогу. А если это люди Билла, то я докажу ему, что свято место пусто не бывает. Я счастлива, любима и рядом со мной другой. И ему совершенно не обязательно знать, что каждая моя клеточка по-прежнему любит его сильнее жизни. Я счастлива с другим, Билл Каулитц! Я счастлива! Прислал следить за мной своих ребят? Ну что же. Приходи смотреть.

Дома я вывалила на постель весь мой скромный гардероб, чтобы понять, что у меня есть. Нда... Это явно не моя огромная гардеробная в Гамбурге и не мой забитый до отказа шкаф-

купе в Москве. В наличии мы имеем — две пары черных джинсов, черные водолазка и блузка, длинная в пол юбка темно-серого цвета, две кофточки — одна красная в китайском стиле с застежкой под горло, другая обычная женская рубашка без выпендрежа цвета фуксии. Теплый белый свитер с воротником-стойкой. Из приличного — только туфли и очаровательная изумрудная туника. Черт, такое чувство, что Штефан надо мной издевается. Все вещи хороши по одиночке, но совершенно не сочетаются друг с другом. В целом, я бы могла придумать, как в это одеться, будучи дома и имея в запасе еще одежду, но не сейчас. А юбка? Понятно, что черные туфли куплены под серую юбку, но что я надену сверху? Зеленую тунику или китайскую красную блузу? И ведь Штефан вполне себе удачно одевается. У меня не вызывает нареканий его внешний вид. Впрочем, гардероб мог остаться ему в наследство от последней барышни. Нда... Или он сам себя одевает? Почему же тогда мне он накупил такую кучу вещей, которые я на себя даже нацепить не могу. Так часто делал Билл. Увидит что-то, тут же ручки загребушие с прилавка сгребут вещичку, а потом мучается, куда это надеть: на концерт — не удобно, в люди — пошло, дома ходить — дизайнерская шмотка, жалко. А если за мной все-таки следят его люди? Ну это ведь так логично. Мне так хочется в это верить. Они нашли меня, но подойти бояться. Билл же наверняка на свежую голову уже сто раз пожалел о случившемся. Или не пожалел? Нет, скорее всего, он и не помнит уже обо мне. Ведь, если бы Билл знал, что я живу У мужчины, он бы тут же решил, что я живу С мужчиной и разнес бы все в тот же день. Узнать информацию про Штефана для него не составит никакого труда, следовательно, он бы немедленно приехал. Если нет Билла, стало быть, он ничего не знает обо мне. Да и вообще, размышлялась, сейчас, он всё бросит и припрется. Ха-ха два раза. Заняться ему больше нечем. Джинсы, свитер и макасы — вот так и пойдем сегодня гулять. Как там Пугачева поет:

Тыними,ними меня, фотограф,

Так, чтоб я смеялась беззаботно,

Так, чтоб я была неотразимой,

Чтобы не было в глазах печали.

Прояви же так свое умение,

Чтоб на фото я была счастливой,

Чтоб я даже вызывала зависть

Радостью своей и оптимизмом,

Чтоб никто и не подумал,

Чтоб никто и не поверил

В то, что очень одиноко мне.

Господи, как же я соскучилась по дому и по родной речи. Всю жизнь была человеком мира, эдакое перекаати-поле без страны, без дома, без друзей, с кучей языков в голове, живу, как не знаю кто, ни русская, ни немка, ни англичанка, ни испанка — интернациональный ерш, несъедобный на вкус, от которого на утро хочется умереть у унитаза. Но сейчас ты ни о чем не узнаешь. Я буду счастливой, буду кокетничать со Штефаном и всячески изображать бурную радость. Хочу, чтобы тебе тоже было больно. Хотя... Как ты там? Я столько сделать бы могла тебе, но...

— Мария, что с тобой, ты какая-то нервная? — спросил Штефан, идя по дорожке с Сашей на поводке.

— Просто так, — улыбнулась я, мечтательно закатывая глаза. Мои наблюдатели, наверное, уже разбежались по домам — мы вышли гулять на два часа позже. Пока Штефан приехал, пока поужинал, пока собрался. Приятно, что не отказал.

— А что ты так дергаешься? — не унимался он.

— Все хорошо. Правда. — Хотя, неправда. Наглая ложь. Мы прошли уже две контрольных «точки», а их нет. Зря что ли я вырядилась и сияю, как последняя дура? Ну, давайте же, мальчики, вылезайте из своих норок, у нас тут показательное выступление под названием «Изображаем счастье»! Штефан и так что-то подозревает. Где же вы?

— Что произошло? Звонили из консульства? Ты какая-то неестественно веселая.

— Ты же хотел, чтобы я улыбалась.

— Улыбалась. Не надо путать с тем, что ты делаешь сейчас.

Третья контрольная «точка». Ушли. Дьявол! Можно расслабиться. Я села на лавочку, на которой обычно сидел белобрысый. Штефан сел рядом.

— Что случилось? — тихо спросил он. — Я же вижу.

Я помедлила. Улыбка сползла с лица, упала маской на колени. В глазах заблестели слезы.

— Ты можешь считать, что это бред и паранойя, но за мной следят.

— Господи, кто? — улыбнулся мужчина.

— Я их третий день уже наблюдаю. Они в парк за мной ходят, в магазин, в кафе. Трое. Я боюсь. Мой бывший парень очень богат. Он мог выследить меня. А сейчас за мной хвостом ходят какие-то люди.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет, — покачала головой. — Я ушла от него, ничего не взяв, оставив ему даже его подарки, которыми очень дорожила. Никаких особых тайн я не знаю, а те, что знаю, распространять не буду, это не в моих интересах. Есть вероятность, что он, возможно, захочет меня вернуть, но... Мы приехали раньше на сутки и он не знал, что мы уже дома. Он и не орал в ту ночь, просто под утро пришел с телкой и представил меня гостье, как местную шлюху, которую они имеют всем коллективом, когда им скучно. Я развернулась и ушла. Просто ушла. Без денег, как ты знаешь, и документов. Это произошло при свидетелях. Я просто не могла остаться. Меня еще никто и никогда так не унижал.

— Почему он так сказал?

— Я не знаю. Скорее всего, приревновал. Вокруг меня крутился наш биг босс. Но работать с ним в командировках — это моя прямая обязанность. Да и не знает он, что мы пара, он считает меня свободной девушкой. Мое сокровище только бесится. Видит, что тот за мной ухлестывает, и бесится, потому что ничего сделать не может. Мы с ним только «улыбаемся и машем».

— Почему бы не сказать шефу, что вы — пара?

— У нас контракты. Никаких сексуальных отношений внутри коллектива. Категорически запрещено. Но я пришла туда уже будучи его девушкой. Мы хотели быть вместе постоянно, я бросила все в России и приехала сюда. Мы очень тщательно скрывали наши отношения. Вплоть до того, что Папа считает, будто мы ненавидим друг друга.

— Ты подозреваешь, что это его люди?

— А кому я еще нужна в Германии?

— Мало ли...

— Ты думаешь, что это могут быть люди из консульства?

— Не знаю.

— А если это он, ты вернешься? Если он придет и попросит тебя вернуться, ты вернешься?

Я покачала головой. На руки упали крупные горячие капли.

— А в глаза ему как смотреть? Как поверить в искренность? Как заставить себя не ждать еще одного удара? Если это он, я уеду.

— Куда? — вздохнул Штефан.

— Куда угодно. Это уже будет не важно. Просто уеду.

— А если он и там тебя найдет?

— Я опять уеду. В конце концов, ему надоест за мной бегать.

— Нельзя все время убегать. Это, по меньшей мере, глупо.

— Зато не больно.

Штефан улыбнулся и обнял меня за плечи.

— Глупая Мария. От себя-то никуда не убежишь.

— С собой я договорюсь.

— Вот как раз с собой-то договориться невозможно.

— Я в себя верю.

Обратно мы шли не спеша, вдыхая прохладный, влажный воздух. Штефан рассказывал о новом заказчике — крупной торговой сети, торгующей техникой, — и его причудах. Высокое начальство отвергает уже третий проект, у них свои взгляды на рекламную кампанию, и, честно говоря, эти люди уже чертовски достали Штефана и весь его отдел. Я слушала в полуха, поглядывая по сторонам. На улице давно стемнело. Лавочки в парке заняты молодежью, а я чувствую себя престарелой фрау, которая очень сильно устала от жизни. Но я смогу, я вылезу. Даже таракан болеет какое-то время, пока твердеет его новый панцирь. Я-то лучше таракана.

Я вздрогнула, когда на выходе из парка заметила двоих из моих преследователей —

белобрысый и тот, что похож на Йоста. Они сидели на лавочке в компании ребят, пили пиво и что-то бурно обсуждали. Штефан почувствовал, как я напряглась. Посмотрел в сторону компании. Улыбнулся широко.

— Мария, у тебя паранойя. Это ребята из соседнего дома. Они одно время у нас под окнами собирались — на четвертом этаже их друг живет. А сейчас вот в парк перебрались. Не бойся, я их знаю. Они хорошие, хотя и бывают хамами.

Я закрыла лицо руками и устало потерла глаза. У меня паранойя. Точно паранойя. Мания преследования. Стало с одной стороны легче, потому что страх покинул душу, а с другой... Я ведь так хотела, чтобы он меня нашел.

Скажи, что думаешь обо мне. И мне этого будет достаточно. Мне хочется зацепиться за тебя, бежать за твоей тенью, даже если она вымышленная. Мне хватит тепла твоих рук в моей памяти. Мои пальцы все еще помнят шелк твоих волос, которые я так любила перебирать ночами, когда ты спал. Я мечтаю так по-детски, что ты вернешься ко мне и укроешь от этого безумного мира. Я буду снова жить в твоих нежных ладонях, прятаться в тени ресниц, воскресать каждое утро в твоих улыбках и умирать в объятиях. Я сама придумала тебя. Я цепляюсь за тебя. Использую любой повод, лишь бы хотя бы мысленно быть с тобой, жить с тобой, дышать с тобой. Потому что я погибаю без тебя.

Странно, прошло всего четыре дня с того звонка, а у меня в мыслях полная каша — не понимаю себя. Я явно хочу побыстрее уехать, потому что дома буду в безопасности, там будет интернет, друзья и поддержка во всем. Я не менее явно хочу остаться, протянуть здесь еще хотя бы один лишний денек, дышать с тобой одним воздухом, видеть одни и те же тучи, подставлять лицо одним и тем же лучам солнца. Хочу и не хочу. Пока ты где-то рядом, я не успокоюсь, так и буду бегать по улицам, если вдруг покажется, что очередной парень похож на тебя. Я ведь в толпе постоянно ищу тебя. Нахожу и снова иду следом. Штефан думает, что мне просто понравилось гулять с собакой (хотя прогулки с брехучей на всё, что движется Сашей крайне сомнительное удовольствие), а я иду по улице и ищу тебя. Найду, и несусь следом. Потом «отпускаю» взглядом и надолго зависаю в кафе у фрау Эльзы — заедаю свое горе пирожным и запиваю кофе. Виски как-то у меня не особо пошло. Если бы кто-нибудь проследил за моими бессмысленными передвижениями по району, он бы решил, что я точно сошла с ума. Именно поэтому приходится брать с собой Сашу — вроде как выгуливаю шпица, а на деле собственную паранойю.

Путь от кафе к дому лежал через полюбившийся парк, мимо озера и по зеленому газону с нежной ярко-зеленой травкой. Я размышляла о том, что не мешало бы позвонить домой и зайти в интернет-кафе, проверить почту, поболтать с Полинкой по асе и узнать, не звонили ли мои мальчики. Черт с Биллом — ему не надо и не до меня сейчас, но Том-то, Том должен был звонить! Полинка бы сказала... За две недели мы общались раза три, она и словом не обмолвилась о Томе. Если бы звонил, она бы сказала. Обязательно бы сказала. Может быть, не хочет расстраивать? Или он не звонил? Ну вот, теперь я цепляюсь за Тома. Я готова ухватиться за что угодно, лишь бы не уезжать. Завтра в консульство. Завтра мне выдадут бумажку, по которой я смогу уехать отсюда на-в-се-г-да. Точка.

— Какой милый песик, — передо мной на корточки сел белобрысый. Я так замечталась, что не заметила, откуда он появился. — Как зовут?

— Какая разница? — постаралась я мило улыбнуться, делая шаг назад и дергая шпица за поводок. Саша тут же с воодушевлением забрехала.

— Одна дает, другая дразнится, — из-за моей спины вынырнул второй.

Я вздрогнула и попятилась. Народу вокруг — мужик с бешеной овчаркой, спортсмен на турникетах висит и мамы с детьми на детской площадке. При людях они меня не тронут.

— Что вам надо? — спокойно поинтересовалась я, забирая собаку на руки.

— Пообщаться, — белозубо улыбнулся поддельный Йост.

— Я вас слушаю. Если вас послал Билл, передайте ему, чтобы оставил меня в покое. Я больше не хочу иметь с ним ничего общего.

— Угу, обязательно передам, — потрепал он шпица по голове.

Неожиданно его рука схватила Сашу за шкуру и с силой рванула псину на себя. Я мертвой хваткой вцепилась в задние конечности животного, где-то сильно отдаленно понимая, что сейчас у нас будет две Саши — Саша задняя и Саша передняя. Сама Саша визжала дурным голосом не то от страха, не то от боли. Выпустив одну лапу и сделав шаг вперед, я со всей силы съездила свободной рукой лже-Йосту по носу. Почувствовала, как сломались хрупкие перегородки. Руку словно прошило молнией от кисти к плечу. И тут же второй врезал мне кулаком по скуле, отчего я прикусила язык и отлетела назад, выпуская лапку. Белобрысый подхватил собачонку и кинулся из парка. Лже-Йост пнул меня ногой по бедру и не менее резво помчался за другом. Я подорвалась с низкого старта и понеслась за Сашей, с воплями:

— Помогите!!!

Я бежала так быстро, как только могла. Я не чувствовала боли, не видела перед собой ничего, кроме двух убегающих мужчин с собакой фрау Марты. И мысль, что старушка на закате жизни останется без своего любимого шпица, придавала мне силы. Я не смогла их догнать. Зато им наперерез бежал спортсмен с турника и еще какой-то мужик со стороны детской площадки. Похитители оказались быстрее. Прыгнули в машину и были таковы. Я свалилась на газон на колени и, не стесняясь, разрыдалась в голос. Что я скажу фрау Марте? Как объясню? Да, защищала до последнего. И даже на ноге теперь будет синяк и мне обязательно разнесет поллица, но разве ей от этого станет легче? Что же делать? Надо позвонить Штефану. Он умный.

— Штефан... Штефан! — шепеляво рыдала я в трубку, не замечая, как по подбородку течет кровь. — Сашу похитили! Меня избили, а Сашу украли! Те, на которых ты вчера сказал, что знаешь их!

— Мари! Мари! — неслоь беспокойное. — Я сейчас приеду, Мари!

— Девушка, как вы? — подлетел ко мне мужчина, который пытался догнать преступников. — Покажи! Руки уברי от лица. Ударил? Где больно? Покажи!

Он чуть ли не силой отодрал мои руки от лица, принялся осматривать щеку, бесцеремонно нажал на подбородок и заглянул в рот. Быстро пробежал пальцами по телу, скользнул по ноге. Я вскрикнула, когда он слишком сильно провел по месту удара.

— Язык сильно прикусила. — Достал бумажные платки и нагло засунул мне в рот один из них. — Нога... Так больно? — он ощупывал бедренную кость. Я качнула головой. — Хорошо. Кости целы.

Я выплюнула кровавый клочок бумаги. Он протянул мне всю пачку.

— Идти сможешь? — помог встать.

— Надо в полицию, — всхлипнула я. И только тут почувствовала, что правая рука совсем не двигается.

Мужчина тоже это заметил. Принялся ощупывать кисть.

— Ушиб. Не умеешь драться, куда лезешь? — вдруг рявкнул на меня нервно.

— Он... Сашу... — жалобно заскулила я.

— Тебе надо лед на руку, ногу и к скуле приложить. Пойдем к воде, — потащил меня к пруду.

Я заупрямилась.

— Надо в полицию позвонить!

— Думаю, что уже позвонили, — с улыбкой кивнул он мне за плечо.

Обернувшись, я ахнула и, прихрамывая, побежала навстречу спортсмену. У него на руках сидела перепуганная собака. Схватив свое сокровище, я уткнулась носом ей в шерсть и счастливо закрыла глаза.

— Что там? — спросил мужчина, нервно закуривая.

— Машину закрыли, — ответил спортсмен. — Им дорогу перегородили. Те начали назад сдавать, ну их и заблокировали. Я потом не видел, собаку забрал. Сейчас там полиция разбирается. Пойду, пообщаюсь. Фройлян, вам помощь нужна?

— Не знаю. Вот этот чудесный мужчина считает, что ничего серьезного.

— Кстати, о ничего серьезном. Фройлян, вам бы холодное приложить к руке и лицу. Синяки не красят настоящих леди. Давайте я подержу вашу драгоценность.

— Вы здесь будете? Думаю, полиция захочет с вами пообщаться.

— Да, я с удовольствием пообщаюсь с полицией, — мстительно прищурилась.

Я отдала Сашу дядьке, достала носовой платок, смочила его в воде и начала по очереди прикладывать то к лицу, то к руке. Шпиц учащенно дышал, высунув розовый язычок, и повиливал хвостом.

Через полчаса все формальности с полицией были улажены. Я написала заявление о нападении, избиении, попытке украсть частную собственность и жестоким обращении с животным. Как на духу поведала, что эти люди преследовали меня несколько дней. На что полицейский оживился и сообщил, что преступление планировалось, и было совершено с умыслом и в сговоре несколькими лицами, а это уже совсем другая статья. Врач, приехавший вместе с полицейскими, зафиксировал побои — синяк на скуле, прикушенный язык, разбитую кисть и жуткий черно-красный кровоподтек на бедре. Примчавшийся Штефан взбудоражил всех своей неадекватной активностью. Сначала он обсмотрел-облапал меня. Потом наорал на Сашу. Наехал на полицейских. И в итоге о чем-то пошушукался с мужчиной, который носился со мной. Меня передали ему под честное слово и, наконец-то, отпустили домой.

— Там хоть город жив? — улыбнулась я, хромая рядом с ним под ручку.

— Стоит. Но я гнал, как ненормальный. Надо в аптеку зайти, купить какую-нибудь ранозаживляющую мазь. Нет, ну надо же! Женщину по лицу бить!

— Я одному нос сломала, — гордо ответила я. — Так что мы квиты.

— Как сломала? — остановился он.

— Ну как? Вот так, — с этими словами я резко выкинула руку, четко зафиксировав ее около его носа. — Но ты выше, тебя б я по другому била.

— Этому тебя в КГБ научили? — ошалело выдохнул Штефан.

— Нет, отец. Просто я много путешествую и должна уметь постоять за себя. От этого зависит моя жизнь. Я знаю несколько приемов, порой из них пользуюсь почти регулярно.

— А еще что ты знаешь?

— Еще? — кокетливо посмотрела на небо и похлопала ресничками. — Еще знаю пять языков, три в совершенстве. Я — журналист по спецпроектам. Часто работаю за границей. Потом вот по большой любви бросила всё и приехала сюда. Журналистом у меня получается быть лучше, чем любимой женщиной. Видимо, я не создана для семейного счастья.

— По крайней мере, ты создана для семьи, — улыбнулся Штефан. — Это я на личном опыте убедился.

— Да ну, какая из меня жена, — поморщилась я. — Это у тебя компьютера нет, я бы не у плиты стояла и не с собакой по улицам разгуливала, а работала вовсю. Я за то время, что у тебя живу, знаешь, сколько денег потеряла от безделья?

— Сказала бы. Я б с работы тебе ноут привез.

— Не надо, а то в сеть вылезу. Я не готова пока, рана слишком болит, я пока что слабая, не смогу себе отказать. Но я над собой работаю.

— Ну ты монстр, — захохотал он.

Я улыбнулась. В голове прокручивалась эта история. Если собаку решили украсть, то ее все равно украдут. Фрау Марта — не я, она драться не умеет. Что же делать? С другой стороны сейчас полиция возбудит дело и вряд ли им понадобится Саша. Голову как будто пронзило молнией! Я громко рассмеялась. Вот же идиотка! Я-то решила, что это Билл за мной следит. Нашел. Не знает, как подойти. Еще такая гордая: «Пусть оставит в покое!» Боже, давно со мной такого идиотизма не случалось! Оставь меня в покое... Передайте... Кто о чем, а вшивый о бане. Надо как-то соскочить с этой темы. Ничего кругом не вижу, везде только Билл мерещится. То сумка с одеждой от Билла, то преследователи Билла, то в магазинах Билл, то в окошке из дома Билл, как я еще не додумалась, что Билл консула подговорил (кстати, о консуле — с синяком на лице к нему нельзя, да и говорю я сейчас плохо, завтра язык вообще опухнет, он меня и так за изменщицу родины принимает), то вон у подъезда стоят Том и Билл. Том? Билл? Я шарахнулась от Штефана, как от прокаженного, вцепившись взглядом в две фигуры. Первый парень с дредами, как у Тома, и в мешковатой одежде. Другой выше, чернявый, с длинными волосами, выглядывающими из-под бейсболки. Паника накрыла меня с головой.

— Ты чего? — повернулся Штефан.

Я смотрела то на Тома, то на Билла и не понимала, что делать — бежать и прятаться в ближайших кустах, взять Штефана за руку и продефилировать мимо, резко развернуться на сто восемьдесят и валить резвой рысью в сторону парка? Черт побери! Я не накрашена, у меня припухло лицо, красные глаза. Я шепелявлю. Я черте как одета. Хромая. На голове вообще ужас, а волосы я мыла вчера утром и сегодня просто тупо собрала в хвост. Они меня такой ни разу и не видели. Или видели? Может быть. Но сейчас я хочу сиять, светиться от счастья, улыбаться и делать вид, что я самая счастливая. Что делать? Куда бежать? У меня даже ногти на руках не обработаны, просто подстрижены.

— Идем, — потянул за рукав Штефан. — Давай сегодня закажем пиццу и будем весь вечер смотреть фильмы?

Я отстраненно кивнула, не в силах оторваться от спины Тома и нервно курящего Билла. Дурак! Что он делает? Ему же нельзя после операции. Ноги дрожали так, что, казалось, я сейчас рухну. Пришлось повиснуть на Штефане.

— Хочешь, итальянского вина? По-моему, классно — вино и пицца. Ты теперь будешь от каждой тени шархаться? — заметил он мой взгляд.

Том обернулся. Я споткнулась и едва не свалилась.

Глава 11

Меня трясло, как в лихорадке. Колени подгибались, а ступни такие, словно их при каждом шаге прибавали степлером к земле и икры сводит от напряжения. «Изображаем счастье!» — металась в голове идиотская мысль, а я не то что счастье изобразить не могу, я за лицом-то не в состоянии уследить. Том смотрел на нас и улыбался. Второй... Я вглядывалась в темную фигуру в тени дерева до боли в глазах. Билл или не Билл — вот в чем вопрос. Том ли? Язык гонял подковку в губе — я видела, как играют металлические шарики на солнышке. Том... Улыбается. Так, надо понять, какую тактику избрать. В голове вакуум. Ни одной мысли, кроме — изображаем счастье. Дьявол! Ну, не день, а кошмар какой-то. Изображаем счастье. Я заметила, что Штефан тоже им улыбается. Он что, их знает?! От этого открытия, ноги отказались держать тело, и я снова споткнулась. Штефан едва успел меня поймать.

— Мари, давай я понесу тебя на руках.

С этими словами он легко подхватил меня и направился к лавочке, около которой стояли ребята. Боже мой! Том! Отвернись! Не смотри! Это не то, что ты подумал! Я закрыла лицо руками, дополнительно уткнувшись носом ему в куртку. Уходи, Том! Не смотри! Не надо! Мне было кошмарно стыдно. Билл никогда не носил меня на руках. Он такой тощий, что надорвется быстрее, чем оторвет мою тушку от земли. А Штефан, как назло, сегодня не мужчина, а клад ходячий.

— Тебя что, никогда не носили на руках? — вытаращил он глаза, приземляя меня на холодную лавку.

— Не люблю я это дело, — пробурчала недовольно.

Штефан отдал мне поводок, и Саша тут же залилась на чужаков. Подошел к ребятам. Поздоровался. Я чуть не закричала от счастья — не Том! Очень похож, тот же прокол в губе, те же дреды и мешковатая одежда, джинсы и куртка как у Тома, но не Том. Второй старше, натуральный брюнет, шире в плечах по сравнению с Биллом. Его за Билла даже в полной темноте не примешь. Господи, спасибо тебе за то, что это не Каулитцы! Более нелепой встречи

и представить нельзя.

— Карл, — познакомил нас Штефан, показав на брюнета. — Мой коллега, гениальный рекламщик.

— А это Даниэль, я говорил тебе про него. Талантливый до невозможности, — улыбнулся Карл. Даниэль тут же кокетливо посмотрел на меня, склонив голову на бок, подковка дернулась, и я снова увидела в нем Тома. В груди преобильно закололо. Да что же за обман зрения такой?

— А это Мария, журналистка из России, — показал Штефан на меня. — И Саша, виновница всех наших бед.

Шпиц готова была выпрыгнуть из шкурки, лишь бы на ее лай обратили внимание. Придушить бы блоховозку!

— Что у вас случилось? — поинтересовался Карл.

— Сашу пытались украсть, а Мария не дала этого сделать. Сломала нос одному из них, за что ей наподдал другой. Теперь вот толком ходить не может.

— Русские женщины все такие... — Карл тут же состроил восхищенную мордочку.

Даниэль опять погонял подковку в губе. Скотина, что же ты делаешь? Ты же так похож на Тома, что я не понимаю, куда меня занесет — либо я закачу тупую истерику, либо повешусь у тебя на шее.

— Да, мы и коней на скаку останавливаем, и в избу горящую входим, — гордо расправила я плечи, хищно глянув на Даниэля.

— И делаете много других глупостей, — белозубо съехидничал почти Том.

— Все это лишь для того, чтобы сделать вам приятно, — эротичным голосом протянула я. Ну все, Остапа понесло. Если он ответит, то меня можно будет заткнуть только одним способом — заклеив рот скотчем.

— У русских женщин странное представление о приятном, — не сдавался он. Черт! Черт! Черт! И голос как у Тома, и такие же интонации, и так же склоняет голову, и дреды так же спадают на плечи. Том, милый Томми, я так по тебе соскучилась...

— Мужчины нынче хилые пошли, они не способны на подвиг, — дернула я плечом, поднимаясь и подходя к нему ближе. Еще немного и я вцеплюсь в него руками и ногами и начну жаловаться, как мне без них плохо. Нельзя. Надо себя контролировать.

— Наверное, потому, что женщины стали слишком самостоятельными.

— Должен же хоть кто-то вращать этот старый мир, если все мужчины вывелись, — ехидничала я, откровенно его разглядывая. Не Том. Даже вот рядом не стоял. У Тома родинка на щеке и на шее, у этого нет. Губа одна пухлее другой, у этого — ровные, правильной формы, слишком идеальные, с четким контуром. У Тома нос совсем чуть-чуть вздернут. У этого — совсем чуть-чуть приплюснут, крылья шире. У Тома и дреды лучше, цвета каштанового меда, а эти... — Впрочем нет, один остался, — я игриво глянула на Штефана. — Может быть, пригласим гостей в дом? — Мучительно не хотелось, чтобы этот мальчик уходил так скоро. Насмотреться. Надышаться. Впитать в себя всего. Хотя бы просто насладиться его похожестью.

— Мы ненадолго, — опередил Штефана Карл. — Просто ты хотел познакомиться с Даниэлем, а мы как раз мимо проезжали.

— Это теперь так называется? — эротично закусила губу. Кто тебя за язык тянет, лучший рекламщик с дипломом? И отвернулась, чтобы скрыть ехидную усмешку. Маска тут же сползла с лица. Как же я устала. Зачем я позвала их в гости к Штефану? Вообще обнаглела. Сердце дернулось и замерло. Из окна квартиры на первом этаже сквозь тюль на меня смотрел Билл. Я очень неясно видела его силуэт и чувствовала его взгляд. Он смотрел мне в глаза. Жадно. Словно впитывая. Я дрожала. В глазах стояли слезы. Пыталась улыбнуться ему, но ничего не получалось, лишь дышала глубоко и часто. Соленые капли быстро потекли по щекам.

— Мари... — звал кто-то.

Я отвлеклась всего на мгновение. А когда повернулась, Билла уже не было. Взгляд заметался по тюлю — где? Где?! ГДЕ?! Сердце неистово барабанило в глотке — туктуктук. Где?! Где ты?! Вернись немедленно! Я так по тебе скучаю...

— Мари, — Штефан заглянул в глаза и провел перед лицом ладонью, пощелкал пальцами. — Что случилось? Кого ты там увидела?

Если бы я была собакой, например Сашей, то прижала бы уши и поджала хвост. Казалось, что меня побили палкой. Я вдруг осознала весь идиотизм ситуации — Билл Каулитц в чужой квартире, наблюдает за мной из-за белого тюля. Сжалась, словно бы я и в самом деле стала Сашей, и пробормотала рассеянно:

— У меня галлюцинации... Бред и паранойя... Мне нужно к врачу... Что-то с головой не так... Штефан, извини, я домой. — Дернула Сашу за поводок. — Приятно было познакомиться, господа. Простите, я болею и немного устала.

С этими словами я, весьма невежливо повернувшись к ним задом, похромала домой. И Том-Даниэль стал больше не нужен. Вот же кусок уroda этот Билл Каулитц, даже с «братом» не даст нормально пообщаться. Всё, Ефимова, мыться и баиньки, у тебя крыша едет. Ты теперь на каждого дредастого парня с пирсингом будешь кидаться, а из-за каждого тюля тебе будет мерещиться Билл? Дожила. Довел. Везде, за каждым углом он стоит. Голову совсем потеряла. Ненормальная. Просто ненормальная. Домой, мыться и спать. Не хочу ни пиццы, ни вина, ни фильмов.

Разбудила меня настойчивая трель звонка. Я кое-как разодрала глаза, глянула на часы и ужаснулась — половина первого дня. Вот это я поспала... Вчера мы с ребятами все-таки напились. Штефан пригласил их в гости. Я сначала подулась, а потом ничего, отошла. Даниэль очень старался быть душечкой, но не отвечать на мои ядовитые замечания не мог, видимо, по складу характера. Наша перепалка веселила Карла и Штефана до слез. А когда алкоголь подействовал на некрепкие мужские организмы, то вечер вообще стал феерическим. Они издевались надо мной, я над ними. Мы хохотали, шутили, подкалывали друг друга. Я даже забыла про Билла за занавеской и про дурацкую кражу Саши, про больную руку и ноющую ногу. Единственное, что отравляло настроение в этот чудесный вечер — я все время порывалась назвать Дэна Томом, из-за чего даже толком не пила, боясь, что спяну, полезу к нему жаловаться на его тупого братца. Зато я сидела напротив и откровенно пялилась на него, строила глазки, кокетничала и ядовито острела. Дэн, неожиданно ставший звездой вечера, отчаянно стеснялся, огрызался и делал умильную мордочку, как у Тома, даже колечко в губе так же дергал, отчего моя фантазия возбуждалась с удвоенной силой, и я тут же начинала ерничать еще ядовитей. Том, Томми... Интересно, хоть он помнит обо мне? Полинка сказала,

что Том не звонил. И он обо мне уже не помнит. Это и правильно, он всегда был на стороне брата и только за него. А кто я? Чужеземка, забравшая львиную долю его внимания? Глупо рассчитывать, что здесь обо мне помнит хоть кто-то. Я чужая в этой стране. ...И кажется я все-таки напилась.

— Фрау Марта, — закашлялась — голос звучал глухо и хрипло. Со Штефаном я стану алкашкой, каждую неделю напиваюсь до невменяемого состояния. Надеюсь, я не лишила на радостях Даниэля невинности? Или он мной не воспользовался? — Фрау Марта, простите, я...

— Мари, я думала, что тебя нет дома, — суетливо вошла она в квартиру без каких либо приглашений. Наглость — второе счастье. Я отметила, что она в домашних тапочках и с пакетиком в руке. — Я была в аптеке. Штефан мне рассказал, как мужественно ты защищала Сашу.

— Господи, да его там не было. Что он мог рассказать? — простонала я, чувствуя, как першит сухое горло и неприятно ноет голова. — Извините, у нас вчера были гости, я, кажется, немного перебрала.

— Как это знакомо! Я в вашем возрасте еще и не такое творила, — всплеснула она ручками. Я поморщилась. Уж я-то в своем возрасте такого до сих пор не творила. Ну, почти не творила. Ну, разве что совсем изредка. — Он мне все рассказал. — Только этого не хватало! — И я хочу теперь вернуть вам нормальный вид, моя девочка. — Ее манера называть меня то на вы, то на ты, иногда просто выбешивает. Так, спокойно, Машка, это временно.

— Да я не от того такая ужасная, — попробовала улизнуть от нее в ванну. — Дайте мне десять минут, и я стану такой же красоткой, как раньше.

Фрау Марта заулыбалась и по-хозяйски направилась в гостиную.

— Я пока телевизор посмотрю.

— Располагайтесь и не стесняйтесь, — крикнула я ей в след. Принесли ж черти старую каргу!

Увидев себя в зеркале, я выпала в осадок. Мало того, что на скуле синяк, на голове черте что, так еще и глаз не видно — такая опухшая. Косметику толком не смыла, теперь размазалась. Господи, мной можно детей пугать вместо Бабы-Яги. Ужас, какая страшная.

Контрастный душ немного привел меня в чувства, и поправил внешность. Я заглотнула «Панадол», напилась холодной водички и почувствовала себя человеком.

— Фрау Марта, вы будете со мной завтракать?

— Скорее уж обедать.

— В любом случае я буду рада, если вы составите мне компанию. Хотите, я угощу вас русскими гренками? — Я разбила яйцо в мисочку и принялась его взбивать вилкой.

— Что такое гренки?

— Жареный хлеб. Говорят, еда лучше всего помогает от похмелья, — улынулась я.

— Думаю, что жареный хлеб не очень понравится моим зубам.

— Это мягкие гренки. Мне их бабушка часто готовила в детстве. — Порезала багет, налила

масло на сковородку, обмакнула хлеб в яйцо и принялась жарить его со всех сторон. Быстро, сытно и вкусно.

Пока я готовила хлеб (больше еды в нашем доме не оказалось — все сожрала вчерашняя саранча), женщина налила чай. Интересно, а кто вчера посуду помыл и убрал тут все? Неужели Штефан? Вот же золото, а не человек. Я б на месте той девушки держалась за него двумя руками и ногами. Дуры, какие мы, девки, все-таки дуры.

— Мари, как твои дела в консульстве?

— В понедельник еще раз пойду. Они тянут две недели. Такое чувство, что консул мечтал от меня избавиться с самого начала. Если бы закон ему как-нибудь позволял не давать мне разрешения на выезд, он бы не дал. Я еще переживаю, что он узнает о случае с Сашей и окончательно откажет. Я же теперь свидетель и потерпевшая по вашему делу. Скажите, а Саша представляет какую-то ценность? Странно, что кому-то пришло в голову стырить собаку. Бред, честное слово.

Лицо фрау Марты вытянулось, как будто я ее смертельно оскорбила. Она замерла, поджала губы и едва слышно процедила.

— Моя Саша настоящий карликовый померанский шпиц из легендарного американского питомника Грэйт Элмс. Во всем мире шпицы из этого питомника ценятся на вес золота. Они считаются самыми лучшими в мире, самыми высокопородными. Полное имя Саши — Грит Элмс Супер Александра. У нее в родословной только чемпионы США. Она сама многократная чемпионка Америки, Европы и Германии. Моя Саша редкая по красоте собака.

Я вспомнила, как гоняла Сашу по лужайке за мячом, словно она беспородная шавка, и тут же прониклась крутизной собаки. Вот это я бы попала, если бы у меня ее все-таки уперли.

— Круто, — пробормотала я, поперхнувшись. — Что же вы сразу не сказали, а я ей с другими собаками без поводка разрешала гулять...

— Она послушная. Я ее тоже иногда отпускаю. Но лучше не стоит.

— Хорошо, что я с ней гуляла, а не вы.

— У нее чип вшит, по которому ее местонахождение легко определить, — улыбнулась фрау Марта. — Я бы сделала один звонок сыну, и Сашу бы привезли домой через час самое позднее.

Старая карга! А у меня из-за нее до сих пор рука болит!

— Мари, девочка, вы так не расстраивайтесь! Я, действительно, тебе безумно благодарна, и мне так жаль, что тебе пришлось пережить подобное насилие. Я хотела бы тоже кое-что сделать, — она поднялась и куда-то укывляла. Вот ведь ведьма! С другой стороны, если бы я знала, что Саша такая породистая, то была бы осторожнее. Я захохотала, вспомнив, как просила вора передать привет Биллу. Вот же я дурище тупое. Я тут, оказывается, клад на поводке таскала и не знала об этом.

Фрау Марта принесла пакетик. Вытащила на стол баночку с чем-то подозрительным козявчатого цвета. Когда она открыла крышку, кухню заполнила такая отчаянная вонь, что я торопливо распахнула окно и уселась на подоконник.

— Эту мазь мне сделал по заказу герр Холлем-Гавроньский, мой старинный друг. Ах, Мари,

если бы вы знали, как он за мной ухаживал в юности, — женщина мечтательно закатила глаза. Я с ужасом тарасилась на баночку. — Она очень быстро снимает синяки. Ну, правда, не очень приятно пахнет, но зато пара дней и ты снова будешь красавицей.

Мазь воняла одновременно тухлыми яйцами, грязными мужскими носками и Вьё Булонь в возрасте 7-9 недель (это такой сыр, самый вонючий в мире, его делают из коровьего молока, а корку вымачивают в пиве, мне хватило одного раза встретится с ним, чтобы навсегда запомнить название).

— Знаете, фрау Марта, однажды мне довелось попробовать Вьё Булонь. Так вот, этот сыр просто майская роза рядом с вашей мазью.

— Да, она немного пахнет, — кивнула старушка. — Вьё Булонь вкусный, но нормандский Камамбер помягче.

Я закашлялась, вспомнив, как оно воняло. Представьте себе мусорное ведро, куда вы положили грязное белье, вылили помой, тухлую рыбу и гнилое мясо, залили сверху яичком, засунули в серединку кусок сыра и поставили в теплое место. Через неделю выньте этот покрытый белоснежным мхом склизкий сыр и кушайте, приятного аппетита. По вкусу оно такое же отвратительное, как и по запаху. У нас в офисе девчонки, давились, но ели и нахваливали. Я потом еще полдня не могла вытравить отвратный запах тухлятины изо рта.

— Я не гурман, — сообщила я, сильно сморщившись и сделав пару больших глотков сладкого чая. Даже воспоминания вспыхнули во рту мерзким привкусом. Кстати, Вьё Булонь я так и не смогла заставить себя попробовать.

Она густо намазала мне скулу и закрепила повязку пластырем. Тоже самое сделала с рукой. Ногу пришлось мазать мне самой, фрау Марта постеснялась. Велела менять компресс раз в час, пообещав, что к воскресенью синяки пройдут. Мазь к тому же еще и жгла. Сделав «доброе» дело, женщина с гордым видом удалилась. Я же осталась сидеть на кухне и размышлять, Штефан меня за это сразу убьет или постепенно? В квартире воняет так, словно тут кто-то умер. Я открыла окна и устроила сквозняк. Убраться что ли? Все равно никуда сегодня уже не пойду, а делать нечего.

Я не слышала, как он пришел. Убравшись в квартире, я уселась на балконе читать книгу, в надежде, что без меня запах хотя бы немного выветрится. Я-то к нему уже принялась, а вот Штефану, наверняка, снесет голову и взорвет мозги. Да и вонять так отменно в чужой квартире как-то нездорово. Но мне, в самом деле, надо в понедельник хорошо выглядеть — хотелось предстать перед консулом с нормальным лицом без синяков.

— У нас кто-то умер и уже разложился? — с перекошенным лицом заглянул он на балкон.

— Фрау Марта принесла мне чудо-мазь, которая за пару часов сводит синяки.

— Угу, только потом человек покрывается трупными пятнами, — морщился Штефан.

— Прости. Меня этим намазали практически силой.

— Нда, фрау Марта плешь проест, но осуществит задуманное. И как синяки? Рассосались?

— Ну, рука, по крайней мере, двигается лучше, — я продемонстрировала ему сжатый кулак. — Мне не так больно сжимать кисть.

— Ладно. Хотя я совершенно не в восторге от этого запаха.

— Я сейчас все смою и проветрю. Весь день окна открыты.

— Толку-то? — фыркнул он и ушел. Черт, не надо было мне мазаться этой дрянью, но она реально помогала.

Штефан был чем-то раздражен. Говорил отрывисто и резко. На плите стоял ужин — заказная курица-гриль и салат. Больше я ничего не нашла, только пару огурцов и мятую помидорку. Решила, что целой тушкой мужчина насытится, даже если откажется от салата. Я сама есть не хотела. Мерзкий запах отбил аппетит напрочь.

Минут через сорок он вернулся немного подобревшим. Даже принес мне чай и плед.

— Какие-то проблемы на работе? — укуталась я в плед. — Надеюсь, вчера я своим длинным языком не оставила тебя без сотрудника?

— Нет, на работе все хорошо, — сел Штефан напротив в кресло. — И вечер вчера был чудесным. Приятно было смотреть на тебя настоящую — язвительную, самоуверенную, дерзкую, с огнем в глазах.

— С чего ты взял, что такая — я настоящая?

— Потому что вчера ты светилась, резвилась, как форель в ручье, а не была уснувшей рыбиной в аквариуме на рынке.

— Экий ты поэтичный сегодня.

— Тебе понравился Дэн?

Я ждала этого вопроса. Я готовилась к нему с самого утра.

— Даниэль напомнил мне моего московского друга — Сергея. Мы с ним со школы дружим, сидели вместе за одной партой. Сейчас он строит мосты. Представляешь, всю жизнь человек мечтал строить мосты и теперь вот строит. Я давно его не видела. Мы переписываемся, часто созваниваемся. А тут вот Даниэль — и одежда Сергея, и дреды Сергея, и повадки Сергея, и даже пирсинг в губе Сергея. Я, когда его увидела, думала, что это мой Сергей каким-то чудом оказался около твоего подъезда. Болтала с Даниэлем, а думала о Сергее, — мечтательно улыбнулась. На самом деле никакого Сергея в моей жизни не было и в помине. Не могла же я сказать про Тома.

— Классно, — пил он чай маленькими глоточками. — У меня такой друг Том. — В груди закололо. Я заставила себя улыбнуться. — К которому мы с тобой ездили. Мой дружбан с детства. А что у нас к чаю?

— Ничего. Даже хлеба нет.

— Одевайся, пошли в магазин, — подскочил он. — Купим всяких вкусностей.

— Штефан, от меня пахнет.

— У нас отключили воду? Марш! У тебя есть десять минут. Магазин закроется через полчаса.

До магазина мы со Штефаном бежали. Ну, то есть он быстро шел, а я за ним неслась

вприпрыжку. Это выглядело очень забавно. Саша за нами не особо успевала, поэтому нашего крутейшего шпица Штефан тащил на руках, обещая, что на обратном пути она обязательно погуляет нормально. Кто б меня взял на ручки? Кажется, я начинаю привыкать к хорошему.

— У нас всего пять минут, — бормотал Штефан, влетая в магазин и передавая мне собаку. — У нас совсем ничего нет?

— Я бы завтра сходила...

— Ага, а завтракать что будем?

— Там два яйца осталось, — пожала я плечами.

Но Штефана уже нельзя было остановить. Он схватил тележку и, ловко маневрируя между рядам, помчался вперед. Окей, сначала фрукты и овощи. Черт, надо было ехать на машине, он что это все поперет в руках? Апельсины и бананы перекочевали в тележку. Штефан повадился по утрам пить свежий апельсиново-банановый сок. Это я его приучила. Молочный отдел. Кусок сыра и пакет молока. Я прихватила моцареллу. Завтра сделаю итальянский салат. Надо про базилик не забыть и помидоры. Эх, мне б еще кедровых орешков и кунжута. Что-то я со Штефаном совсем обдомохозяилась. Мясной отдел. Берем курицу, телятину и свиную шейку. Я люблю такую, где жирок прожилками. Пожарить на сильном огне до золотистой корочки, чуть чеснока и перца — ммм, объедение! Интересно, почему я Каулитцам ничего подобного не готовила? Вот вроде бы любимый мужчина не дурак поест, Том тоже любитель набить пузо, а я к плите и не подходила совсем. Питались все какой-то гадостью. Билла лишний раз в магазин не затащишь. Том при слове продукты впадал в ступор, как крокодил, которому врезали по носу. Одной мне что ли и сумки таскать, и у плиты стоять, и посуду потом мыть? Нет уж! Дудки! Пусть пиццу едят и суши. А я вот на Штефане буду ставить кулинарные опыты. Мне кажется, он за две недели даже поправился немного. Кондитерский. Штефан, не глядя, хватает печенье, пару шоколадок, там дальше хлеб. Я подхожу к разноцветным упаковкам желейного мармелада. Провожу по ним рукой с тоскливой улыбкой. Их очень любит Билл. Всю эту синтетическую гадость он готов есть килограммами с утра до вечера. Поднимаю глаза и... Стикер. На нем по-русски написано: «В городе пахнет только тобою, Низ живота наполняет любовью...» У меня сердце остановилось.

Вспышка. — «Это песня про нас...» — Его рука по щеке.

Стикер. «Море улыбок и море желаний, Времени нет и нет расстояний».

Вспышка. — «Про нас...» — Губы пересохли.

Стикер. «Воздух вокруг ни на что не похожий, Нет ни машин не случайных прохожих. Есть только ты и я».

Вспышка. — «Я так по тебе соскучился...» — Его поцелуй на моих губах...

Я ухватилась за полку двумя руками, боясь, что сейчас просто рухну на пол. Закрутила головой — все полки на уровне моих глаз были обклеены стикерами. Как я не заметила этого раньше? Песня. Та глупая песня, которая привязалась ко мне в самолете и преследовала до самого отеля в Париже.

Еще один. «Когда ты плачешь, Помоги мне, я не знаю, что мне делать». — Душу рвет внутри на части. Мне больно. Мне физически очень больно в районе сердца. Не могу стоять.

— Мари! — зовет Штефан. — Что ты там застыла? Быстрее. Ждут только нас.

Я рассматривала стикеры, мелкими шажками кидаясь от одной полки к другой. Это... Боже! Вот Москва. Парк Победы. Мой дом.

«Может в птицу превратиться и улететь».

Наш дом в Гамбурге. Квартира. Все откадрованно, не целиком, намеком. Но я-то знаю! Глупо улыбаюсь таким знакомым предметам. Касаюсь их кончиками пальцев, закрывая глаза. Я ощущаю их шероховатые поверхности.

«Помоги мне, я не знаю, что мне делать».

Мой ноутбук у Билла на столе. Мой любимый, самый лучший ноутбук. В нем вся моя жизнь. Открыт. Включен. Дата... 30 марта. 2-35. Он не спал в ту ночь перед операцией. Так же, как не спала я.

«Там, где я был, или там, где я буду, Я никогда о тебе не забуду».

Моя любимая чашка с кофе и его «Мальборо лайт». Прикурена. Перед глазами поплыло: Билл держит сигарету — по-женски, нежно, затягивается блаженно...

«Это любовь или мне это снится».

Наша фотография из Австралии и его пальцы, как будто гладят ее.

«Солнце встает и обратно садится В наших с тобой глазах».

— Мари! Идем!

Я провела рукой по его пальцам без маникюра. В глазах стоят слезы. Я все гладила картинку и не могла заставить себя сдвинуться с места. Я присохла к этой фотографии. Приклеилась.

Про нас — пульсирует сердце.

«Помоги мне».

Про нас — шепчет кровь.

«Помоги мне».

Про нас — искорками рассыпается разум.

«Помоги мне».

Касаюсь губами его пальцев. Чувствую их тепло. Прикосновение ладони к щеке. Тело бьет мелкая дрожь. Я сошла с ума...

— Тебе плохо? — Штефан отрывает меня от стикера, заглядывает в глаза. — Что с тобой? Ты плачешь? — Нет, бля, не видишь, ржу стою! — Мари? Твою ж мать!

Хватает на руки и несет к кассам, где кассир уже пробивает покупки. Охранник тащит стул. Я поворачиваю голову и, как в тумане, вижу Билла, идущего к дверям. Зажмурилась. Открыла глаза — нет никого. Галлюцинации.

— Саша, — вдруг вспомнила про собаку.

— Дьявол! Гребаная сука! — рычит Штефан и отправляется на поиски шпица. Интересно, сукой он меня назвал или Сашу? Сознание куда-то уплывает... Погружается в темноту...

На улице мне стало лучше. По крайней мере, голова заработала. Штефан оплатил доставку и предложил пройтись. У меня такое состояние, как будто я только что упала в обморок — голова никакая, черные точки бегают перед глазами, ноги ватные, сердце бешено колотится и истерика стоит комом в горле. Надо завтра сходить в магазин и как следует все рассмотреть. Стикеров было больше. Значительно больше. Черт, Штефан не дал мне их изучить. Билл нашел песню, они откадровали знакомые мне снимки, сняли легко узнаваемые места. Так, они меня нашли или они облепили все магазины в Берлине этими стикерами? Надо бежать. Нет, чего это я побегу-то? Сначала надо проверить. Если стикеры только в этом магазине, значит, они меня нашли. И вот тогда надо бежать. Если во всех, то можно расслабиться.

— Что с тобой происходит? Ты вчера тоже так же — была нормальной, а потом — раз — и словно программу в тебе заменили, — спросил Штефан, спуская Сашу с поводка в парке. Блоховозка тут же полетела к любимому мопсу. Хорошо, что старик не стал к нам подходить, а культурно сел на ближайшую лавку.

— Ты видел стикеры в магазине?

— Какие стикеры?

— Ну, ими весь магазин был обклеен. Полки... Длинные такие. По ребру полки картинка такая и текст. Видел?

— Нет.

— Странно. Я сначала тоже не видела. А потом вот...

— А в чем дело-то?

— Просто там... Как бы тебе объяснить? — Я вдруг поняла, что никаких объяснений делать не нужно, вообще ничего ему говорить не надо. — Штефан, скажи, а к тебе никто не обращался по поводу меня? Вот совсем никто?

— Нет, — пожал плечами. — Ты можешь объяснить нормально?

— Он ищет меня, — выдохнула я не то с удовольствием, не то с болью.

— Твой парень? — улыбнулся Штефан.

Кивнула.

— А ты?

— А что я? — возмутилась.

— Ну, ты хочешь, чтобы он тебя нашел? Или ты хочешь ему позвонить? Или ты хочешь с ним встретиться? Может быть, вам есть смысл поговорить?

— О чем? Не смей меня. Домой. Я хочу домой. Я не та, об кого можно вытирать ноги.

— Домой, так домой, — легко согласился он. — Можно подумать, я тебя уговариваю остаться. Хотя... Знаешь, я уже так к тебе привык, что твой отъезд, кажется, меня убьет.

— Не все коту масленица, — мрачно пробормотала я по-русски. Добавила по-немецки: — Мне тоже у тебя хорошо, но от безделья я погибаю. У меня крыша едет.

— Надеюсь, что русский консул над тобой еще поглумится, — противненько хихикнул Штефан и потер руки.

— Угу, радуйся-радуйся. Ни тебе с друзьями погулять, ни девушку в дом привести. Радуйся, — ехидно сморщилась я.

— Мне тебя хватает, — рассмеялся он. — Пошли домой, пить вино и смотреть фильмы. Завтра суббота, можно хоть до утра комедии смотреть. Саша, иди сюда, глупый комок шерсти! На-на-на!

Дома Штефан вылакал всё виски, я — вино, мы ели пиццу и смотрели французские комедии. Об истерике в магазине никто не вспоминал. Со стороны, наверное, казалось, что мы семейная пара, живущая в браке лет десять — отношения теплые, уважительные, немного более близкие, чем между друзьями. Мы смеялись, обсуждали трогательные приключения Пьера Ришара и Жерара Депардье в «Беглецах». Штефан с умным видом заметил, что американский ремейк гораздо слабее, похвастался знанием полного имени месье Дефей — Пьер Ришар Морис Шарль Леопольд. Я в свою очередь похвалила вина, которые мы дегустировали с его сыном Оливье, знаменитым саксофонистом, и рассказала смешную историю о том, как однажды Ришар должен был играть на сцене одного сибирского городка в России. Зал ждал, но спектакль все не начинался. Тогда он спросил, в чем дело, и выяснилось, что местная мафия хочет забрать себе всю выручку за спектакль. Ришар категорически отказался играть при таком раскладе. Они долго торговались, сошлись на том, что бандиты заберут себе только треть выручки. Но самое поразительное было в другом. После спектакля во время ужина вместе с ним за столом оказались три бандита. Они произносили тосты за здоровье дорогого гостя. Один из них сказал: «Для нас большая честь, что с нами сидит сам Пьер Ришар». Штефан комичность ситуации не оценил и спросил, точно ли я хочу вернуться в свою варварскую страну? Увы, Штефан, я очень хочу обратно в Россию. Здесь, в Берлине, я схожу с ума. На улицах мне мерещатся близнецы, мне кажется, что за мной следят люди, нанятые Каулитцами, я начинаю кокетничать с дредастыми мальчиками, воображая, что это Том, а за занавесками приличных бургеров мне мерещится Билл. Молчу уж о магазине, где висят стикеры со словами «нашей» песни, с нашими фотографиями, моими вещами и его руками, которые я полезла целовать, как последняя дура. Я ненормальная. Домой, надо вернуться домой. Потом уеду куда-нибудь далеко и окончательно от него оторвусь.

Я не спала всю ночь. Убитая нервная система отказывалась успокаиваться. Я опять проговаривала встречу с ним. Мысленно кричала, ругалась, плакала, любила и ненавидела. Казалось, что вот он пришел или позвонил, а я набрасываюсь на него с кулаками, или, нет, обдаю ледящим душу холодом, или, нет, вешаю ему на шею и мне не нужны больше никакие объяснения. Я придумывала ему оправдания. Я отвергала их. Если Билл пошел на такое, то что-то произошло в его голове и сейчас он просит прощение, хочет, чтобы я простила и вернулась. Если он нашел меня, то почему действует настолько издалека? Боится реакции? Он где-то рядом? Наблюдает? Следит? Тогда он, наверняка, видел и наши отношения с Штефаном. И как он к этому относится? Я ведь живу у мужчины. Билл такой ревнивый... Штефан ничего не знает про него. Или знает? Столько вопросов и ни одного ответа. Завтра утром я схожу в магазин, потом пробежусь еще в пару мест, и все станет ясно — нашел ли он меня или это стрельба из пушки по воробьям. Одно точно — Билл знает, что я в Берлине.

Я едва дождалась утра. Быстро оделась и выскользнула из квартиры. Штефан спит, не хотелось его будить. Прибежала к магазину. Выкурила две сигареты и на полусогнутых заставила себя войти. Я бродила между рядами, внимательно разглядывая полки. Стикеров нигде не было. Ни одного. Я стояла в кондитерском отделе напротив полок с желейным мармеладом, там, где заметила первый стикер. Ничего. Ни одной штуки. Нигде. Этого не может быть! Я подошла к продавцу и спросила о стикерах на полках. Женщина недоуменно посмотрела на меня и сказала, что ничего подобного тут никогда не было. Решив, что она дура, я тут же пристала к другому продавцу из кондитерского отдела. Та вежливо улыбалась и качала головой. Я ринулась в другой магазин. В третий... Штефан сказал, что не видел никаких стикеров. Все продавщицы сказали, что никаких стикеров не было. Я сошла с ума? Закурила, усевшись на асфальт возле входной двери. Интересно, это лечится?

Глава 12

Всю субботу я провела на балконе, благо первые деньки апреля радовали ярким теплым солнцем, под лучами которого я и грелась, намазавшись вонючей мазью. На улице решила пока не выходить во избежание несчастных случаев с собственной психикой. Я пыталась анализировать ситуацию. Даже взяла листок и выписала все случаи своего якобы помешательства. Вышло много. Слишком много. Меня послушаешь, так вообще покажется, что близнецы живут у фрау Марты, а по нашей квартире расставлены камеры слежения. «Шпионы там, шпионы здесь, без них не встать, без них не сесть...» Бред. Билл не мог быть в некоторых местах просто потому, что не мог быть. Все эти парни, похожие на него, лишь мое желание увидеть его, осознанно выдаваемое за действительность. Я просто сильно соскучилась, вот и вижу то, что хочу видеть. Не буду больше думать о Билле. Я отпускаю тебя. Сложила листок в самолетик и запустила с балкона, следя, как он красиво спланировал на клумбу. Лети, мой родной...

Штефан работал. Общался с кем-то по телефону, ругался. У них должен стартовать какой-то проект, а он не всем доволен. Я читала книгу. Даже странно, что есть время что-то почитать. Обычно я куда-то бегу, сплю, ем и живу на ходу. А сейчас вот сижу в кресле на балконе, укутавшись в плед, и читаю. Как же люди так живут? Это просто невыносимо скучно.

— Мари, хочешь в Аквадом? Там рыбки. Мурены всякие, акулы.

— Это далеко?

— На Александерплатц.

— Если честно, то совершенно не хочу.

— Почему?

— Голова болит, — соврала, улыбнувшись. — Не хочу сегодня выходить из дома. Давай в другой день. Да и книгу хочу дочитать. — А как ему объяснить, что у меня поехала крыша, и я не хочу усугублять ситуацию?

— Что читаешь?

— Агата Кристи. «Мышеловка». Я себя именно так и ощущаю. В мышеловке.

— Это ж пьеса, — скривился он.

— Интересно, — пожала плечами.

— Пойдем, — ласково протянул с улыбкой.

Я покачала головой и поморщилась. Не хочу.

Больше он меня не трогал.

Воскресенье я провела за чтением «Десяти негрят», лежа в постели и дрожа от страха. Малейший шорох в квартире — и мне казалось, что это пришли за мной. Штефан опять звал на улицу, уговаривал, предлагал съездить в зоопарк или тот самый Аквадом, но мне было не до мурен и жирафов, надо понять, кто убийца. И хотя я и фильм сто раз смотрела, и книжку читала, все равно на чужом языке этот триллер звучал для меня по-новому, словно в первый раз, по-немецки жестко и страшно. Штефан, как назло, крутился рядом, пытался разговорить, отвлекал от чтения, звал гулять с Сашей. Но я не сдавалась — мне нельзя на улицу, там бред, там паранойя и галлюцинации. Надо перестать думать о Билле и, благодаря книгам Кристи, у меня сейчас это получается лучше всего на свете.

Я припудрила щеки и подвела глаза. Синяк на скуле прошел. Рука работала отлично, а вот огромный кровоподтек на ноге оказался глубоким и все равно болел. Я даже спать толком не могла на этом боку. Но, надо отдать должное мази фрау Марты, черно-желтым он бы стал в лучшем случае через неделю-полторы, и сейчас я бы любовалась синюшно-бордовой кляксой на полбедре. Другое дело, что синяк почти сошел, а ляжка как болела, так и болит. В целом, легко отделалась, если учесть, какую травму я ему нанесла. Еще раз осмотрела себя с ног до головы. Джинсы, водолазка. Все черное. Из-за этого лицо кажется очень бледным и изможденным. Я так и не могу вылезти из своих черных вещей. Словно в трауре... Расчесала волосы, заплела косу. Надо будет в Москве постричься и покраситься в рыжий — солнечный, яркий, в цвет хорошего настроения и авантюры. Сейчас нельзя, не хватало еще проблем с таможенниками на границе, одного консула за глаза достаточно. И так к нему, как на работу хожу — через день, меня уже там узнают.

— Ты выглядишь как монашка, — вздохнул Штефан, обуваясь.

— Ну, по легенде у меня украли вещи и нет денег, так что в консульство я могу ходить только в одной одежде, — отмазалась я.

Он лишь покачал головой.

— Да, но не в консульство ты все равно одеваешься как монашка.

— Штефан, а если за мной следят люди из консульства? ФСБ, например? — подозрительно прищурилась я.

— А что за тобой следить-то? — улыбнулся он. — Сто лет ты нужна своему ФСБ.

— Нужна — не нужна, а кто их знает. Вот так если сделать, — я намотала на шею яркое розово-красное кашне. — Пойдет?

Он тоскливо посмотрел на меня и достал ключи из ключницы.

— Выметайся, эмокид. Куплю тебе вечером полосатые розовые гетры, чтоб ты точно соответствовала своему статусу. А ведь вроде бы взрослая женщина...

— Ты сегодня такой нудный, это что-то, — фыркнула я, выходя на лестницу. — Да и разделся, — кокетливо посмотрела на него. — Прямо такой жених и на свободе.

— Имеешь виды? — рассмеялся Штефан, вручая мне свой тяжеленный портфель и закрывая дверь.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво протянула я, рассматривая мужчину. В кои-то века он влез в дорожный костюм от Бриони и повязал галстук от Кардена. — Ты что-то в костюме сразу таким красивым стал, статным, настоящим директором крупного рекламного агентства. А то все как пацан бегал — принеси-подай-пошел-на-фиг-не-мешайся.

— У меня демократичный стиль в одежде.

— А вот зря.

В машине он включил какую-то тошнотворную музыку, под которую только бомжей хоронить. Мое хорошее настроение стремительно ухудшалось. Он вел резко, постоянно дергал и подрезал других, тихо матерясь. Лучше бы я поехала на метро или автобусе. Сегодня у Штефана встреча на Унтер ден Линден, поэтому он выразил желание меня подвезти, ему все равно по дороге.

— Штефан, что с тобой? — ласково спросила я. — Что-то случилось?

— Все хорошо, — огрызнулся он. — Я сигареты куплю в магазине. Посидишь в машине?

— Возьми мои, — протянула ментоловую «Вирджинию Слим».

Штефан скривился так, словно ему разложившуюся лягушку под нос сунули.

— Спасибо. Я девчачьи сигареты не курю.

— Хочешь, я схожу. Просто ты... — я постаралась подобрать выражение помягче. — Сегодня сам не свой.

— Я не выспался, — стал смущенно оправдываться мужчина.

— Настолько важная встреча?

— Нет, обычная. Рутинная. Просто ночью душно было, и я плохо спал.

— Думаю, дело в другом, — многозначительно посмотрела на него. — Ничего, мне на этой неделе точно сделают документы на выезд, так что скоро будешь высыпаться.

— При чем тут ты? — недовольно посмотрел на меня. — Ты мне спать как раз не мешаешь. Все выходные вела себя, как мышка. Я и забыл, что ты дома.

Угу, это называется — сперма на подкорку давит, — подумала я, но вслух ничего не сказала, лишь отвернулась к окну, пряча улыбку. Билл тоже, когда сидит долго без секса, начинает злиться, капризничать и ко всему докапываться. Слово ему не скажи — кругом одни враги. Истеричка. Я не выдержала и переключила диск на радио. Экономические новости? Час от часу не легче. Штефан хмуро зыркнул в мою сторону, но промолчал.

Он остановился у автобусной станции, включил аварийку и понесся к магазину. Я принялась искать другую волну. Хотелось плавной мелодии, желательно без слов. Неожиданно из динамиков донеслись русские слова. О! Песня. На русском! Ура! Николаев что ли? О, еще и с Королевой! Ха-ха-ха, «Дельфин и русалка». Песенка про меня. Надо же какое старье крутят. Но это даже хорошо, а то я, кажется, родной язык забыла. Нет, русское радио — это очень

хороший знак. Надо запомнить — 97,2 FM, Русский Берлин. Какая приятная неожиданность. Николай Трубач! Ыыы! Какая прелесть. Я начала ерзать по сиденью, пританцовывая, плавно размахивая руками в такт. Все у меня сегодня получится. Вон и русское радио поет: «Девочка-веточка, там, куда ты идешь, Скоро ты, девочка, счастье найдешь». Йехуууу! Штефан точно решит, что я рехнулась. А мне все равно. Мне весело!

— Ты веришь, что рождена быть любимой, Не любишь прошлого ты ворошить, — неуверенно подпевала я, запинаясь в незнакомом тексте и путая мотив. — Уходишь, но взгляд твой неповторимый Мне не забыть.

От остановки отъехал автобус.

Взгляд натолкнулся на рекламу за стеклом. Я чуть не проглотила язык. Казалось, меня парализовало. Пригвоздило. Размазало взрывом по кожаной обивке. Я во все глаза уставилась на пилон. Крупным планом чашка с кофе в руках, которую прижимают к щеке. Длинные черные волосы закрывают лицо, словно человек на плакате отвернулся и смотрит в окно за спиной. Лишь виден уголок губ, кончик носа и длинные ресницы. Не понять, мужчина или женщина — пальцы тонкие, длинные, с черно-белым маникюром и браслет из белого золота с большими колечками-звеньями на изящно изогнутом запястье. Я узнала бы эти пальцы из миллиона других. А между ними картинка — смешной мультяшный слоник, дарящий сердце тому, кто на него смотрит. И строчки из песни...

Воздух вокруг ни на что не похожий,

«Хочу, чтобы у тебя была своя чашка. — Ласковое прикосновение губ к щеке из-за спины. Пальцы проворно прошлись по шее и спустились на грудь, чуть сжали ее. Трусь затылком ему по животу. Запрокидываю голову. Поймать губами его губы. — Красивая?» — «Красивая. Из твоих рук все красивое».

Нет ни машин, ни случайных прохожих,

«Ой, какая штучка!» — «Тебе нравится? Я только с размером боялась промахнуться, у тебя такие тонкие руки...» — Прикосновение губ к кончикам моих пальцев, волосы щекочут ладонь. Язык вверх к локтевому сгибу. — «Он обалденный. Я никогда его не сниму». — Губы на губах. Шарик штанги стукнулся о мои зубы. Такой вкусный поцелуй после эклера и кофе. Он сам сладкий, как эклер с кофе.

Есть только ты и я.

«У вас тут уютно». — «А вон там наша комната. Тебе нравится? Я хочу, чтобы мой дом стал твоим домом». — Носом по ключице, язык во впадинку и вверх по кадыку. Руки ласкают тело. — «Дааа, мне все очень нравится», — обжигаящим шепотом.

Я вышла из машины, как зомби, — загипнотизировано уставившись на его руку. Несколько неуверенных шагов ему навстречу. Легкое прикосновение к холодному стеклу. Сжать его пальцы. Прильнуть к теплой ладони губами. Закрывать глаза, роняя крупные слезы на землю. Стоять так вечность.

— Мари, ты с ума сошла? — Штефан смущенно схватил меня за локоть и потащил в машину. — Ты чего стекло-то обтираешь? — Открыл дверцу и впихнул обратно. Быстро обошел БМВ, плюхнулся на свое сидение и резко рванул с места.

— Ты видел? — вцепилась я в его руку на рычаге коробки передач.

— Рекламу «Нескафе»? Видел. Клевая реклама. Я ее сам утверждал, — недовольно бросил он.
— Я рад, что тебя так нереально штырит от моей работы, но это как бы уже лишнее.

— Но это не реклама «Нескафе»! Это... Это... — я задыхалась.

— Не реви, макияж поплывет.

— Штефан, но это не реклама! — размазала слезы по щекам. Достала зеркальце и аккуратно промокнула платком глаза. Вроде бы подводка не сильно смазалась, а тушь потечь не успела.

— Не реклама, значит не реклама. Да, иногда заказчик утверждает редкое дерьмо. Там были интересные варианты, — он нервно закурил и посмотрел на часы.

Я недовольно засопела и отвернулась к окну. Я же не сумасшедшая! Я же видела! Это руки Билла! Это моя чашка со слоником! Браслет, который я подарила ему. Это наша кухня! И слова написаны по-русски!

Машина медленно толкалась в пробке.

— Черт, — кривился Штефан. — Нам до поворота сто метров. Надо же так глупо застрять. Зря я за сигаретами ходил. Дурацкий светофор.

Том! Я подпрыгнула, едва не долбанувшись лбом о стекло. Еще одна остановка. Еще один пилон. И это точно Том! Плакат — запотевшее стекло, которое вытирают ладонью. Ладонь Тома. Силуэт Тома. Распушенные дреды Тома. Голова опущена, он смотрит вниз и в сторону. Лица не видно. По пояс голый. Широкие джинсы держатся на честном слове. Меня затрясло.

Там, где я был, или там, где я буду,

Я никогда о тебе не забуду.

— Штефан! — взвизгнула я. — Стой!

Он резко затормозил, бочком пробрался к обочине. Я вылетела из машины и подбежала к остановке. Том! Томми! Лица не видно, но это точно Том. Крупные капли воды скрывают его, но я-то вижу, что это Том. Его ладонь с четкими линиями и длинные тонкие пальцы. Штефан посигналил. Я вздрогнула. Он вылез из машины и подошел ко мне.

— Ты планируешь сегодня не доехать до консульства? — вздохнул грустно. — Что на этот раз тебя привлекло в рекламе шампуня? Это не наша реклама, хотя, конечно, симпатично.

— Какого шампуня? — напряглась я, внимательно изучая плакат. Никакого шампуня тут не просматривалось. Зато четкая надпись по-русски.

— Шампунь «Хеден Шолдерс», два в одном. Освежитель — ментол. 400 мл. Мари, у меня мало времени, пошли, а.

Я расстроено поплелась за ним, постоянно оборачиваясь на плакат. Но это не страшно. Сейчас решу все свои дела с консульством, а потом пробежусь по улицам. Доеду до автобусной станции, рассмотрю получше Билла. Может быть, есть еще какие-то плакаты.

Еще один плакат обнаружился недалеко от консульства. Я широко улыбнулась. Мой браслет с подвесками сердечками на столе выложен в виде сердца, рядом мой ноутбук, на экране которого светится:

В городе пахнет только тобою.

Низ живота наполняет любовью.

Есть только ты и я.

— Ты меня пугаешь, — серьезно произнес Штефан. — У тебя такие колебания настроения — то ты рыдаешь, то через несколько минут начинаешь счастливо улыбаться. А уж твоя неадекватная реакция на рекламу... Мари, хочешь, я сведу тебя с психоаналитиком? Мне кажется, твое поведение не совсем нормально. Поговоришь с ним, обсудишь все. Он хороший, настоящий спец в своем деле.

— Со мной все хорошо, Штефан, — улыбнулась я. — Правда, все хорошо.

Он притормозил у консульства.

— Беги уже, эмокид, — снисходительно махнул в сторону дверей. — И постарайся не вляпаться ни в какую историю. Ты мне сегодня не нравишься.

— Обещаю, папочка, — хихикнула я. — Ты во сколько вернешься?

— Как обычно. По крайней мере, у меня нет никакого желания торчать в офисе. Хочешь вечером погулять?

— С Сашей, — кивнула я.

— Договорились, — Штефан наклонился и поцеловал меня в щеку.

Я вышла из машины и обернулась, посмотрев на пилон метрах в ста пятидесяти от подъезда. Штефан посигналил и погрозил мне пальцем.

— Иди в консульство! — прокричал он в окно. — Проверю!

Рассмеявшись, я показала ему язык и скрылась за дверью.

Не знаю, как это называется — песня в руку или просто у них вышли все сроки, но через пятнадцать минут я, сильно радостная, довольно посмотрела на мир и счастливо выдохнула:

— Вот она — свобода! — И от переизбытка чувств заголосила на всю улицу, размахивая свидетельством на возвращение: — Я свободен! Словно птица в небесах! Я свободен! Я забыл, что значит страх!

Какая-то милейшая фрау шархнула от меня в сторону и покрутила пальцем у виска. Я сейчас так ее любила! Я просто ее обожала! Готова была зацеловать весь мир и эту фрау вместе с ним. Легко сбежав с лестницы, я направилась к пилону со своим браслетом. Надо подумать, что делать дальше. Во-первых, судя по всему, Билл меня ищет. Это очень и очень греет душу. Если ищет, значит нужна. В противном случае, он бы не стал тратиться. Возникает вопрос — почему он так уверен, что я до сих пор в Берлине? И знает ли он, где я живу? Знает ли он, что я живу у одинокого мужчины? Он выследил меня? Я с подозрением огляделась. На улице лишь редкие прохожие, которым явно нет до меня никакого дела. Никто не остановился, не курит и не зыркает исподтишка. Машины как ездили, так и ездят. Ничего подозрительного. Билл меня ищет — так приятно это осознавать. Мысль, что еще нужна, согревает тело, словно горячий чай на морозе. Так славно и необыкновенно после трех недель отчаянья понять, что

тебя все-таки ищут и ты небезразлична. Я еще не знаю, что буду делать со всем этим. Не понимаю, хочу ли вернуться после того, что произошло, стоит ли продемонстрировать характер, как, в прочем, не сильно понимаю, смогу ли его простить. Ведь на лицо был факт измены, нанесенные оскорбления слишком сильно меня унизили и обидели. Мне надо разобраться в себе, решить что-то для себя, понять, смогу ли жить и дышать без него. Выдержу ли? Да, Билл не во всем меня устраивает, как человек. У него сложный и вредный характер. Иногда он достает до печенок своим креативом, но мне с ним интересно. К тому же он нежный и заботливый любовник, а это сейчас такая редкость. В общем так. Белый флаг выкидывать не буду, посмотрю по обстоятельствам. Надо будет у Штефана немного потусить, дня два-три, чтобы понять, как быть с Биллом. Терпел же он меня две недели, вот и еще немного потерпит. Все равно свидетельство на выезд действительно в течение двух недель, думаю, как раз за эти два-три дня все и решится. Билл не из тех, кто будет выжидать. Это Том затаится и выждет удобный момент, чтобы ударить наверняка, один раз, четко в цель. А Билл нахрапом возьмет, массой раздавит, разломает все, разрушит, но достанет желаемое. Что ж, давай, попробуй взять меня. Мне очень хочется на это посмотреть. Нет, все-таки какой чудесный день! Девочка-веточка, там, куда ты идешь... не помню дальше, но... счастье тебя ждет!

Я стояла напротив пилона и глупо хихикала. Реклама ювелирного салона. Браслет. Кольца. Цены. Мы же мимо этого пилона проезжали? А где «Город пахнет только тобою...»? Покрутила головой — больше нигде в обозримом пространстве рекламы нет. Закурила. Да что же это такое? Уже как бы и не смешно вовсе. Спокойно. Обошла пилон со всех сторон. Ничего подозрительного. Обычно плакаты меняют рано утром, сейчас только девять, десятый час. Может быть, рекламщики подъезжали, пока я была в консульстве? Вряд ли... Хотя все возможно. Набрала Штефана.

— Привет, отвлекаю?

— Нет, все в порядке. Заказчик в пробке застрял. Я тут кофе пью.

— Эх, я бы тоже кофе выпила.

— Извини, не приглашаю. Это рабочая встреча.

— А я и не напрашиваюсь. Скажи, когда меняют плакаты в пилонах?

— По договоренности с заказчиком.

— Нет, ты не понял, во сколько их меняют?

— Как правило, рано утром, часов до семи... По крайней мере, все отчеты к девяти уже лежат у меня на столе. А что у тебя случилось?

— Штефан, а в девять могут сменить плакат?

— Наверное, могут, а что?

— Нет, ничего.

— Тебе опять что-то примерещилось?

— Да. И это, кажется, прогрессирует. Я домой поеду.

— Если хочешь, оставайся у консульства, я за тобой заеду. Только не знаю во сколько.

— Перестань, кроме галлюцинаций меня больше ничего не мучает. А они вполне себе безобидны.

Я попрощалась и отсоединилась. Так... Есть еще два плаката. Один точно должен висеть.

До перекрестка я чуть ли не бежала. Подлетела к остановке, распугивая людей, и закатилась от смеха — реклама «Хеден Шолдерса», два в одном, с ментолом. Молодой парень запустил пальцы в волосы и улыбается так еще мерзенько.

— Простите, — обратилась я к фрау на лавочке. — Что вы здесь видите?

— Шампунь, — дернула она плечом и подозрительно на меня посмотрела.

— Спасибо, — попятилась от нее.

Поймала такси и поехала на автобусную станцию. Там не должны были убрать плакат. Просто не должны. По дороге я внимательно вглядывалась в рекламные плакаты и щиты. Никакого намека на Каулитца. Вообще никакого намека на него. Ладно, два места вылетает. Это последнее.

Я издали заметила, что плакат другой. Вместо моей чашки со слоником, там красовалась ярко-красная фирменная чашка «Нескафе». И никакого Билла, что само по себе уже неприятно. Потерла виски. Черт... Зажгла сигарету и нервно затаилась. Опять руки дрожат. Дожила... Обошла все остановки в надежде, что могла ошибиться, и Штефан остановился не в этом месте. Безрезультатно. Чашки были, Билла не было. Я сошла с ума, какая досада. Черт! Ну, нет! Меня так легко на мякине не проведешь. Я внимательно осмотрелась. Недалеко торговали газетами.

— Фрау, добрый день, — подошла я к женщине. — Могли бы вы мне помочь.

— Да, конечно, — тут же заулыбалась она.

— Я сотрудник компании «Нестле», реклама которой представлена на этой автобусной станции. У нас есть информация, что наш рекламный партнер ненадлежащим образом исполняет свои обязательства. В частности смена рекламных точек происходит не ночью к началу рабочего дня, а утром или днем. Тогда же они моют стекла в пилонах. Вы не обращали внимание, как давно это происходит?

Продавец опешила и затрясла головой.

— Например, сегодня вот этот ближайший к вам плакат меняли около девяти часов. Утром здесь еще была реклама наших конкурентов.

— Нет, этот плакат тут давно. А стекла они моют поздно вечером, это точно. У меня один раз коробку с газетами затопили. Ох, я ругалась на них.

— То есть вы ничего по факту нарушения сказать не можете?

— Нет, я прихожу к семи, новые плакаты обычно уже висят. Вот как раз первого числа ваши плакаты повесили, до этого тут другое висело.

— Что именно тут висело? — ухватилась я за единственную ниточку.

— Реклама собачьего корма.

Черт, собачий корм... Если только Билл тут аристократичную афганскую борзую своей шевелюрой не изображал...

— А моют они вечером. Через день.

— Сегодня ничего подозрительного не было? Вы не заметили?

— Нет, ничего. Все как обычно.

— А никакого другого плаката тут не висело?

— Нет, не было. Только «Нескафе». Я бы заметила.

— Благодарю вас за помощь. Вы очень мне помогли.

Я отошла в сторону и поплелась к ближайшей лавочке. Побиться головой об асфальт что ли? Надо рассуждать логически. Я же видела плакаты собственными глазами. Значит, они были. Правда, Штефан сразу сказал, что тут чашка «Нескафе». Тетка тоже говорит, что другого плаката не было. Я сошла с ума, однозначно. Еще так размечталась — Билл меня ищет, просит прощения, хочет вернуть. Вот я дура. Среди самых дурных дур, я самая найдурнейшая дура. Домой! К черту Берлин! К черту Билла! Я свободна! Я хочу домой.

— Добрый день, — доброжелательно улыбнулась кассиру, протягивая документы. — Мне билет на самолет до Москвы на ближайший рейс.

Девушка уткнулась в компьютер в поисках нужного мне рейса.

Надо убираться отсюда, пока болезнь не начала прогрессировать. Дома попрошу Полину пожить со мной, а то сойду с ума в тишине своей квартиры. Если хотя бы один глюк случится в Москве, то поеду к родителям в Канаду. Мне надо восстановить нервную систему. В крайнем случае, лягу в какую-нибудь частную клинику. Через месяц буду как новая. Или может быть в какую-нибудь экспедицию напроситься? Слава Богу, на телевиденье связи есть, ушлют меня в любой новый проект, где мне будет не до Билла. С крестным поговорить еще можно. Он поймет, может быть, что-то присоветует дельного. У него тоже связи о-го-го какие. Я устала, я хочу домой. Здесь я схожу с ума.

— Вам все равно какой компанией лететь?

— Абсолютно. Я очень хочу домой.

— Есть места на двухчасовой рейс. Аэрофлот-Российские авиалинии, SU-114. Какой билет вы хотите — эконом, бизнес или первый класс?

Я смутилась. Сейчас десять утра. Самолет через четыре часа. Я даже со Штефаном не попрощаюсь. Просто тупо сбегу от него. Не по-людски это.

— А попозже? Я не успею на этот рейс. Ночной или утренний.

— Есть билеты на рейс ровно в час ночи. Аэрофлот-Российские авиалинии, SU-116. Здесь только бизнес и эконом остался. И вот в девять-сорок пять утра. Эйр Берлин, рейс 8352. Тут только эконом.

В голове мысли в чехарду играют. Хочется уехать отсюда побыстрее, потому что «больше нет сил, я совсем запил и не забыл тебя». И хочется остаться, потому что где-то здесь ходишь ты,

дышишь со мной одним воздухом, думаешь о чем-то, может быть, даже изредка, хочу в это верить, вспоминаешь меня. Потому что сейчас, когда я оторвусь от земли, уже ничего нельзя будет исправить. Я оставлю тебя в этом городе, который пахнет тобою, дышит тобою, живет тобою, где все мне напоминает о тебе до дрожи в коленях, до резкой боли в животе, до покалываний кончиков пальцев. За каждым деревом — ты, в каждом прохожем — ты, с каждой витрины мне улыбаешься ты. Ты — мой каждый вдох и выдох, каждый мой шаг, каждая моя мысль. Ты — этот город, эта страна, этот мир. Мой мир. Мой воздух, мое солнце. Мое дыхание. Ты везде. Ты во мне. Я увезу отсюда маленькую частичку тебя. На память. И больше никогда не вернусь. Память — это всё, что осталось мне от тебя. Содержанка, группис и блядь.

— На час, пожалуйста, — через силу выдавила я. Голос дрожит. По щекам бегут слезы. Я проросла корнями в эту землю. Я впитала дух этого города. Я стала его частичкой. Ты же любишь Берлин. Хотела бы я быть стеклом в его витринах, чтобы наблюдать за тобой. Хотела бы быть неоновым огоньком, чтобы освещать тебе путь. Ровным асфальтом под твоими ногами, чтобы ты никогда не споткнулся. Чистым воздухом, чтобы окружать тебя, пробраться в твою душу. И жить там. Прощай, мой мальчик. Мой любимый принц с солнечной улыбкой из моего самого прекрасного воздушного замка. Прощай...

Глава 13

— Фрау Марта, добрый день, — улыбнулась я открывшей дверь женщине.

— Мари, моя девочка, — обрадовалась она, пропуская меня в квартиру. — Какая ты красивая сегодня! Как тебе идет этот цвет. Мой бог, почему ты так не одевалась раньше? — Я была одета в шелковое ярко-синее платье с очень глубоким декольте и изящными бретельки, которые подчеркивали линию плеч и ключицы. Между лифом и юбкой — черная кружевная вставка ручной работы, расшитая бисером. Сама юбка — солнце-клеш, чуть ниже колена, низ расшит черным шнуром, рисунок что-то вроде тонких побегов и усиков плюща, изящные листики тоже вышиты черным бисером. Стоило оно почти четыреста евро, о чем я узнала только на кассе. Но в момент, когда я его увидела, у меня даже руки задрожали от желания иметь такое. И я бы его купила, даже если бы оно стоило полторы тысячи, оставив себе только десять евро на дорогу из Шереметьево до ближайшего метро. Платье село, как влитое, словно на меня шили. Продащица, умничка девочка, тут же крутанула меня еще на сто пятьдесят евро на новый не менее красивый кружевной бледно-голубенький лифчик, стринги и черную переливающуюся каплю на тонкой цепочке белого металла для украшения, в уши пошли капельки поменьше. Да, вот так мы и пойдем сегодня гулять со Штефаном, тут же решила я. На подарки фрау Марте, Саше и Штефану денег почти не осталось. Зато я стала чертовски красивой! И мне не терпится кому-то похвастаться.

— Нравится? — покрутилась я перед ней в гостиной. Юбка красиво заиграла. Саша скакала вокруг и радостно тьякала, виляя хвостом.

— Ты необыкновенная, — вполне искренне восхитилась она. — Какой сегодня праздник?

— Я свободна. И очень счастлива. И приняла наконец-то решение. Оно тяжело мне далось, но так будет лучше для меня.

— Я вижу. У тебя глаза блестят, и румянец, и ты просто вся светишься.

— У меня для вас тоже есть подарки. Это Саше, — протянула женщине ошейник со стразами и меховую накидку для прогулок зимой. Она умильно взмахнула руками и захохала. — А это вам, — Оренбургский платок был завернут в фольгу и завязан красным бантом. Я

вынесла все мозги продавщице в сувенирной лавке, ковыряясь в шалях. — Это из России. Для вас с любовью.

Фрау Марта развернула подарок и расплылась в счастливой улыбке. Сложила платок и накинула на плечи. Начала медленно кружиться по комнате, затянув по-русски с жутким акцентом:

— Калинка-малинка, малинка моя! Калинка-малинка! Ах, калинка-малинка!

Я рассмеялась. Принялась хлопать ей и подпевать.

— Покружись еще, девочка, дай я на тебя посмотрю, — попросила она. На лице улыбка, в глазах слезы.

Я красиво развела руки в стороны и начала плавно двигаться. А ведь когда-то в прошлой жизни я занималась восточными танцами и отлично танцевала танец живота. Боже, у меня была такая интересная жизнь, наполненная увлечениями и друзьями, смехом и радостью! С завтрашнего дня все в моей жизни станет хорошо. Девочка-веточка нашла свое счастье и завтра проснется совсем другая — новая, восхитительная, сексуальная, притягательная. А сейчас маленькая репетиция. Я — шикарная женщина. Свободная женщина. Самая лучшая женщина на свете. Все девки, как девки, одна я королева!

— Мари, скажи, а что ты решила с тем мужчиной? — фрау Марта села на стул и сложила руки на животе. Мисс Марпл собственной персоной.

— Ничего. Он решил, что нам надо расстаться, о чем мне и сообщил. Что я могу сделать?

— Мари, ты любишь его.

— Конечно, люблю, — небрежно тряхнула я головой. — Но для него любовь, судя по всему, — это лампочка в подъезде, которую можно легко разбить и так же легко заменить на другую, никто и не заметит. Удачи ему.

— Ты все еще злишься на него. Позвони ему, поговори.

— Что я ему скажу?

— Правду. Скажи, что улетаешь домой, что любишь его, скучаешь. Позвони, просто позвони. Попроси приехать и проводить.

Я недовольно рассмеялась, сложив руки на груди.

— Мари, когда-то очень давно я безумно любила одного мужчину. Он был моим первым мужчиной. Мы расстались из-за глупости, он обидел меня, я точно так же сбежала от него из Австрии в Германию. Он просил меня вернуться, говорил, что не может без меня жить. Но я была слишком гордой, чтобы простить его. Мне казалось, что у меня еще будут другие мужчины, лучше этого, они будут меня любить, носить на руках, боготворить. И они были, носили и боготворили. Только я больше так и не смогла никого полюбить по-настоящему, когда от одной мысли теплом наполняется живот, а в груди приятно тянет. Иногда мне кажется, что руки до сих пор помнят бархат его кожи и шелк его волос. Если бы я, старуха, могла это исправить, то вернула бы все назад и прожила свою жизнь счастливо. По-настоящему счастливо. — Я открыла рот, чтобы возразить, но она остановила меня жестом. — Мари, я бы в свои двадцать точно так же сказала старой карге, которая бы вздумала учить меня жизни, что

это не ее дело, и пусть убирается в ад со своими советами, но послушай старую каргу — позвони ему. Прошло время, вы многое подумали, обдумали и решили, возможно, он раскаивается в своих словах, просто дай ему еще один шанс, хотя бы один, не отвергай его.

— У него было три недели на то, чтобы найти меня. Ровно двадцать два дня на то, чтобы найти меня и поговорить. Я считаю, этого достаточно для решения подобных вопросов. Он ничего не сделал, хотя мог. Тема закрыта. Вы разрешите мне вечером погулять с Сашей? Я бы хотела пройтись со Штефаном. Он очень хороший и... Если бы я не любила другого, то обязательно бы полюбила его. Но... Я хочу, чтобы этот вечер был для него хорошим и веселым. Хочу быть собой, радоваться и смеяться. Разрешите?

— Конечно, Мари, конечно. Ты только дай ему шанс, позвони. Просто позвони.

Я покачала головой.

— Он при чужих людях назвал меня содержанкой и блядью, хотя прекрасно знает, что я много работаю, отказалась от всего ради него, и эти десять месяцев жила только им, его мыслями, его проблемами, его жизнью. Он сделал это при женщине, которую привел среди ночи в нашу квартиру и с которой, видимо, планировал хорошо провести остаток ночи в нашей постели. Я не буду ему звонить. Я — самодостаточная, красивая девушка, у меня неплохая карьера и меня ждут коллеги и друзья. Дома я могу позволить себе многое. Я не купаюсь в роскоши, как он, но на хлеб с маслом мне хватает...

— Не надо оправдываться, — остановила она меня. — Ты слышала, что я тебе сказала. Мне семьдесят два года. Я жалею о своем поступке пятьдесят лет. Я не дала ему шанса и жалею об этом. Поверь, это не то же самое, что жалеть о сделанном. Это гораздо хуже.

— Я подумаю, — вяло растянула губы.

— Подумай.

Но дома мне было некогда думать. Я собрала сумку, прибралась в квартире, накрыла на стол. Времени совсем мало. Платье висело на плечиках на дверце шкафа и все так же безумно мне нравилось. Биллу бы оно тоже очень понравилось. Я в нем очень хорошенькая. Подарок для Штефана — это то, в чем я сильно сомневалась, потому что хотела подарить не какую-то банальность, а что-то на память. На память обо мне. Поэтому, пока я сайгаком скакала по КаДеВе, восьмиэтажному крупнейшему в Европе торговому центру, ломая голову, что можно купить мужчине, у которого все есть, меня и осенила эта бредовая мысль. Пришлось нестись в художественную галерею. Ее я увидела сразу. Мы просто встретились с ней взглядом — два одиночества, которые очень нуждались в доме. Ее звали Йена. У нее были огромные зеленые печальные глаза, шоколадные волосы, на голове беретка, как у истинных француженок, короткая юбка, длинная жилетка поверх белой рубашки, на руках кружевные митенки, а на ногах тяжелые ботинки. Йена — это авторская кукла необыкновенной красоты. Кукла, чем-то похожая на меня. В магазине игрушек я купила для нее кресло-качалку и маленькую рыжую собачку, похожую на шпица. Я посадила Йену у окна в гостиной, около ног положила собачку. Попросила их помогать Штефану и поддерживать его. Мне так не хотелось оставлять его одного, а на Йену, казалось, я могла положиться. Ну, вот и всё. Можно лететь домой. Я обвела тоскливым взглядом гостиную. Прижилась я тут. Если бы я могла его полюбить, то обязательно бы полюбила. Штефан такой хороший и достойный мужчина. Ничего, я буду звонить ему из России, и он обязательно приедет ко мне в гости, а там видно будет.

— Вот знаешь, я многие месяцы не хотел возвращаться домой. Придешь — тишина, темнота,

запах одиночества. А сейчас не хочу задерживаться в офисе, зная, что дома меня ждет ужин, вечерняя прогулка с собакой, веселая болтовня. Я так ценил свою свободу, а сейчас боюсь потерять свою зависимость, — пробубнил Штефан с набитым ртом, активно уплетая блины.

— Ты с утра-то чего такой дерганый был? Все-таки из-за встречи?

— Нет. Встреча нормально прошла. Мы контракт подписали. Герр Йохансон даже в детали не стал вчитываться. Просто боюсь, что тебе дадут разрешение на выезд, и ты уедешь. Я приду домой, а тебя нет. Я так за эти две недели привык к тебе, что даже не понимаю, как можно прийти домой, а тебя не будет.

Я отвернулась.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом тихо спросил:

— Тебе дали разрешение на выезд?

Кивнула.

— Надеюсь, ты не завтра улетаешь? — мрачно спросил он. — Оно ведь действительно в течение какого-то времени, да? Недели две? Я смотрел на сайте российского посольства.

Вместо ответа принесла ему билет.

— Штефан, я не могу остаться, — начала говорить очень тихо. — Я хотела, правда. Хотела остаться еще на пару дней. Но не могу. У меня что-то с головой происходит. У меня галлюцинации. Мне кажется, что за мной следят. Я чувствую чужие взгляды, меня как будто загнали в угол, загнали и давят со всех сторон. Я с Сашей ведь не просто так таскаюсь по улицам. Стоит мне встретить парня хотя бы отдаленно похожего на моего, и я иду за ним следом, жадно ловя каждое движение. Тот мальчик, который приходил, Даниэль... Он очень похож на брата моего парня. Мы с ним были очень близкими друзьями. Даниэль очень похож на него. Я обманула тебя тогда. В тот вечер я общалась с братом моего парня. Я видела его в каждом жесте, в каждом слове. Мне хотелось прижаться к нему и жаловаться на его брата-урода. И за занавеской в квартире соседей на первом этаже я видела его, понимаешь? Те плакаты — мне казалось, что я вижу его, свою чашку, свой ноут, песню, которую напевала ему, когда только вернулась из Москвы. В магазине мне не плохо стало, в магазине мне показалось, что все полки обклеены картинками с видами нашего дома. Штефан, я схожу с ума, понимаешь? Я не пошла с тобой в Аквадом и зоопарк потому, что боялась опять словить галлюцинацию. Это страшно, понимаешь?

— Понимаю. Я бы хотел тебе помочь...

— Это невозможно. Пока я в Германии, он будет жить во мне.

— Ты улетаешь в час ночи? — шурился он все еще разглядывая билет.

Кивнула.

— И вещи уже собрала?

— Там мало.

— Да, я знаю.

— Я отвезу тебя в аэропорт... Черт у нас всего четыре часа осталось. Так мало... Почему ты утром ничего не сказала?

— Не хотела тебя расстраивать.

— Я понял.

Штефан как-то сразу засуетился, начал хмуриться. Торопливо вытер руки и губы.

— Мы гулять-то пойдем? Ты же хотела... — подорвался с места.

— Пойдем, — улыбнулась кокетливо. — Я только переоденусь.

— Хорошо. Я за Сашей схожу.

Свернула джинсы и блузку, убрала все в сумку. Надела новые трусики и лифчик. Распустила волосы и взбила их руками. Нет, так не пойдет. Завернула «улиткой» на затылке, выпустив концы. Уложила челку и выпустила тонкие височные прядки. Вышло очень даже неплохо, учитывая, что у меня нет ничего для укладки, кроме расчески и лака для волос. Хорошо. Глаза я нарисовала еще до прихода Штефана. Лишь слегка поправила, освежила лицо. Платье. Блеск для губ. Немного духов. По черной капельке — на грудь и в уши. Те самые туфли, что он мне купил. Я походила в них днем по квартире — вот идеально подобрал! И каблук хороший, и колодка удобная. Жаль, что сумочки нет, сюда бы подошло что-нибудь маленькое и изящное. Но сумку я покупать уже не стала, так как у меня дома их полно, а сейчас мне в нее класть нечего. Стояла, смотрела на себя в зеркало и грустно улыбалась. Конечно, понимаю, что ты не виноват в моих глюках, я сама себя довела, но звонить все равно не буду. Фрау Марта права, я потом тысячу раз пожалею о своем решении, я буду жалеть о нем каждый день и каждый час, многие годы, но ты сам мог всё изменить и ничего не сделал. А я уже не способна ничего изменить.

Мы бродили по парку. Я видела, что Штефан открыто любит меня, нежно улыбается и постоянно хватается за руку. Он выглядел, как влюбленный мальчишка. От этого становилось тепло. Я кокетничала и отвечала ему игривыми взглядами. Старалась быть той веселой девушкой, которой была всегда, немного стервой, самоуверенной и нежной. Я заставила себя не думать о Билле, пряча грусть за широкой улыбкой и постоянной болтовней. Рассказывала Штефану о Москве, о том, как мы будем зажигать в лучшем столичном клубе. Обещала познакомить со своими друзьями и обязательно притащить к себе на работу. Штефан обещал приехать. Кажется, в Москве есть их отделение. Он приедет, обязательно приедет. От этого опять становилось хорошо — значит, мы будем общаться дальше, ниточка не порвется. Мне очень хотелось сохранить нашу дружбу.

— Ты очень красивая, — остановился он. Притянул меня за талию к себе. Я не смутилась, но мне это явно не нравилось, опустила голову. Он взял мое лицо в ладони и поднял к себе. Большие пальцы прошли по щекам. Штефан улыбался — очень мягко и нежно. Легко коснулся губами моих губ. Потерся кончиком носа о мой нос. — Ты очень красивая, — повторил на выдохе, отпуская меня.

Шаг назад, опуская голову и закусив губу. Щеки горят, губы жжет, словно их перцем намазали.

— Пойдем со мной, — потянул за руку, широко улыбаясь.

— Штефан... — тихо попробовала отказаться я.

— Пойдем. Мне в голову пришла замечательная идея. Идем, тебе понравится, обещаю.

— Может быть, домой? — робко.

— Нет-нет! Я давно хотел это сделать. Идем.

— Куда?

— В ресторан. Я хотел отвести тебя в свой любимый ресторан. Тебе понравится, обещаю. Прощальный ужин. Тебе понравится, — он говорил быстро и очень нервно. Такое ощущение, что за эти полтора оставшихся часа он спешит сказать всё-всё, боится опоздать или что-то забыть, хочет прожить несколько дней сразу. Несколько дней, которых нам не хватило. Которых я лишила нас. Прости, Штефан, я могу сделать вид, что люблю, но не хочу врать, разреши мне остаться твоим другом, не проси большего.

— А Саша?

— Не страшно.

— Но уже половина десятого.

— Мы успеем, тут рядом. Доверяй мне.

Фраза подействовала на меня магически. Я тут же засемила следом. Саша весело замоталась на поводке впереди, словно знала, куда мы идем. Вот же егоза!

Ресторанчик оказался маленьким и очень уютным. За столиками сидело человек десять, оно и понятно — сейчас понедельник, кто ходит по ресторанам в понедельник на ночь глядя. В помещении царил полумрак. На столах, покрытых белоснежными скатертями поверх тяжелых бордовых бархатных, в тонких стеклянных вазах стояли красные розы, а рядом длинные белые свечи. Мягкие уютные кресла. Тяжелые бархатные гардины на окнах. На малюсенькой сцене за белым роялем мужчина в черном фраке играет что-то легкое, классическое. Такое удивительно уютное камерное место, куда я бы с удовольствием заглядывала почаще.

Саше постелили салфетку, и собака развалилась в кресле. Я сидела спиной к сцене и наслаждалась болтовней Штефана. Он перестал нервничать, беспрестанно курить и наконец-то расслабился. Даже взгляд стал спокойнее, не таким сумасшедшим. Я заказала большую чашку ирландского крем-кофе, тирамису и фруктовый салат со взбитыми сливками. Штефан взял нам вино, себе «Цезарь», сухарики и пиво. Я плохо представляла, как он будет пить пиво с вином (впрочем, как и я буду пить кофе с «Бейлис» и все тем же вином), но хозяин — барин.

— Обещай, что будешь звонить и писать, хорошо? — взял он мою руку в свою и погладил ладонь.

— Обещаю.

— И обещай, что, если тебе еще раз придет в голову идиотская мысль сбежать куда-нибудь без денег и документов, ты приедешь ко мне.

— Обещаю.

— Вот ни о чем не думая, не боясь, просто сядешь на поезд и приедешь ко мне.

— Хорошо.

— Я — твой друг. Я хочу, чтобы ты знала это. Ты можешь на меня положиться и рассчитывать. Хорошо? Мой дом — твой дом.

Кивнула и улыбнулась.

— Как жаль, что ты уезжаешь. В выходные приезжает сестра. Я так хотел вас познакомить. Я рассказывал ей о тебе. Она очень хотела с тобой познакомиться.

— Штефан, ты так говоришь, как будто я улетаю на Альфу Центавру. Я бы не хотела терять с тобой контакт. И обещаю тебе, что ты обязательно найдешь время и прилетишь в Москву хотя бы на выходные. Я очень хочу познакомиться с тобой со своими друзьями. И мой дом — твой дом. Если тебе нужна будет помощь или еще что-то... — Взяла визитку кафе из салфетницы и написала ему свои телефоны и электронный адрес. — Вот, пожалуйста, тоже не забывай мне писать и звонить, хорошо? Обещаешь?

— Обещаю. — Коснулся губами моих пальцев. — Ты очень хорошая. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива.

За спиной раздался гитарный перебор. Я закрыла глаза, прислушиваясь, не в силах сдержать довольную улыбку. Как хорошо, что он привел меня сюда. Эта мелодия, местами очень знакомая, как будто согревает что-то внутри, то, что совсем замерзло и, похоже, умерло окончательно.

— Понимаешь, я бы не позволил тебе уехать, если бы знал, что так будет лучше для тебя. Я бы никому больше не позволил приблизиться к тебе, если бы знал, что это поможет тебе. Я бы все сделал для того, чтобы ты была моей. Приложил бы массу сил, но заслужил бы твое доверие и любовь. Я знаю, что это бесполезно, что ты любима и, увы, любишь. Я просто хочу, чтобы ты улыбалась по-настоящему, как тогда, когда увидела Даниэля, так похожего на брата твоего парня. Прошу только об одном — останься.

— Не могу... — выдохнула я, слушая мелодию и млея от удовольствия.

Мелодия звучала такая знакомая, такая любимая. Еще не оформившиеся слова-образы поднимались из самых глубин памяти, звучали где-то в душе, и даже складывались в какую-то песню. Я только не очень понимала в какую, лишь непроизвольно двигалась в такт, чуть раскачиваясь. Штефан сегодня такой красивый. Я бы обязательно его полюбила. Когда-нибудь.

— Мари... — накрыл мою руку своею. Жалобно заглянул в глаза.

— Я не могу остаться, — грустно улыбалась я. — При всем желании. Он здесь, он где-то рядом, я чувствую это. Да, я могу спрятаться у тебя, могу сидеть дома и не выходить на улицу. Но, Штефан... — покачала головой. — Прости...

Мелодия пробиралась внутрь, бежала по венам.

Когда ты плачешь, помоги мне, я не знаю, что мне делать...

Хотелось расправить руки-крылья...

...и улететь.

Музыка умоляла, гладила, ласкала.

Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне. Я не знаю, что мне делать...

Тело отзывается на каждое слово, звучащее внутри, словно сходя с ума от давнишней ласки, по которой я так скучаю, от нежных поцелуев, которые снятся мне ночами.

Это любовь или мне это снится...

Словно по спине бежит ток. Он щекочет, гладит, целует. Хочется расслабиться и отдаться его нежности. Хочется впитать, надышаться этим воздухом, которым дышишь ты. Увезти с собой, в себе.

В городе пахнет только тобою, низ живота наполняет любовью.

Есть только ты и я.

Обернулась...

Разрази меня гром!

Казалось, что в макушку попала молния и вышла в районе левой пятки, разум задымился, в глазах помутнело, а кровь резко собралась в желудке, отчего тирамису поспешил на выход. С усилием заглотив пирожное обратно, я с совершенно ошалелым видом повернулась к Штефану. Хрена себе глюки! Зажмурилась, для верности плотно закрыв глаза руками. Хватит пить, дура!

— Что с тобой? — учтиво спросил Штефан, проведя по щеке пальцами. — Что случилось?

— Опять... — прошептала я.

— Что «опять»? — попытался он отодрать мои руки от глаз. Но я их лишь крепче прижала.

— Помоги мне, я не знаю, что делать.

Я отпрянула. Всё, хана мне! Теперь у меня звуковые галлюцинации. Здравствуй, Кащенко, я твой любимый пациент!

— Штефан, что сейчас происходит за моей спиной? — шепотом спросила я. — Там сидит мужик и играет на рояле, да? Такой классный мужик сидит... Да? И играет... — я изобразила это пальцами, постучав по столу. — На той штучке с клавишами, да? Во фраке?

Он улыбнулся.

— Да, там сидит мужик. Ну, не совсем мужик. Один из них... Самый умный и спокойный, но если его задеть, то узнаешь о себе много нового. Второй самый веселый и шепутной, он компанейский парень и настоящий джентльмен. Третий — нежный и надежный, он опора и стена, которая прятала тебя от всех невзгод. Ну, а про четвертого ты сама все знаешь лучше меня.

— Ты издеваешься? — с опаской поинтересовалась я.

Штефан взглядом указал на сцену.

Я не смогла заставить себя обернуться. Боялась. Безумно боялась. Трусила. Не могла. Этого не может быть! Просто не может быть, потому что так не бывает! Надо просто встать и уйти.

Это обман зрения, это обман слуха, это обман черт знает чего еще, но не то, что я думаю. Так уже было. Стикеры в магазине — так было. Плакаты на улице — так было. Они все были реальными, все до единого. И потом исчезали. Я сейчас повернусь и увижу все того же дядьку во фраке, играющего на рояле нечто совершенно другое. Потому что ни Билл, ни Том, ни Георг, ни Густав не имеют никакого представления об этом ресторанчике, о том, что мы придем сюда всего на час-полтора, в это время, в этот день недели, с этим мужчиной.

— Обернись же, — подбадривал меня Штефан.

— Зачем ты глумишься надо мной?

Он рассмеялся и откинулся на спинку, взяв Сашу на колени.

Я осторожно повернулась к сцене. Нет, видение, действительно, не исчезло. На сцене на барных стульях сидели Том и Георг с гитарами. Внизу на полу приютился Билл с микрофоном в руках. Чуть поодаль на стуле пианиста, закинув ногу на ногу, перся от мелодии Густав, помогая друзьям на маракасах. Не хватало только голоса. Я нервно сглотнула и скрестила дрожащие руки на груди. Какая милая галлюцинация. Моя психика сходит с ума? Ребята увлеченно выводили мелодию. Билл смотрел на меня. Просто смотрел, робко улыбаясь. Я тупо пялилась на него, боясь моргнуть и прогнать обрушившееся на меня счастье. Нет, ну надо же! Как миленько. Нервно хихикнула. Большого идиотизма от моего сознания и ожидать было нельзя.

Песня кончилась. Том хитро улыбнулся и что-то наиграл на «Гибсоне», Георг тут же подхватил, а там и Густав вошел в мелодию. Теперь они смотрели на меня вчетвером. Я почувствовала, что у меня задергался глаз. Ага, нервный тик. Восстановлю документы и поеду к маме в Канаду. Нервы лечить.

Последний взгляд назад сквозь улицы пустоты, — отозвалась память на мелодию. — Меня теряет ночь, взрывая ветра ноты... — Моя любимая. Песня, которую он написал специально для меня и всегда дарил мне.

Мы с Биллом все так же смотрели друг на друга. Не знаю, что творилось в его голове, но лично в моей сейчас царила абсолютная пустота и тишина. Никаких мыслей, лишь истерика подпирала язык изнутри. Если он сейчас исчезнет, я вскрыю себе вены. Знать, что ты сходишь с ума и быть не в состоянии с этим бороться, — это кошмарно.

Он медленно встал.

Я резко вскочила.

Сделал шаг.

И тут меня волной накрыла паника. Я словно оказалась запертой в банке, в которой бушевал огонь моих страхов, и эту банку начали трясти, отчего я потеряла всякую ориентацию во времени и пространстве. Все страхи одновременно ярко вспыхнули и облизали разум, сжигая его дотла. Мой кошмар вдруг внезапно стал реальностью. Что делать? Он идет? Что делать? Что говорить? А если он подойдет и исчезнет? Рассмеется в лицо? Унизит? Ударит или оскорбит? Я заметалась, попятилась, испытывая единственное желание — сбежать. Не важно куда, не важно как, просто бежать, быстро и далеко.

Билл остановился.

Я тоже замерла. Куда все делись? Кроме меня и ребят в зале никого больше нет — ни посетителей, ни Штефана, ни Саши. Никого! Свет выключен. Освещена только сцена. Я перепугано посмотрела на Тома. Он всегда был моим другом, он помогал и защищал. Том! Томми! Ты так нужен мне! Пожалуйста! Томми! Помоги! Защити от него! Том широко улыбнулся, спокойно и доброжелательно, кивнул, словно разрешая.

Билл снова сделал шаг мне навстречу.

Я резко подалась назад, налетела в темноте на стул и чуть не свалилась. Бежать! Бежать отсюда! Где же выход? Где спасительная табличка «Exit»? Том! Пожалуйста! Том! Боковым зрением заметила, что Том и Георг расходятся в стороны и идут мне наперерез. Мышеловка захлопнулась. Штефан предал мое доверие. Как низко...

Билл подошел.

И прежде чем он сделал хотя бы еще шаг, я выставила перед собой стул.

Несколько секунд мы просто смотрели в глаза друг друга. Я не чувствовала его мыслей, как раньше, не понимала, что он сделает. Мне все еще казалось, что сейчас он рассмеется и исчезнет, что Штефан будет хватать меня, истерящую, за руки и уговаривать успокоится, а все посетители будут коситься и показывать в нашу сторону пальцами. Меня затрясло от обиды. Если этот Билл не плод моей больной фантазии, то какого черта он так поступает со мной? Почему загнал в угол и не дает возможности подумать? Он ставит меня перед фактом, заставляет сделать то, что я, может быть, вовсе не хочу делать. Я не хочу возвращаться! Я не буду возвращаться! Я не стану делать то, что хочет он! У меня есть выбор. Я не останусь! Не вернусь! Не хочу! Не буду!

Его пальцы вцепились в мой локоть, а стул внезапно отлетел в сторону. Он дернул меня на себя и крепко обнял. Я растерялась — живой, теплый, мой, такой родной, такой любимый. Ощупывала его руками, чувствуя, что похудел, что сердце стучит быстро-быстро, дышит возбужденно, напряжен до предела. Такой настоящий. Покрепче сжимает руки и утыкается носом мне в шею, обжигая ключицу горячим дыханием. Начинает быстро целовать, гладить одной рукой. Да как он смеет! Я не останусь! Не вернусь! Неожиданно разревелась. Громко, затравлено, обиженно. Начала вырываться, пытаюсь отпихнуть его от себя. Нет, не будет по твоему! Билл положил руку мне на затылок и вжал лицо себе в грудь, второй крепче ухватив за талию. Не хочу! Губы на виске. Трется носом. Извиняется. Ни за что! Я крутанула головой, сделала судорожный вдох.

Он улыбнулся:

«Не отпущу, — прочитала по его губам. — Никогда не отпущу».

— Я все равно убегу! — шиплю зло.

Билл расплылся в широкой улыбке, покачал головой:

«Моя. Только моя».

Губы собирают слезы с щек. Касаются моих губ. Кончик языка дразнит, проникает сквозь неплотно сомкнутые губы, которые предательски открываются, пропуская, лаская, разрешая. Я все еще учащенно дышу, словно долго бежала, аж ломит в боку. Все еще вяло стараюсь вырваться. Чувствую, что не могу... не хочу... и не буду.

Пока ребята собирали нехитрое оборудование и упаковывали гитары, Билл сел на диванчик, усадив меня к себе на колени. Он так и не выпустил моей руки, не отошел ни на шаг, и даже вытер мне смазанную косметику носовым платком, смоченным в минералке, лишь бы я не потащилась умываться в туалет. Видимо, боится, что сбегу. Он нежно целовал мои плечи, терся носом о полуголую спину. Я хмуро следила за мальчишками, не испытывая ни малейшего удовольствия или радости. Из меня словно высосали все эмоции. Все произошло как-то слишком быстро, нелепо и грубо. Меня раздавили и сломали. И от этого присутствующие люди нервировали малейшим движением. Билл обнимал за талию, руки осторожно скользили по бокам, а мне с этого было ни тепло, ни холодно. Он через плечо пытался заглянуть в глаза, прижимался к лопаткам щекой, рисовал на запястье сердечки. Я честно изо всех сил растягивала губы, однако на улыбку мой оскал походил мало. Не понимаю, что со мной. Я так ждала этого момента, так мечтала о нем, столько слез пролила, столько всего передумала, и вот сейчас, сидя на его коленях, ничего этого не хочу. Мне неприятны его руки, меня бесят его губы, меня раздражают его взгляды. Сжала зубы. Никаких истерик. Хватит. Я спокойна, как сытый слон. Просто надо встать и уйти. Сколько там до самолета осталось? В целом, еще успеваю. До Штефана недалеко, если на такси. До аэропорта минут двадцать, если не спешить. Успею. Билл изогнулся и достал из кармана мое кольцо и браслет с сердечками. Хотел надеть, но я забрала руку, не позволила. Он на секунду замер и посмотрел вопросительно, нахмурился, поднес пальцы к губам. Поцеловал каждый пальчик, прижал мою ладонь к своей щеке. Мне было неудобно так выворачивать руку. Дьявол, за эти поцелуи и прикосновения я бы раньше душу отдала, а сейчас они не возбуждали и не будоражили тело. Внутри словно что-то умерло, странная апатия, ничего не хочется. Наверное, я слишком устала от всех этих потрясений и не способна больше ни на что. Мне бы в свою норку и зализать раны. Слишком бесцеремонно они ворвались в мой мир. Он не выдержал их натиска. Рухнул. Билл закрыл глаза и ткнулся лбом мне в спину, вздохнул грустно, перестал ласкать. Я попробовала встать, он не дал.

— У меня самолет, прости, — тихо сказала я.

Он вздрогнул. Погладил мои запястья. Покачал головой, вжавшись щекой в плечо.

— Билл, я, конечно, в восторге от вашего представления, но, извини, не хочу опоздать. Мне еще надо заехать за документами.

Я говорила спокойно, без злости и ненависти, без истерик, словно объясняла маленькому ребенку, что мамочке надо сходить в магазин. Встала. Он подался вперед и схватил меня за руку. Платье помялось. Черт... Ладно, главное, вернуть документы, все остальное пусть остается у Штефана, мне ничего не надо. Хотя лететь в Москву в начале апреля в туфлях и шелковом платье — безумие... Ничего, как-нибудь не замерзну.

— Отпусти. Спектакль окончен. Ты переигрываешь, — высвободилась.

Он тут же оказался рядом и протянул какие-то бумаги. Во взгляде вызов. Губы упрямо сжаты. Желваки ходят от напряжения.

Я сделала одолжение и посмотрела, что он там мне дал. О, черт! Билет на самолет? Aeroflot Russian Airlines. Рейс SU-116, 01-00, 08/04/08. Каулитц, Билл. И... мой билет? Но откуда? Я потеряла виски.

— Ты решил меня окончательно доканать? У вас в последнее время это отлично получалось.

Билл упрямо щурится. Дышит часто и шумно. Брови сдвинуты.

— Прощай, — похлопала его по плечу, обходя. Интересно, что я делаю, а? Передо мной стоит мужчина моей жизни, скромно вымаливает прощение, ластится всячески, а я включила дурку и, кажется, не собираюсь ее выключать.

Он сделал шаг назад и снова замер передо мной. Дьявол. Сейчас начнется. Уйди, Билл, я ж себя совершенно не могу контролировать. Дай мне перебеситься.

— Я все равно уеду, — напролом прут самолюбие и гордость, превращающиеся в глупость.

Он спокойно улыбается и качает головой.

— Дай мне пройти.

«Нет», — с самоуверенной улыбкой.

— Ты будешь удерживать меня силой? — усмехнулась я. — Не боишься, что ударю?

Он ухмыльнулся в ответ, поднимая руки чуть вверх, всем своим видом показывая, что даже не подумает сопротивляться.

— Отойди! — несильно пихаю его в сторону. Но он тут же встал обратно, преградив мне путь. Просто сивка-бурка, вещая каурка... Выхватил билеты и демонстративно медленно порвал их, подкинув клочки над нашими головами. Вот это он зря!

«Всё», — развел руками, мило оскалившись.

«Все равно уеду!» — бросаю на него злой взгляд.

«Я не позволю тебе», — смотрит исподлобья, ноздри раздуваются.

«Не удержишь!» — глумливо скажусь в ответ.

«Поеду следом, — прищуривается упрямо, хватая меня за плечи. — Куда угодно. Буду жить рядом с тобой. Брошу всё к чертям. Мне не надо все это без тебя. Слышишь? Я буду жить рядом с тобой, куда бы ты ни поехала!»

«Так ли уж всё?» — беззвучно зло смеюсь, скидывая его руки.

«Хочешь проверить? Беги! — он достал мои документы и швырнул их на ближайший стол. Но встал так, чтобы я не смогла их взять. — Куда бы ты ни пошла, я буду рядом с тобой. Всегда!»

«Блефуешь?» — усмехнулась.

«Черта с два!» — ядовито улыбается, качая головой.

— Блефуешь, — бросаю брезгливо.

— Сомневаюсь, — несколько растерянно бормочет Том. — Мари...

«Не лезь!» — одновременно резко поворачиваемся мы к нему.

Том шарахается в сторону, задрал лапки.

— Он поедет, слышишь? — шепчет, отходя в сторону. — Поедет. Бросит все и поедет.

Я недовольно рассмеялась.

— Он? Уедет? Бросит? Ты хоть сам в это веришь? — язвительно отвечаю Тому, смотря Биллу в глаза.

Младший Кау улыбается и кивает.

— Как мило, — шиплю разъяренной кошкой. — Билл Каулитц, романтик и чистоплюй, кумир малолетних девственниц всего мира, бегаёт за шлюхой и блядью. Что, та рыжая отказалась идти к тебе в содержанки? Недостаточно хороша оказалась в постели? Или ты ее не устроил? — Куда меня несет? Кто отключил тормоза? Ведь сейчас буду бить ниже пояса. Стоп! Машка, стоп!

Билл беззвучно рассмеялся.

Стоп! Просто стоп... Я села на ближайший стул и обхватила голову руками. Что я делаю? Билл что-то быстро написал в блокноте и сел передо мной на колени. Протянул написанное:

«Пожалуйста, постарайся успокоиться. Я бы очень хотел, чтобы ты вернулась в семью. Я все сделаю для того, чтобы ты никогда об этом не пожалела».

— Я устала, — прошептала тихо.

«Я знаю, — провел рукой по волосам и осторожно обнял. — Просто вернись домой».

Опять что-то нацарапал:

«Доверься мне».

— Чтобы ты опять меня прогнал?

Его голова упала мне на ноги, щекоча их длинными пушистыми волосами. Губы коснулись колена. Я захихикала:

— Черт, Билл Каулитц целует мои ноги. Это надо где-то записать.

Билл улыбнулся, потянул меня на себя и мягко припал к губам, проникая языком в рот. Ну и черт с ним. Пусть. Пусть делает, что хочет. Могу я хотя бы раз в жизни просто упасть в реку и поплыть по течению? Могу я быть слабой, капризной и уставшей женщиной, подчиниться чужой воле и последовать за сердцем в разрез с повелениями его величества разума? Штефан предал. Билл довел до нервного срыва своими идиотствами. Меня загнали в угол. Ну как смог, так и загнал. Мог же вообще наплевать и забыть. А он еще упрасивает. Разве не этого я хотела все эти три недели? Разве не от этого убегала? Просто надо расслабиться и первый раз в жизни поплыть по течению, хотя бы попробовать. Что я буду делать в России? Рыдать по ночам от того, что проявила твердость характера и гордость духа? Кому они нужны? Кого сделают счастливыми? Я дам тебе шанс, мой принц. Потому что люблю тебя больше жизни и потому, что об этом меня просила фрау Марта. Я попробую, фрау Марта. Я попробую стать просто женщиной, у которой есть Мужчина. Я так устала быть сильной...

— Ребят, поедем домой, — Том довольно улыбался. Подошел ко мне и крепко обнял, прошептав в ухо: — С возвращением, птичка. Мне так тебя не хватало. И только попробуй еще

раз сбежать. — Щека трется о мою шею, прижимается к плечу. Дреды щекочут спину и руки.

— Если бы знал, что так получится, я бы вас с Томом Йосту сдал, — хихикал Георг, стараясь выцарапать меня у Тома.

— Рад тебя видеть, балда, — сказал Густав по-русски, отбирая меня у друзей.

— Густав, балда — значит глупая! — возмутилась я с улыбкой.

— А ты разве умная? — делает он глаза большими. — Умные девушки так не поступают. Без документов, без денег, без вещей из дома не уходят. Они подают в суд на неверного мужа и начинают делить его имущество. Вот как поступают умные девушки.

— Иди отсюда, — отогнал его от меня Том. — Ты ее сейчас научишь плохому. Мы как раз квартиру купили. Специально, чтобы не светиться в гостиницах. Ты знала?

Я покачала головой.

— Ничего не знала про вас.

— Во всех газетах писали, — обиделся Том.

— Я не читала газет, не смотрела телевизор и не слушала новостей. Специально, чтобы не расстраиваться, что у вас так круто проходит тур без меня.

Том тяжело вздохнул и закатил глаза — «Вот идиотка!», но вслух кокетливо сообщил:

— А я говорил, что ты вредная, и в этом направлении можно не работать. Только, Мари, ты извини, у нас с мебелью напряги. Так что не пугайся.

Билл обнял меня сзади и положил подбородок на плечо. Я переплела наши пальцы.

— Я вас всех ненавижу, — выдала с улыбкой.

Они рассмеялись.

— Мы тебя тоже.

На стоянке нас ждал «Кадиллак Эскалад» Тома. Мы с Биллом залезли на заднее сидение. Густав сел вперед. Пока Том и Георг осторожно укладывали в багажник гитары, Билл скользнул рукой мне между ног, поцеловал в щеку и подозрительно прищурился.

— А вот мучайся, — шепнула ему на ухо, откидываясь на спинку.

Он сжал пальцы на тонкой коже, делая мне больно. Глаза почернели от ревности.

Я соорудила вредную рожицу.

— Мучайся.

Бросил быстрый взгляд на Густава, запустил руку в декольте, ощутимо помял грудь.

«Моё» — одарил собственническим взглядом.

Я лишь ехидно усмехнулась.

— Густав, а когда кончится наше счастье?

Он обернулся, прикидывая что-то в уме.

— Сегодня уже восьмое? Ну вот дня через два-три и кончится. Но вроде Дэвид говорил, что ему еще минимум неделю нельзя будет связки напрягать. Так что пользуйся моментом. Том вот уже месяц отрывается.

Билл обиженно засопел, сложил руки на груди и отвернулся к окну.

Мы захихикали.

Георг сел рядом.

— Представляешь, — возбужденно затараторил он. — Биллу говорить нельзя еще целую неделю. Нет, ну можно, конечно, но в целом нельзя. Это такой кайф!

Мы с Густавом захохотали. Том на нас подозрительно покосился. Я взяла Билла за руку и крепко сжала. Ткнулась носом ему в плечо.

«Как же я по тебе скучала».

«Я знаю... Я тоже...» — обнял в ответ.

Квартира находилась в самом центре Берлина и оказалась громадной. Пять комнат, огромная прихожая с холлом, большая кухня-столовая и три внушительных гардеробных. В самой маленькой комнате они с Томом хотели сделать студию, в самой большой — гостиную. Мебели, действительно, практически нет. Маленький диван, кресло, столик, мини-футбол, судя по драному целлофану, и огромная плазма в гостиной. На кухне — стол и три разных стула. В комнате Билла — невероятных размеров кровать и кресло в самом темном углу. На стене тоже висит плазма. И всё. Совсем всё. Ну разве что про эхо забыла, шугающееся по квартире вместе со мной, и откуда-то взявшийся кальян. Мальчики собирались «дунуть».

— Как вы тут спите? — удивленно приподняла бровь.

— Мы с Биллом на кровати. Георг и Густав приехали утром, и я пока не понимаю, как нас всех разместить. Мы сами только переехали, — пожал плечами Том. — За неделю обустроимся, все уже заказано, мелочи только остались. Я себе тоже такую кровать заказал. Но вот Биллу почему-то привезли, а мне нет.

— Лицом не вышел, — рассмеялась я.

Том фыркнул.

Повсюду разбросаны вещи, причем и Билловы, и Томовы, и Георга валяются бесформенными горками в самых неожиданных местах. Одежда Густава аккуратно сложена в раскрытой сумке. Везде банки из-под пива и коробки из-под пиццы. Клянусь, в холодильнике нет ничего, кроме пива. О, нет, есть яйца. Видимо, в магазин ходил Густик, потому что Билл обычно покупает какие-то сладости, Том — много пива, Георг — полуфабрикаты, а Густав умеет готовить несколько видов омлетов. Вспомнила всегда полный холодильник Штефана и загрузила. Привет, гастрит, не могу сказать, что я по тебе скучала.

Ночь была шикарнейшей. Густав откуда-то извлек яичный ликер, от чего я пришла в дикий

восторг. Том притащил консервированный ананас. Заказали несколько пицц и много суши. Ожидание коротали за пивом и глупыми байками, потягивая душистый кальян, подозреваю с чем-то не совсем законным, судя по тому, как через некоторое время мы все начали нездорово хихикать. И только Билл не пил и не курил, из-за чего капризничал и вредничал. Я уютно устроилась в его объятиях и цедила ликер, млея от удовольствия. Он целовал меня в шею, мусолил мочку уха, и забирался под широкую футболку, которую с барского плеча мне пожаловал Том в качестве домашнего платья. Одна его рука лежала на моем животе, вторая незаметно теребила грудку, прячась под тканью. Мы очень много смеялись. Я смотрела на закатывающегося от смеха Георга, на Густава, который с серьезной миной издевался над Томом, на Тома, хохмящего над Георгом, потому что он никогда не решался подкалывать Густава, и думала, что жизнь по-настоящему удалась, быть слабой не так уж плохо, как предсказывал мне разум. Я все узнаю попозже, ребята все расскажут в подробностях, и, боюсь, ни по одному разу, но сейчас не хочу. Мне хорошо, я абсолютно счастлива, спокойна и умиротворена. Как будто не было этих кошмарных трех недель, не было слез и безысходности, отчаянья и желания умереть. Рядом любимый мужчина, и пока не знаю, что побудило его обидеть меня, он обязательно объяснит это. Потом. Сейчас я хочу пить яичный ликер, нежится в его объятиях, курить кальян, есть пиццу и слушать болтовню наших друзей. Мой маленький персональный рай, в который я смогла вернуться.

Окна были плотно закрыты блэкаутами — шторами из светонепроницаемой ткани, поэтому нельзя понять, сколько сейчас времени, день ли на улице или ночь. Лишь полоска света из приоткрытой двери говорила о том, что остальная квартира залита солнцем. Мы спали вчетвером — я между близнецами и Георг по другую сторону от Тома. Правда, Георг все время сдергивал с Тома одеяло, тот мерз и лез под наше одеяло. А лежать между двумя горячими мужчинами, которые жмутся к тебе, оказалось несколько жарковато.

— Том, — капризно протянула я, кое-как выбираясь из-под конечностей братьев, которые они все сложили на меня. — Я из-за вас сварилась. Билл лежит на самом краю, того гляди свалится. Билл, скажи ему.

Том что-то проворчал и отодвинулся к Георгу, забрав наше одеяло с собой. Сладко засопел, причмокивая во сне. Мне стало холодно. Я упала на подушку и недовольно уставилась в потолок. Надо снять влажную футболку. И купить еще одно одеяло. Обязательно. Лично для Тома. Вот же блин, как спать теперь? Одеяло что ли отобрать? Спасибо, что с кровати не спихнул. Надо мной нависла сонная, мятая, чуть опухшая физиономия Билла. Я улыбнулась, аккуратно убирая волосы ему за уши. Он наклонился. Губы сухие, вкус горький, язык вялый... неспроснувшийся еще. Я целовала его с упоением, закрыв от удовольствия глаза, лаская тело. Его рука блуждала по мне, забиралась под футболку, скользила по животу, ниже, по стрингам и бедрам. Он очень осторожно прижимался ко мне пахом, целовал шею. Не выдержал, задрал футболку и припал к соску, покусывая его, дразня языком. Я старалась не выдыхать шумно, чуть выгнулась, подставляя тело. Рядом спят Том и Георг. Никакого секса. Только осторожные бесшумные ласки. Его пальцы внизу, настырно лезут под кружева трусиков. О, Боже! Палец проникает во внутрь. Выгибаюсь сильнее. Непроизвольно вцепляюсь в волосы, пропускаю, спутанные, сквозь пальцы, царапаю спину. Нежно ласкает набухшие губки. Знает, как довести меня до оргазма за считанные секунды, но не делает этого, лишь смотрит в глаза, улыбается, ласково целует.

«Люблю тебя», — жмурюсь от удовольствия.

«Люблю тебя, — язык скользит по губам, пробирается в рот. Он отрывается от меня, смотрит ирриво, закусив губу. — Идем?»

Киваю. Но не могу отпустить. Притягиваю к себе за затылок и опять целую. А его пальцы все так же ласкают внизу, и, кажется, я кончу здесь и сейчас, в полуметре от его брата и друга.

Билл неловко поворачивается и все-таки падает с кровати. Беззвучно хихикаем. Сажусь на край. Он подползает на коленях ко мне, встает между ног и начинает целовать живот и бедра.

«Ты простишь меня?» — смотрит жалобно снизу вверх.

— Посмотрю на твое поведение, — шепчу, кокетливо уставившись в потолок.

Язык по запястью. Маленькими поцелуями вверх по руке. Рука тянет меня на себя. Утыкаюсь носом в его волосы, вдыхаю их аромат.

«Простишь?» — улыбается.

— Люблю, — шепчу в приоткрытые губы.

Билл резко поднимается. Его живот перед моим носом. Трусы оттопырены. Наклоняюсь к нему. Легкое касание щекой по возбужденному члену сквозь трикотаж и быстрый поцелуй в пупок. Тянет меня за руку, глядя в глаза.

«Люблю», — сквозь улыбку.

«Люблю» — поднимаюсь.

Я скорее почувствовала, чем увидела его. Меня словно окатило ледяной водой, а сердце перепугано екнуло вниз. Я громко вскрикнула и отступила назад, шлепнувшись на кровать. Билл мгновенно побледнел и совершенно по-глупому закрыл меня собой. Том завозился. Георг оторвал голову от подушки и одним глазом уставился сначала на нас, потом на кресло, в котором тенью отца Гамлета сидел Дэвид Йост собственной персоной. Двинул Тому кулаком в бок.

— Ауч! — сонно вскрикнул Каулитц. — Охренел совсем?!

Гео включил бра.

Дэвид улыбался. Он был похож на сытую лису, которая забралась в курятник абсолютно незамеченной, и теперь в полной мере наслаждается полученным эффектом. Похоже, кур она сейчас будет душить исключительно ради собственного удовольствия.

— Дэвид? — заикаясь, пробормотал Том. — Ты как тут оказался?

— Дверь была открыта.

— Дерьмо, — одновременно выругались Том и Георг.

Билл бросил беспомощный взгляд на брата. Меня как-то нервно потряхивало, я не могла произнести ни слова. Мысль о том, что Дэвид видел, как мы с Биллом ласкались, вызывала в душе негодование — как он смел подглядывать?

— А зачем ты пришел в такую рань? — проявлял чудеса любознательности Том.

— Время, между прочим, пять часов вечера. Это, во-первых. — Дэвид говорил очень спокойно и миролюбиво. Но даже я знала, что это затишье перед настоящей бурей. — Во-вторых, у тебя,

Билл, сегодня на десять утра был назначен прием у врача, о чем я тебе вчера вечером напомнил, позвонив, а в восемь утра прислал смс. Ты накануне бил себя пяткой в грудь, что не забудешь, и тебя отвезет Том. Ну и?

Близнецы синхронно опустили головы. Забыли... Оно и понятно, в принципе, если учесть, сколько всего случилось с тех пор. Кажется, прошла вечность. Билл все так же глупо стоял между нами. Я уперлась лбом ему в поясницу.

— Дэвид, это мы с Густавом виноваты, — попытался спасти положение Георг. — Ну, точнее даже я. Я утром случайно утопил телефон Билла в унитазе, потому что он так противно пищал всю ночь...

Телефон Билла лежал на столе в гостиной. Я лично вчера ковырялась в настройках. В этой комнате его просто не было слышно.

Дэвид набрал номер и включил громкую связь. Вызов пошел. Где-то в глубине квартиры едва слышно зазвучала «Кричи!». Меня всегда веселил этот протест против звонков Йоста: «Ты просыпаешься, и тебе говорят, куда надо идти...»

— Наверное, уже высох, да? — ухмыльнулся он.

— Густав починил, — буркнул Том, недовольно покосившись на друга. — Он такой затейник.

— На все руки от скуки, — помрачнел Георг.

— А что фрау Ефимова у нас такая необщительная сегодня? — с издевкой спросил Йост.

— Я по утрам всегда необщительная, — буркнула я. Билл ухватил меня за запястье и сжал его.

— Мария, мы, кажется, обсуждали это. И ты уверяла, что не спишь с Каулитцем.

— Ты спрашивал про Тома. С Томом, как ты заметил, я не сплю. И еще, Дэвид, вне работы я встречаюсь, с кем посчитаю нужным. У меня есть личная жизнь, и я не обязана перед тобой отчитываться, — скромно выглянула я из-за Билла.

— Кстати о работе. Можно понять, где ты пропадала три недели?

— Я же тебе говорил, что она в Канаде, — влез Том.

— Я не у тебя спрашиваю, — зарычал Дэвид.

— В больнице, — призналась честно.

— И подтвердить можешь?

— Могу.

— Это хорошо, если ты сможешь подтвердить свою болезнь. Все-таки увольнение за нарушение контракта не совсем то же самое, что увольнение за уклонение от выполнения своих должностных обязанностей.

— Дэвид! — в один голос возмутились Том и Георг. Билл встал в позу «звезда в шоке». В трусах он особенно хорошо смотрелся в этом образе.

Я рассмеялась.

— Ты серьезно решил меня уволить? Боюсь, это не в твоих силах.

Дэвид поднялся и подошел к нам. Отодвинул Билла в сторону и наклонился ко мне.

— Если надо, тебя депортируют из страны и въезд в Европу тебе будет заказан, — скалился он, приблизив свое лицо к моему вплотную.

— Где ты был все эти три недели? — самоуверенно ухмыльнулась я, нагло глядя ему в глаза. — Еще вчера я бы с удовольствием воспользовалась твоими услугами. А сейчас, боюсь, у тебя ничего не выйдет. Впрочем, можешь попытаться.

— И пытаться не буду. Ты уволена.

— Ну и слава богу, — фыркнула я, поднимаясь.

— Если бы ты только знал, — захохотал Георг, рухнув на подушку. — Близнецы тебе этого не простят.

— Дэвид, ты с ума сошел? За что ты ее уволил? — подскочил Том. — А как мы без переводчика? Опять каждый раз с новыми? А кто будет на переговоры с тобой ездить?

— И если ты надеешься на их помощь... — кивнул Дэвид в сторону Билла.

— Отчего же? Я всегда рассчитываю только на себя и в адвокатах не нуждаюсь. Спасибо, что настолько облегчил мою жизнь. Ты даже не подозреваешь, какой подарок мне сделал, — я широко улыбнулась и вышла из комнаты.

— Дэвид, — зло зашипел Том за моей спиной, слезая с кровати.

В ванной я включила воду в душевой кабине и уселась на край джакузи. Что-то быть настолько слабой в мои планы не входило. Если Йост меня уволит — это полбеды, я всего лишь останусь без денег и действительно ненадолго превращусь в содержанку. Хуже будет, если он меня депортирует. Вот в юриспруденции я не сильна, а надо было бы. Что делать-то? Кстати, Билл вчера доказывал, что он мужчина, вот пусть и решает проблемы своей женщины. Надо же так глупо проколоться. Полгода шифровались, прятались, скрывались, в туре все хорошо было, а в квартире попались. Даже если Билл не даст меня уволить, Дэвид способен сделать мою жизнь невыносимой, и я уйду сама. Что-то месяц явно неудачный, то одно, то другое. Я залезла под воду и закрыла глаза, подставляя лицо теплым струям. Не надо было уходить. Со стороны покажется, что я сбежала. А я на самом деле сбежала. Я опять поступила, как слабая женщина. Меня уволили, а я вместо того, чтобы тут же показать зубки, встала и позорно сбежала. Ну и черт с ним. Тела коснулись чьи-то руки. Я дернулась. Билл игриво улыбался. Вода смешно стекала по его лицу, волосы повисли сосульками.

— Напугал, — провела по скулам пальцем, обняла его за талию.

Он погладил меня по бокам, руки спустились на поясницу.

— Дэвид ушел?

Билл покачал головой и чуть поморщился.

— Он там хотя бы жив? — улыбнулась.

Вытиевато покрутил рукой и закатил глаза. Потом показал, что все окей.

Я вздохнула.

— Знаешь, у меня какие-то странные ощущения. Не понимаю, что со мной. Вроде бы ты и не ты... Я и не я... Во мне что-то сломалось. Я хочу, чтобы было, как прежде, и понимаю, что как прежде уже не будет. Все-таки, как чашку не склеивай, она все равно не будет прежней.

«Наши отношения не чашка», — написал на запотевшем стекле.

Покрутил головой, пытаюсь найти поверхность побольше:

«Во всех отношениях есть спады и подъемы. Я много думал. Я хочу быть с тобой. Только с тобой. И я хочу сделать тебя счастливой». — Стекло кончилось. Билл улыбнулся, нарисовал мне на груди сердечко и поцеловал в то место.

— А если... — Его палец лег мне на губы.

«Доверяй мне», — беззвучно.

Я вздохнула.

Он целовал меня нежно и тягуче, ласкал медленно и сладко. Я подставляла шею, кусала губы и тихо постанывала. Он был таким необыкновенно внимательным, таким заботливым. Билл гладил, просто гладил, скользил ладонями по спине и животу. Казалось, что он пытается смыть с меня все сомнения, зацеловать печаль, словно аккуратно снимает чужую шкурку, в которой я случайно очутилась. А я жалась к нему всем телом, закрывала глаза и пыталась вспомнить свои прежние ощущения. Все будет хорошо — билась маленькая жилка-мысль. Все будет хорошо, — стучало сердце. Все будет хорошо, — улыбался разум.

«Все будет хорошо», — написал он на стекле.

«Я тебе верю», — приписала я рядом.

НЕНАПИСАННЫЕ СТРАНИЦЫ

1

Первым делом выставил Мари из квартиры. Я знаю ее. Пока она ошарашена с ней еще можно совладать, как только эмоции перекроют мозги — всё, тушите свет. А они перекроют. Они просто ее закоротят, и она тут всех вынесет. Главным образом эту идиотку. Вот придурок! Откуда ж такие придурки берутся? Подарок, блин, на день рождения!

— Я вызову вам такси. — Голос звучит слишком холодно и очень агрессивно.

— Не надо, мой котенок. Меня в такси ждет Мартин. Я всего лишь довела Билли до квартиры. Сам он не смог. И никто не смог, кроме меня.

— Какой Мартин? — Как же бесит...

— Мой парень.

Вывожу ее из квартиры под локоток. Провожая к такси, хотя очень хочется спустить с лестницы, желательно головой вниз. Завтра будут адские проблемы. Такие, что даже заранее

думать о них не хочется. Она что-то пытается говорить заплетающимся языком, но я так зол, что готов ее придушить. Мари ведь черте что подумала. Еще этот со своим длинным языком. Такое ей сказать! Идиот конченный.

Заглядываю в машину, чтобы понять, с кем был Билл. У дальней двери спит Энди, у него на коленях расположилась какая-то телка. Упитый в хлам парень навалился на них. Подозреваю тот самый Мартин. Все невменяемо пьяные. Девушка села на переднее сидение.

— А вы где были-то? — спрашиваю у нее. Если Билл зажигал с Энди, то все в порядке. Осталось убедить Мари, что это не его телка, и уж тем более не его одноразовая шлюха.

— У Мартина день рождения. Праздновали в клубе. Билли, любовь моя, только кислый сидел. Но мы его споили и развеселили.

— Я заметил. — Отошел от машины. Та плавно тронулась с места. — Завтра он особенно поохочет. Чувствую, это будет неповторимое веселье, запоминающееся, самое лучшее в его жизни.

Поднимаюсь к Мари. Стою несколько минут под дверью. В квартире тишина. Наверное, легла спать. Это хорошо. Завтра на свежую голову проблемы будут выглядеть иначе. Она поймет. Она его всегда понимала.

Я проснулся около двенадцати. Билл так и валялся на полу в гостиной, сжавшись в комок, наверное, замерз, уполз куда-то под стул. Проснется — долбанется. Гы-гы. Рядом с телом валялись ее документы, органайзер, диктофон. Мари никогда не расстается с диктофоном. Иногда мне кажется, что она с ним спит. Надо ей позвонить. Только бы телефон не отключила. Интересно, она уже встала?

Волновался ли я, открывая квартиру? Нет, не волновался. Я умирал от страха, обвинял себя во всех смертных грехах, и готов был биться головой о стену, если это поможет.

Вбежал в гостиную. Чуть не навернулся, наступив на какую-то хрень. Шарик? Бусина? Бусы, которые были на ней вчера, рассыпаны по всей гостиной. Туфли лежат так, словно их снимали на ходу. В спальне все убрано, кровать застелена, как будто сюда никто не заходил и уж тем более не спал. Перед дверью ванной помедлил. Она же не дура, правда? Резко открыл дверь. Гора упала с плеч — никого. Зашел в гардеробную. Вещи на месте. Два чемодана и большая дорожная сумка тоже. Отлично! Может быть, ушла куда-нибудь? В магазин... Или еще куда-то? Может, захотела погулять. Она не завтракала — на кухне чисто, в квартире не пахнет едой. Еще раз набрал ее номер. Телефон затренькал в гостиной. Он лежал на каминной полке. Я смотрел на него и не понимал, в чем дело. У нее на каждого из нас стояла своя картинка. На Билла — звезда. На меня — уголок губ с шариками подковки, похоже на смешную розовую гусеницу с металлическими глазками. На Густава — улыбка и средний палец. На Георга — прищуренный хитрый глаз. Дэвид был в образе «злого Про и тру Босса». Сейчас от меня шел звонок, но кроме номера ничего не высвечивалось. Я взял телефон. Список контактов пуст. Браслет с сердечками и кольцо, которое она никогда не снимала, красноречиво указывали на то, что разговора не будет. Черт, кажется, он ударил сильнее, чем я думал. Ну и куда ты ломанулась, глупая девочка?

— Да, Том, она ушла часов в шесть. Около того.

— Ушла или уехала?

— Я не знаю. Если и была машина, то она не въезжала во двор. Знаете, она плакала. Мне

кажется, что и сама не понимала, что плачет. Лицо спокойное, говорит нормально, а по щекам слезы текут и руки дрожали очень сильно. Я еще хотел вам сразу же позвонить, но побоялся.

— Надо было позвонить.

— Вы забрали ключи?

— Да. Спасибо, герр Отто. Надо было позвонить...

— Том, если она вызывала такси, то на телефоне может сохраниться последний набранный номер. Попробуйте. Мне жаль, правда...

Я несколько секунд смотрел на трубку домашнего телефона, а потом нажал «Повтор», с замиранием сердца прислушиваясь к звукам. Набор пошел...

Расписание центрального вокзала было кратким и лаконичным. В промежутке между шестью и семью часами с него отправлялось всего три поезда — экспрессы на Берлин и Кельн и скорый на Мюнхен.

— Полина, привет. Это Том Каулитц. Узнала? Мне очень нужна твоя помощь. У нас серьезные проблемы...

Водитель сказал, что девушка была в полной прострации, курила одну за другой и, кажется, совершенно не осознавала, что плачет. Твою ж мать... И вот куда она уехала без денег и документов?

— Михаэль, привет. Это Том. Мне нужен хороший детектив. Телефоном не поделишься?

Перед выходом из дома еще раз посмотрел на сжавшегося на полу Билла. Счастлив в неведение человек. Спит... Вот гадом буду, но плед не принесу. Пусть скажет спасибо, что Мари остановила, иначе бы точно убил. Телефон... Я поднял его трубку и быстро пролистал входящие. Меня интересовали звонки с семи до девяти вечера. Энди, Мари, мама, Энди, я, Энди, Энди.

— Энди, привет. Нет, это Том. Что вчера было?

Посмотрел исходящие — Мари, Георг, Мари, Алекс, Энди, Энди...

Алекс... Алекс... Наш новый охранник.

— Саки, привет, это я. Передай Алексу, что он у нас больше не работает. И еще, лично от меня — пусть больше никогда не попадается мне на глаза, я ему яйца оторву. Не забудь только про яйца. Это важно.

Бросил телефон на пол и ушел из квартиры. Меня ждут люди.

Билл на что-то крупно залупился. Когда я приехал, он уже встал и не вылезал из своей комнаты весь вечер. Я тоже не горел большим желанием общаться. Йорг Цирке сказал, что они сделают все возможное, но если девушка уехала в крупный город — найти ее там будет крайне проблематично, а если откровенно, то нереально. Мы договорились, что он будет высылать отчеты каждый вечер на электронную почту и раз в неделю дублировать данные по обычной почте. Завтра герр Цирке представит мне идеи, что и в каких направлениях они будут прорабатывать и озвучит точную сумму. А сейчас спать. В ее побеге есть только один плюс —

теперь по ночам у нас в квартире будет тихо. Все-таки эти стоны за стеной неприятно давят на нервы. Ее телефон ожил — смс. От Билла. Соскучился?

«Нам надо поговорить».

Ну-ну... Бог в помощь.

К утру их набралось несколько штук: «Почему не отвечаешь?», «Тебе стыдно смотреть мне в глаза?», «Мне противно даже вспоминать о тебе!», «Ну и пошла ты...» — дальше матом. Придурок. Спорный вопрос, кто из вас туда пошел.

Все утро я просидел в интернете в надежде, что придет сообщение от Полины, изучая, как можно выехать из страны без документов. У Мари нет денег, значит, она обратится к Полине за помощью — это первое. Второе — она пойдет в консульство за справкой на выезд. Значит, ловить ее нужно именно у консульства. Остается понять, куда она могла уехать. Кстати, а сколько у нас российских консульств? Полина сказала, что она может обратиться к этому Родриго, де, они давние друзья, он до сих пор любит ее и не откажется помочь. У него много связей. Он вывезет ее из Европы в течение суток, максимум двух. Только бы она к нему не обратилась. А ведь еще есть родители... Но они в Канаде. Без документов она в Канаду не попадет. Остается Полина. Как только Мари выйдет на связь, Полина нам тут же позвонит.

Билл звонил ей. Ходил мрачный по квартире из угла в угол и звонил. Слал смски, сердился, требовал, ругался и просил. Какой идиот...

— Мари с тобой приехала? — сел в кресло рядом со столом.

— Со мной. Еще позапрошлой ночью.

— Ну и где она? Я не могу до нее дозвониться. — Билл потыкал в кнопки и приложил аппарат к уху, обхватив колено рукой и уткнувшись в него носом.

Телефон Мари тут же засветился и едва слышно зачирикал. Билл звонил, косясь на лежащую на столе трубку.

— Слушай, возьми трубку, ну бесит же! — прохрипел зло.

Я пожал плечами.

— Алло?

— Том? — удивленно уточнил Билл. — Дьявол! Наверное, по привычке набрал тебе. — Скинул вызов и снова набрал. Телефон опять засветился и зачирикал. Он недоуменно уставился на аппарат. — Это же... ее... — растерялся. — Почему он у тебя?

— Она оставила его, когда уходила, — произнес спокойно и даже немного безразлично.

— В смысле?

— В прямом. Там, кстати, еще браслет остался на каминной полке. И кольцо.

— Какое кольцо? — едва слышно спросил брат, а я чувствовал, как по его телу разливается холод и боль начинает пульсировать в солнечном сплетении.

— Она носила только одно кольцо, — равнодушно дернул я плечами, вновь утыкаясь в

монитор. Надо выписать координаты русских консульств. Интересно, реально попросить их не давать ей свидетельства на выезд?

Билл как-то резко сошел с лица. Подвис на несколько секунд, незрячими глазами глядя перед собой. Потом болезненно перекинулся и шепотом бросил:

— Оно и к лучшему. — Встал и медленно, как старик, пошел к себе.

— Да, оно и к лучшему, — ухмыльнулся я грустно.

В обед пришел план работы от детективов, договор и первый отчет бонусом. Герр Цирке предложил поставить человека у консульства в Берлине, остальные будут работать в городе. Они точно установили, что Мари уехала в Берлин, и прислали расшифровку и аудио-файл разговора с кассиром.

«Да, это она. Я запомнила ее. Никого не было. Она плакала. Не так вот вздохнул, а как будто бы не осознавая этого. Видно, что давно плакала. Глаза были очень воспалены. Говорила тихо и глухо, с очень сильным акцентом. Мне кажется, она была не в себе. Она попросила любой ближайший. Я дала Берлин. Спросила, нужна ли помощь. Она отказалась. У нее еще руки дрожали так сильно. Я подумала, что кто-то умер». Твою мать... Как же он тебя приложил-то... Подписал контракт, выписал чек. Девочка моя, как же он тебя приложил... Ты только там без глупостей, давай. Герр Цирке найдет тебя, чего бы мне это не стоило.

Гостиная постепенно заполнялась чемоданами и веселыми голосами друзей — Георг и Густав выгружали наш с Мари багаж. Билл крутился рядом, бледный, улыбающийся через силу. Он весь преобразился, когда заметил знакомую сумку с ее ноутбуком. Словно, это было что-то такое, ради чего она обязательно вернется. Да, она никогда не расставалась с ним. Наша Мари — это диктофон, ноут и азарт в глазах. Сейчас у нее нет ничего — ни диктофона, ни ноутбука, и готов поклясться, ни азарта в глазах. Похоже Билл возлагал на ее комп большие надежды, судя по тому, как живо его сцапал и унес к себе. Только, боюсь, она тебе его подарила.

— Как ты? — спросил Георг у брата, когда они наконец-то перестали таскать вещи.

— Врач сказал, что сейчас надо снять воспаление, а потом уже будут смотреть. На следующей неделе, скорее всего. На антибиотики посадили. Чешусь весь.

— Мыться не пробовал? — сострил Густав, вытаскивая из пакета три бутылки пива и один пакет молока. — Детям — молоко, мужикам — пиво! А где Мари? Я ей «Яичный ликер» купил, как она любит.

— Густав мне всю плешь с ним проел! Мы пол-Лиссабона облазили ради этой дряни. Как это вообще пить можно? — поморщился Георг.

— Маленькими глоточками, — растекся в довольной лыбе Густав.

— Уехала. — Я отковырнул крышку и присосался к горлышку. До чего ж хорошо!

— Куда уехала? — улыбался Георг. — Опять? Она же только вернулась. Вроде бы не говорила, что ей надо снова в Москву.

— Надолго? — Густав открыл свою бутылку и развалился в кресле.

— Не знаю. Оставила все и уехала в ночь. Так спешила, что ни документы не взяла, ни денег

не попросила. Так что все вот это добро, — я широким жестом обвел кучу из чемоданов, — теперь твое, Билл.

Билл вздрогнул. Георг все еще улыбался, но уже как-то совершенно не естественно. Густав поправил очки и недоуменно уставился на меня. Весь его вид сейчас говорил только одно: ну и дурак ты, Том Каулитц!

— Погоди! Она же не планировала никуда уезжать... — не верил Густав.

— Да, и она... Да она просто не могла уехать! — все-таки с лица Георга сползла улыбка.

— Почему она уехала? Куда?

— Она же так рвалась в Гамбург!

— О, да! Рвалась... — А теперь прости, мне хочется, чтобы ты узнал, каково было ей. — А у нас всё вышло лучше не бывает. Мы приехали среди ночи, а Билл тут не один отрывался пару дней. Везде окурки, бутылки, презервативы. Кстати, брат, ты убрал использованные резинки из-под своей кровати? Я их туда незаметно зашвырнул, чтобы Мари не увидела. Хотя не факт, что она их не заметила.

— Я ни с кем не спал! — зло зашипел Билл, моментально став красным.

— А мне это доказывать не надо. Это не мое дело: спал — не спал, изменял — не изменял. Не могу же я брату задницу не прикрыть. Не расстраивайся, я не скажу ей про три использованных презерватива, которые валялись у изголовья твоей кровати. Вашей, заметь, кровати. — В гостиной повисла тишина. Билл, красный, как свекла, качал головой и беззвучно открывал рот. Георг то смотрел на меня, то переводил взгляд на Билла. Густав застыл с недоумением на лице. Я улыбнулся, наслаждаясь эффектом.

— Да ты силен, брат, — уважительно выдал Георг.

— Сексуальный маньяк просто, — ухмыльнулся Густав.

Я продолжил спокойно:

— В общем, пока мы с Мари обзванивали родителей и друзей в четыре утра, Билл к нам сам заявился. Да не один. С прекрасной дамой. Только вот гостья явно не думала, что их встретят. Она липла к нашему Казанове, называя его исключительно Биллилюбовьмой. «Биллилюбовьмой, а кто это?» — «А это блядь нашей группы. Наша группис. Знаешь, что такое группис? Это бляди, которых мы ****. Кто попросит, тому и дает, она всем дает. Это соержанка и блядь», — я говорил это в упор глядя брату в глаза, даже стараясь передать то презрение, которое тогда царило в каждом слове. И по тому, как его глаза становились все больше и больше, понимал, что он этого совершенно не помнит.

Густав и Георг заржали. Билл замотал головой.

— Я не мог такого сказать, — залепетал перепугано. — Категорически не мог. У меня бы язык не повернулся, такое ей сказать.

— Он серьезно так сказал? — недоумевал Георг.

— Вот прям так и сказал? — веселился Густав.

— Практически слово в слово, — отозвался я хмуро.

— Я не мог! — рявкнул Билл прорезавшимся голосом. — Не мог! — В глазах паника и ужас.

Я протянул ему телефон Мари.

— Да? Тогда откуда у тебя синяк на морде? На, позвони ей и узнай, из-за чего она сбежала от тебя, в чем была, без документов и денег, бросив всё.

— Ну и правильно сделал, — гоготал Густав. — А кто она? Живет на полном нашем обеспечении, мотается с нами в туре. Все правильно, Билл, ты сказал.

— Уехала, ну и хорошо, — похлопал себя по животу Георг. — Теперь, Билл, ты свободный мужик и можешь развлекаться вместе со всеми. Все-таки иметь бабу под боком в туре не очень удобно.

— Охуели?! — подскочил я. — Человек в чужой стране остался без средств к существованию и документов!

— Ну, это была ее инициатива, согласись, — пожал плечами Георг.

— Вот именно, — вякнул Билл, криво улыбаясь и косясь на парней. — Так ей и надо.

— А ты вообще, блядь крашенная, заткнись! — заорал я на брата. Меня колотило от ярости.

— Я — блядь?! — подлетел ко мне Билл. — Это ты меня, мразь, блядью называешь? Любимую шлюху обидели? Ну и как тебе? Понравилась? Каково ****ь телку своего брата, а?

Я даже закрыться не успел, получив ногой в район паха. Обычно ребята нас не растаскивают. Мы крайне редко деремся, обходясь обычными скандалами. Но сейчас Биллу не повезло. Стало ужасно обидно, что я несколько дней запрещал себе даже думать в ее присутствии о сексе, всячески оберегал ее от Йоста, всю ночь не спал, чтобы не дай бог не проколоться и не прижаться к ней стояком, когда она липла ко мне и шептала во сне его имя, и я же еще и виноват? Я двинул ему по морде, разбивая губы. Налетел и повалил на пол. Хотелось бить его до тех пор, пока на костяшках не выступит кровь. Бить за себя, потому что не смог ее уберечь, хотя очень старался. За девчонку, потому что любит его безумно. За него самого, потому что в голове родились такие мысли. Хотелось убить нас троих, потому что... Густав, сволочь, сильный. Оттащил. Я еще извернулся наподдал Биллу ногой. Георг еле его удержал. А мне похуй! Урод! Не был бы братом, был бы трупом!

— Объясни, что случилось? — потрянул его Георг. — Нормальным языком объясни.

— Они трахались! Мне рассказали! С подробностями! — хрипло завопил Билл, размазывая по щекам кровь.

— А когда ты успел? — нахмурился Густав, повернувшись ко мне.

— На *** пошел! — вырвался я. Взял сигареты со стола. — Я все время с вами был!

— Я, конечно, не могу утверждать, что Мари вся из себя такая правильная, но, Билл, она от нас почти не отходила. Все эти несколько дней она была с нами, — мягко, как идиоту, объяснял Георг. — Просто... Понимаешь, так получилось, что мы специально напились и ночевали у нее, а потом у Тома. Она постоянно была у нас на виду. Ну, если только Том там быстренько без нас

не совокупился с ней где-нибудь за углом, в чем я сильно сомневаюсь.

— Что ты мне врешь?!

— Он правду говорит. Мы вместе держались, — подтвердил Густав. — Я слышал, как Йост с кем-то по телефону говорил, что есть несколько свободных дней, а у него в команде такая телка бегаёт, что очень бы он хотел с ней покувыркаться. Только телка коготки выпускает, не дается, но его это лишь раззадоривает. Мы с парнями посоветовались и решили, что Мари такие проблемы не нужны. Йост ведь заставить может.

— Не то, чтобы мы ее для тебя решили сохранить. Хотели всего лишь избавиться от проблем с Дэвидом. Ты ж сам знаешь, какой он сукой бывает, если что-то не по его идет.

— Мы ночевали все вместе и были все вместе все дни. Том не мог ее трахнуть. Физически не мог. Да, она крутилась около него больше остальных, он «больным» активно прикидывался, но у них элементарно на это не было возможности.

Билл посмотрел на меня черным взглядом, как будто пытаюсь прочесть мысли.

— Мы обсуждали с тобой это. Я не трахаю телок своего брата, — мрачно отозвался я. — Мне воспитание не позволяет.

— А Дэвид? — рычал Билл. — Они же ездили куда-то вместе!

— Они ездили в сопровождении тур-менеджера принимающей стороны на переговоры, — Георг открыл вторую бутылку пива. — Их привезли организаторы и увезли. Они в ресторане каком-то были. Это мне даже не Мари сказала, а Тоби. Я специально спросил его о том, куда они мотались.

— Билл, что тебе Алекс рассказал? — спросил я, закуривая вторую сигарету и протягивая ему чистое полотенце для рук.

— Сказал, что Мари полдня с Йостом в ресторане была. Потом ты ночевал у нее, а на следующую ночь она спала у тебя. Сказал, что слышал стоны... Все дела... Что вы явно вместе... — он аккуратно промокал кровь.

— Какой же ты идиот... Ладно... А что за разгром был в квартире? По какому поводу праздник?

— Энди навел каких-то телок... Одолели. Мне пить нельзя, я на антибиотиках, а смотреть на их пьяные рожи ну никаких сил не было. Ко мне тут же клеиться начали... Короче, я от всех в квартире Мари скрылся и просидел там сутки, пока они не разошлись. Вернулся домой — бардак жуткий, хотел на утро заказать клининг... А потом Алекс вот... рассказал...

— Ты мог позвонить? — вздохнул я.

— Не мог. Я же знаю, что она тебе тоже нравится.

— Билл... — я поморщился. Стало очень неприятно и обидно. — Она мне может нравится хоть сто раз, но это же не повод ее трахать в твоё отсутствие. У нее эти дни на языке было только одно слово — Билл. Ну и какой смысл мне ее трахать, если она меня в постели будет твоим именем называть?

— Какая разница, — усмехнулся Густав. — Вы же все равно одинаковые.

— Потом друг другу в любви объяснитесь, — расслабленно закинул ноги на подлокотник Георг. — И что теперь делать? Вы ж не будете ее в самом деле искать?

— А что ты предлагаешь? — приподнял я бровь.

— Побегает и сама вернется. У нее же не было денег, если мне не изменяет память, а сейчас нет документов. Она не выедет из страны... Никуда не денется, прибежит.

— Не прибежит... — пробормотал Билл. — Я ее знаю, она не прибежит.

— Забей! Позвонит своему этому... бывшему, не помню как зовут. И он, как Чип и Дэйл, тут же поспешит на помощь.

Лучше бы Георг молчал. Билл сначала побледнел, потом покрылся красными пятнами и зарычал:

— Только пусть сунется к ней!

— Ну и что ты сделаешь? — засмеялся Георг. — Всё, она свалила от тебя. Теперь с кем хочет, с тем и трахается.

— Кончай над ним издеваться, — поморщился Густав. — Мари надо у консульства ловить.

— Ты пойдешь ее под дверями караулить? — огрызнулся я раздраженно. Бля, все такие умные, куда деваться! — Консульства есть в Берлине, Бонне, Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене и Франкфурте.

— Ну, логично предположить, что без денег и документов она никуда из Гамбурга не денется. Значит, у нас и надо искать, — серьезно смотрел на меня Георг. — Если бы она мне была нужна, то я б обзвонил знакомых, у которых Мари могла зависнуть. Засела, небось, где-нибудь на квартире и ржет, что Каулитцы по ней с ума сходят. Все они, бабы, суки, им лишь бы нервы порядочным людям помотать. Никуда она от тебя не денется, Билл. Поломается, повыделывается, характер покажет и вернется. Даже время на нее не трать.

— Ну-ну, — усмехнулся я. — Позовите посмотреть, как она вернется.

— Том, не драматизируй. Георг прав. Мари у кого-то в Гамбурге зависла. Вернется за вещами, никуда не денется.

— Она в Берлине. Села на поезд и уехала. И она не вернется, поверь мне. Ты не видел ее в тот момент. Она не спряталась у кого-то на квартире. Она безмозгло чесанула куда-то в ночь, лишь бы подальше от нас.

— Откуда ты знаешь? — с надеждой спросил Билл.

— Детективы выяснили.

— У нее там есть друзья? — допытывался Густав.

Я покачал головой.

— Ну бред же! Она должна у кого-то остановиться. Зачем ехать туда, где тебе даже остановиться не у кого? — пожал плечами Георг.

— И наш консьерж, и таксист, и кассир сказали, что она была невменяемой. Не уверен, что в тот момент она думала о последствиях.

— А кредитки? — тихо спросил Густав. — Она же должна была на что-то купить билет? Мари иногда выкидывает фортели, но у нее все в порядке с головой, чтобы не выходить из дома без кредиток.

Я достал ее паспорт и бросил на стол перед Биллом.

— Сколько у нее было кредиток?

— Три, — едва слышно буркнул он, открывая паспорт. — Две русские и одна наша. — Из-под прозрачной пленки достал три кредитных карточки. Выматерился.

— Не понимаю, что вы паритесь, — Георг забрал паспорт у брата. — Сами подумайте, какая телка в здравом уме добровольно кинет самого Билла Каулитца? Она сейчас пару дней на улице поживет и вернется, вот увидите.

— Георг, на улице вообще-то март, — напомнил я. Никак не пойму — он серьезно или издевается.

— Тем более. Ну сколько можно выдержать в марте на улице без денег и документов? Максимум два-три дня.

Билл опустил голову.

— Ты звонил Полине? — Густав потер виски.

Я кивнул.

— Мари не будет ей звонить, — мрачно выдал Георг, наконец-то перестав издеваться над нами. — Она же понимает, что Полина — первый человек, у которого ее будут искать. Если бы я хотел скрыться, то не стал бы ей звонить. Надо искать ночами по вокзалам. Там тепло и можно перекантоваться несколько дней. А еду можно тырить в крупных супермаркетах с самообслуживанием. Возможно, есть какие-то социальные службы, куда могут обращаться женщины, я не знаю, типа пострадавшие от насилия в семье. Можно попробовать связаться с русской общиной в Берлине.

— Я уверен, что она позвонит подруге. У Полины ее деньги, — сказал я.

— Полине надо узнать, где она остановилась, — оживился Густав. — Самое главное — адрес. Вряд ли тут ей помогут простые обыватели, надо искать по социальным службам. Документы будут восстанавливать несколько дней. Все это время она должна где-то жить, что-то есть и на что-то выехать из страны.

— Густав прав, — кивнул Георг. — Зажать деньги и документы...

— А смысл? — не понимал я ход их мыслей. — К тому же без паспорта она не сможет получить деньги. А без денег мы обрекаем ее на голодное существование на улице.

— Ну что ты тупишь-то? — поморщился Георг. — Все просто. Это даст нам время, чтобы найти ее, поговорить, объяснить, как дело было. Она поймет. Если говорить по-умному, то простит. Хотя, простите, но с претензиями Мари на эмансипацию, думаю, вас ждет жестокий облом.

— Да, я согласен, она даже разговаривать не будет, — кивнул Густав. — Если то, что сказал Том, правда, Мари пошлет нас к черту, а о Билле слышать не захочет.

— Почему? — в один голос.

— Мне так кажется... Она вообще с собой ничего не взяла?

Я покачал головой.

— И ушла, получается, два дня назад? — все тише и тише бубнил Густав.

— Три.

— Надо заявление в полицию писать. За три дня она бы объявилась у Полины. Я боюсь, как бы... — посмотрел тяжело на Билла.

— Она же не дура, — фыркнул я.

— Она не в адеквате, — напомнил Густав.

— В общем, план такой, — вздохнул Билл. — Сейчас мы устанавливаем место, где она живет, я еду туда и уговариваю ее вернуться.

Люди рыли землю носом. Мари добралась до Берлина, вышла с вокзала и растворилась. В поезде она ехала с каким-то парнем. Проводница утверждала, они не были знакомы до этого. Парень явно старался привлечь ее внимание, но девушка на него не реагировала. Она, мокрая насквозь, сидела и плакала почти всю дорогу. Он отпаивал ее чаем и развлекал болтовней. Она почти не реагировала, он ее явно раздражал. Проводница хорошо запомнила эту пару, потому что несколько раз делала им чай. Да, парень просто к ней клеился, ничего больше. Она описала его как высокого, красивого, голубоглазого блондина. Узнав, что Мари свалила с каким-то мужиком, Билл закатил скандал. Я еще порадовался, что у него горло болит, и он не может полноценно орать. Ему опять везде мерещилась подстава, сговор, обман и измена. Я смотрел на составленный фоторобот того парня, читал его описание и пытался понять, может ли он ее заинтересовать. Увы, может. К тому же он — это ее шанс не остаться на улице в марте. Лично я бы его использовал. Только вот кто он? И как его найти?

Полина не звонила. Неделя прошла, а Мари так и не объявилась. Билл психовал, орал и на всех кидался. Я старался держаться спокойнее, хотя нервы тоже сдавали. Он забрал все ее вещи, не расставался ни на минуту с телефоном, несколько раз на дню проверял ее почту, висел в месенджере, в надежде, что она появится в Интернете. Он забросал ее письмами. Он верил, что рано или поздно она появится в своем почтовом ящике, и прочитает его письма. Только Мари не появилась в Интернете за неделю ни разу. Билл весь извелся, навывдумывал, что с ней что-то случилось, ее украли, убили, закопали. Он срывался. Вел себя по-хамски с врачами и охраной. Орал на Дэйва, в котором обнаружил главный источник своих бед. Настоял, чтобы мы давали интервью всем желающим — чем больше в прессе и по телевизору будут трюндеть о том, как тяжело больна юная звезда, тем больше шансов, что Мари узнает об этом и вернется. Он хотел заполнить собой все пространство вокруг нее. Мари не звонила. Не только нам, никому. Полина обзвонила всех общих знакомых в России, звонила Родриго и ее родителям в Канаду. Мари пропала...

— Она в больнице! — влетел я в комнату брата. — Мне только что звонил герр Цирке. Они нашли ее.

Билл подскочил, словно его окатили водой.

— Что с ней?!

— Потеряла сознание на вокзале, ее забрали в городскую больницу. У нее какая-то вирусная инфекция, стресс и острая депрессия. Организм ослаблен и на фоне сильного стресса дал сбой. Герр Цирке сказал, что вечером придет полный отчет. Они ее сфотографировали.

— Поехали, — начал он быстро снимать с себя спортивные штаны и футболку.

— Подожди! Куда ты собрался?

— В Берлин. Надо ее забрать оттуда.

— Билл! Ты спятил?

— Шевелись, давай, — он собирал волосы в хвост. — И оденься так, чтобы нас не сразу узнали. Давай, шевели лапами, я пока лицо нарисую.

Всю дорогу Билл вел себя как умалишенный. У него совершенно не закрывался рот. Он пел, хлопал в ладоши и скакал. Я проклинал тот момент, когда дал слабину, и согласился поехать в Берлин на машине, а не на поезде. Но поезд до Берлина был только вечером и Билл не хотел ждать. Мы репетировали разговор. Обыгрывали ее возможные ответы, реакцию, психи. Билл настраивался только на победу. Я ж обдумывал, как бы ее взять измором, потому что Мари просто так не сдастся. Главное, вернуть ее домой, а уж там я сделаю ей мозги, глазом не успеет моргнуть, как задурю, заболтаю.

— То есть как вы ее выписали? — Билл подался вперед, нависнув над бедной женщиной словно скала.

— У меня не было оснований задерживать ее в стационаре. Опасность для жизни миновала, и мы ее выписали. Это стандартная процедура.

— Куда? У нее ни документов, ни денег! Как вы могли ее выписать? — орал он.

— Послушайте, герр Каулитц, мы и так сделали все возможное для вашей сотрудницы. Мы предложили ей через социальную службу два приюта...

— Вы в своем уме?! — чуть ли не с кулаками бросился на нее Билл. — Мария и приют! О каком приюте вы вообще говорите? Как вы могли предложить Мари пожить в приюте?!

— Прекратите орать! — осадила его врач. — У девушки не было ни документов, ни одежды. Она сказала, что у нее никого нет в Германии, к кому бы она могла обратиться за помощью. Мы и так пошли ей навстречу и сделали все возможное.

— А что с ее одеждой? — нахмурился я.

— Она поступила к нам из приемного отделения в одной больничной сорочке.

Билл шумно выдохнул и относительно спокойно спросил:

— В какой приют ее забрали?

— Ни в какой. Она отказалась и уехала с молодым человеком. Он звонил пару раз на неделе,

спрашивал, как себя чувствует русская девочка, а потом забрал ее. Она сказала, что знает его.

— Какой молодой человек? — Билл от гнева покраснел.

— Я не знаю, как его зовут. Не помню точнее. Светловолосый такой. Высокий. Симпатичный.

Я достал распечатку фоторобота попутчика Мари.

— Это он?

— Похож... — после некоторой заминки отозвалась врач. — Да, очень похож. Не уверена, что это он, но похож. Скажите, этой русской сегодня утром тоже интересовались какие-то люди.

— Это были наши детективы.

— Она что-то украла? Ее за что-то преследуют?

— Нет. Это семейное, — улыбнулся я, положив перед ней купюру в пятьсот евро. — Мы надеемся на конфиденциальность.

— Ну что вы, не надо, — тут же засмуцалась она. — Попробуйте еще поговорить с фрау Пёрцген. Она общалась с этим молодым человеком. Возможно, Гемма окажется вам более полезной.

Фрау Шмидт написала телефон и протянула мне. Окей, пообщаемся с фрау Пёрцген.

Мы сели в машину. Билл все еще возмущался по поводу нашего неожиданного соперника, орал и психовал. Я набрал номер тетки и попросил брата заткнуться.

— Какая дурацкая ситуация. Была девушка наша, а сейчас — раз — и не наша. Глазом моргнуть не успели, как ее увели. Ох, уж эта Мари. Вот так, мой маленький братик, ты и узнал, что значит выражение: «Мужчина — это такой орган, который очень быстро отрастает заново», — усмехнулся я, косясь на злющего Билла. Трубку наконец-то сняли, и я приложил палец к его губам. — Фрау Пёрцген, добрый вечер. Меня зовут Карл Фишер, ваш телефон мне дала фрау Шмидт, врач из городской больницы. Меня интересует наша сотрудница — Мария Ефимова. Фрау Шмидт сказала, что вы общались с молодым человеком, который ее забрал. Могли бы вы что-то сказать о нем? Как зовут? Как выглядел? Может быть, он оставил вам какие-то координаты?

Я диктовал Биллу, он быстро записывал. Фрау Пёрцген он понравился, очень вежливый, обходительный, не наглый, но самоуверенный. Она назвала его «красивым и сексуально привлекательным, в нем чувствовался мужчина». При словах «сексуально привлекательный мужчина» Билл снова впал в ярость. Надеюсь, брат, она еще не махнула тебя не глядя на этого самца, от которого приходят в восторг все бабы...

— Герр Цирке, это Том. Запишите, пожалуйста, имя и фамилию. Я хочу завтра знать о нем всё от и до...

Я стоял у окна в квартире нашего друга, у которого мы остановились в Берлине, курил и думал, каково это засыпать в чужом доме будучи полностью в чужой власти? Фрау Шмидт говорила, что у Мари реактивная депрессия и ей нужен специалист, она не совсем отдает отчет своим действиям и поступкам, но они не имели права ее задерживать. Все равно идти в дом к чужому мужику — как это по-русски. Фрау Пёрцген сказала, что Мари была очень

агрессивной, говорила раздраженно и с вызовом, по-хамски. Мари произвела крайне негативное впечатление на соцработника. И обе женщины подтвердили, что она постоянно плакала. Зачем я велел ей уйти? Почему потом не спустился к ней? Болит где-то внутри от этой беспомощности, невозможности помочь и защитить. А ведь был шанс все исправить в самом начале, который я так глупо упустил. И сейчас девочка совершенно одна в чужом городе, в чужой квартире, с чужим мужчиной. Подожди, моя хорошая, мы скоро тебя найдем, и я увезу тебя домой. Подожди... Потерпи немного. Я уже рядом.

— Том, привет. Узнал? — звучит в трубке тихий недовольный голос.

— Конечно, — улыбаюсь в ответ. Если бы ты еще говорила по-немецки, было бы вообще здорово, а то с моим английским и твоим акцентом, разговор похож на общение по телефону глухого с немцем. — Жду твоего звонка. Специально спать не ложился.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Я тебе все сказал еще неделю назад. Билл обидел ее очень сильно. Он был не прав и хочет извиниться.

— Он изменил ей и унизил.

— Он не изменял, клянусь. Это недоразумение. Просто та девушка была единственной, кто был способен довести его до дома. Остальные были в отключке. А то, что он взбесился... Ему слили инфу, что мы с Мари любовники, приплели сюда еще Дэвида. Он не разобрался и наорал на нее. Она сказала тебе, где живет? Мари была в больнице. Сегодня ее выписали. Мы опоздали на какой-то час. Она у какого-то мужика зависла, ее надо оттуда забрать.

— Мне кажется, будет лучше, если она вернется домой.

— Полина... У нее реактивная депрессия. Мне надо с ней поговорить. Мари наломает сейчас дров, уедет, будет мучиться. Она не в себе и не отдает отчет собственным поступкам. Прошу... Ты сказала, что мы ее ищем?

— Нет, не сказала. Она сильно обижена на Билла. Я первый раз у нее такой голос слышу. И она сейчас встанет в позу, если вы появитесь. Вы ее ничем не возьмете, никакое твое красноречие не поможет, а если она еще узнает, что вы рядом, то элементарно сбежит. Я ее знаю. Она понимает, что может дать слабину, уступить, и просто не позволит себе этого. Ей самолюбие не позволит. Потом, когда-нибудь, может быть, когда она остынет и будет способна нормально и адекватно мыслить, вам удастся с ней поговорить, а сейчас она снова исчезнет. Я знаю ее с детства, знаю все выкрутасы и бзики, могу просчитать следующий шаг. Мой тебе совет — сделай что-то такое, чтобы она сама захотела к вам вернуться, иначе вы ее потеряете. Никто вам не поможет, она сама должна захотеть вернуться. Но вы ведь можете помочь ей в этом.

— Что?

— Не знаю. Вы же придумали, как ее довести, теперь придумайте, как вернуть. Тот парень, у которого она сейчас живет, внушает ей доверие. Думаю, он и сам ее побаивается, все-таки чужого человека в дом притащил. Не трогайте Машку там, если не хотите опять искать. Она дала мне его рабочий телефон. Зовут его Штефан. Живет она сейчас в каком-то престижном районе, в доме с башенками, квартира восемнадцать, второй этаж. Ориентир — у нее окна выходят на озеро и одноименный парк. Я погуглила немного. Думаю, что это район Грюневальд. Там как раз озеро есть, Халензее называется, и парк Грюневальд. Но вы пробейте

его сами по этому телефону, я могу ошибаться.

— Спасибо. Будем думать.

Я медленно кружил по району, высматривая дома с башенками, окна которых выходят на озеро. У некоторых останавливался, и Билл бежал от подъезда к подъезду, проверял. На улице уже начинало светать. Я устал. Хотелось спать и есть. Но это ничего. Сейчас найдем Мари, и можно будет расслабиться.

— Том! Иди сюда! — Билл нетерпеливо подпрыгивал у подъезда и тыкал пальцем в табличку.
— Шолль Ш. Квартира восемнадцать.

— Йес! — радостно выдохнул я. — А теперь в МакАвто и спать.

— Подожди, я хочу найти ее окна.

Брат куда-то ломанулся через палисадник. Я устал упал на лавочку у подъезда. Закурил, закрыв глаза. Ноздри ласкал дым и прохладный утренний воздух. Не заснуть бы с сигаретой в зубах, тело против воли расслабляется, веки тяжелеют. Нельзя спать.

— Она не спит, — вернулся он, когда я почти вырубился. — Я видел. Она сидела на подоконнике и смотрела на луну.

— А ты? — Шея затекла, а голова не двигалась.

— А я стоял под деревом.

— Она тебя видела?

— Нет. У меня было ощущение, что мы с ней разговаривали. Я просил ее вернуться, она говорила, что не может. Не знаю... Это, конечно, бред и мои фантазии. Как я мог с ней разговаривать? — он нервно закурил. — Том, она не простит меня. Я чувствую это. Ты поймешь, я знаю... От нее словно холод шел. Ледяной такой холод. Я чувствовал себя клубникой, которую положили в морозилку на экстр-быструю заморозку.

— За все в этой жизни надо платить.

— Что делать?

— Тщательно продумывать каждый шаг и не торопиться. Надо дать ей время отойти. Поехали спать, а? Я тут без тебя чуть на лавочке не выключился.

— Хочешь, я поведу?

— Очень, — улыбнулся, отдав брату ключи.

— Том, а давай квартиру купим? Все равно сейчас из-за Мари тут зависнем. Я хочу свой дом. И чтобы у меня была большая спальня с огромной кроватью...

— Давай. Что хочешь делай, только отвези меня к кровати поближе.

Днем, пока Билл рассматривал фотографии Мари, я читал досье на Штефана Андреаса Шолля. Ему тридцать три года, меньше года назад он развелся с женой, оставив ей эксклюзивную виллу стоимостью более двух миллионов евро в элитном районе Берлина — Далеме, пару

машин, одна из которых Бугатти Вейрон 16.4 — самая дорогая в мире машина, моя недостижимая голубая мечта. Хрена себе какой Мари самородок в руки попал... Если она пошлет нас к черту ради него, то я пойму. Сейчас он живет в квартире родителей в Грюневальде. Судя по списку только официальных любовниц — кобель еще тот. Кажется, он поюзал всех красоток Европы. Работает креативным директором и директором по развитию в рекламном агентстве «Шольц и Друзья», соучредитель, один из членов совета директоров. S&F — крупнейшее рекламное агентство Германии, которое представлено 180 отделениями по всему миру. Занимается всем, начиная от стратегического построения бренда до рекламы, от разработки дизайна проекта до интерактива. Кстати, это можно использовать. Еще не знаю как, но это можно как-то использовать. Есть сестра Мария и племянница Августа. Она замужем, живет в Кельне. Недавно в Гамбурге у него скончалась бабушка по материнской линии. Так вот откуда он ехал — с похорон бабушки. Родители живут в Штатах, в Нью-Йорке. Отец возглавляет рекламное агентство «Стар Маркетинг» — маркетинговое подразделение рекламно-коммуникационного холдинга «Омником Групп», самая известнейшая пиар-компания в мире. Наверное, они деньгами могут замок отапливать, это на их благосостоянии никак не отразится. Охренеть... Нам с Биллом даже ловить нечего в том аквариуме с акулами. С фотографий на меня смотрел симпатичный мужчина с очень приятной улыбкой и самоуверенным взглядом. Одет просто и неброско. На таких женщины гроздьями вешаются, ему даже делать ничего не надо.

— Билл, ну, в общем, мы попали, и сильно. Шолль очень богат, молод, красив и свободен — идеальный мужчина для молодой, красивой, целеустремленной, свободной девушки. Я тебя поздравляю, ты просрал девчонку, которая любила тебя, а не твой образ. И теперь она досталась другому.

Билл выхватил досье, пробежал по строчкам глазами и ухмыльнулся:

— Секонд-хенд не в ее вкусе. Тем более она не любит старых потрепанных блондинов. Мари предпочитает молодых девственных брюнетов.

— Знаешь, я бы на ее месте пересмотрел свои взгляды. Опытный богатый мужчина гораздо лучше молодого идиота-девственника с рыбьей требухой вместо мозга, — рассмеялся я, тут же схлопотав подушкой по голове.

Утро понедельника больше походило на страшный сон. Во-первых, Дэвид привязался, куда делась Мари. Билл тут же взбесился и разорался на него, прогнав какую-то малосвязную пургу, что Йост ее доканал своим контролем. По-моему, Дэйв мало что понял, кроме одного — у звезды очередной бзик. Потом консилиум врачей сказал, что у брата киста на связках и нужна срочная операция. Ему запретили говорить, объяснили последствия и расписали, как он будет жить ближайший месяц. Билл впал в прострацию. Тут уже на врачей разорался Дэвид, заявив, что у нас тур по Америке, и никто его отменять не собирается, через месяц Билл должен быть в состоянии выступать, иначе американский лейбл разорвет договор, и наши планы на покорение мира так и останутся планами. Я чуть не подрался с Йостом, доказывая, что здоровье брата дороже контрактов. В общем, к обеду все были на взводе и начинали истерить от малейшего кривого взгляда. Я увез поникшего брата домой, купив по дороге ему доску, мелки, толстую тетрадь и ручку, — пусть пишет свои мысли на бумаге, потом издадим, получим кучу бабла.

«1. К Мари надо приставить охрану.

2. Я хочу знать о каждом ее шаге. Мне нужны ежедневные подробные отчеты с фотографиями.

3. Я хочу знать всех соседей вокруг.

4. Я хочу убить Шолля».

— Прости, но последний пункт мы вычеркнем, — едва скрывая улыбку, сказал я. — Зачем тебе соседи?

«Я должен знать ее окружение»

— Мой маленький братик оказался большим Отелло? — приподнял я бровь. — Боишься конкурентов?

Билл показал мне средний палец и пошел одеваться. Внизу нас уже ждала машина.

— Герр Цирке, во-первых, мы бы хотели знать, как она живет и не обижают ли ее, каков ее круг общения сейчас. Вы можете получить эту информацию для нас? Мария очень контактная, думаю, при некоторой фантазии втереться к ней в доверие не составит труда. Во-вторых, Билл хотел бы иметь ежедневные отчеты о том, как она проводит время, где бывает, с кем общается, куда ходит и что делает. В-третьих, это начальник нашей охраны Саки Пелка. Я бы хотел, чтобы вы обсудили с ним все моменты безопасности девушки. Рядом с ней постоянно должны быть люди, способные ее защитить. Мари — девушка моего брата, из-за этого возможны агрессивные выпады со стороны фанатов. Но у нас еще одно условие — Мария не должна знать, что ее охраняют, и тем более она не должна знать, что за ней следят. Это важно, иначе искать ее еще раз вы будете за свой счет. Ну а мы пока подумаем, как вернуть Мари. И это... организуйте нам встречу со Штефаном Шоллем. Саки, только аккуратно. У него такие связи, что лучше не конфликтовать.

2

— Штефан Шолль? Добрый день. Мои клиенты хотели бы с вами кое-что обсудить, пройдемте.

Меня окружили мужчины в дорогих костюмах. На первый взгляд — силовики. Я почему-то сразу понял, что это из-за нее. Русская мафия? КГБ? Черт! Я попал! Какого черта мне приспичило ее пожалеть? Рыдала б и рыдала себе дальше. Идиот недоделанный!

— А я тут причем? — возмутился я, когда меня вежливо, но жестко посадили в машину.

Мы ехали не за город, как я боялся, а, похоже, в Берлин-Митте. Кажется, поворачивают на Унтер ден Линден. Там много народа. Толпы туристов. Опять же русское посольство. Главное, не паниковать и держаться спокойно. Эти русские все ненормальные. От них только неприятности. Зачем, зачем я с ней связался? Втянула, сучка, во что-то...

Мы припарковались у бизнес-центра. Поднялись на третий этаж. Зашли в небольшой, но уютный офис. Секретарша — немка. Уже хорошо. Хотя хорошо ли... Меня проводили в кабинет, предложили кофе. Страх уже не было, хотя и чувствовал себя удивительно погано. Это из-за нее. Но они не русские. Говорят по-немецки так, словно всю жизнь жили здесь. Кажется восточный говор. С востока? Зазвонила мобила у того, кто меня «приглашал». Короткие «Да» и «Нет». Вербовать будут? Дьявол, я вообще о ней ничего не знаю. Кто она? Журналистка ли? Все они... Сучка... Надо же так было попасть...

Дверь распахнулась, вошли трое. Охрана. Окинули кабинет взглядом, мельком глянули на меня. Кивнули. Секунда — и на пороге появились юноши. Один в мешковатых одеждах,

бейсболке, с дредами, в очках. Второй высокий, худой, длинные волосы с белыми прядями, глаза подведены черным карандашом, ресницы подкрашены. Баба что ли? Парень?.. Нет, точно парень. Телка с яйцами, епть... Кожаная куртка, под ней толстовка с логотипом нашей типа группы типа мирового уровня. Джинсы такие узкие, что должны одновременно тереть и задницу, и яйца. Как он в таких вообще ходит? Какие люди снизошли до нас, смертных! Братья Каулитц собственной персоной. Неожиданно...

— Добрый день, герр Шолль! — снял очки рэпер и протянул мне руку для рукопожатия. — Простите, что приходится знакомиться при подобных обстоятельствах. Меня зовут Том Каулитц. Это мой брат Билл...

Я встретился с поистине королевским взглядом младшего Каулитца. Он смотрел на меня холодно, изучающе. От него исходила какая-то угроза. Всем своим видом он говорил, что это его территория, и он завалит любого, кто посмеет сунуться на нее без разрешения. А разрешения он не даст. Мария была права. Билла Каулитца можно принять за бабу только будучи не в себе. Молодой, самоуверенный мужчина, который знает себе цену и не отдаст свою женщину никому. Все как-то резко встало на свои места. Так вот оно что! Его женщина у меня и он хочет ее забрать. Я ухмыльнулся. Соси, детка. Каулитц, видимо, понял ход моих мыслей. Взгляд стал ледяным, промораживающим до печенки. Он почувствовал соперника, который так просто не откажется от упавшего ему на голову счастья в виде русской девчонки.

Том положил руку на плечо брата. Улыбнулся спокойно. Да, сомнений нет. Это даже видно. Девчонка принадлежит ему. Второй лишь охраняет их отношения.

— Дело в том, что из-за недоразумения один из членов нашей команды сваял дурака, и теперь мы вынуждены просить вас о помощи. Мы хотели бы вернуть в лоно нашей дружной семьи девушку, которую вы любезно приютили.

— Не думаю, что она хочет вернуться. Скорее наоборот — горит большим желанием послать всю вашу команду к черту и уехать домой. Насколько мне известно, у нее грандиозные планы на будущее. И Билл Каулитц там не проходит ни под одним пунктом.

Удар достиг цели. Билл Каулитц вздрогнул, желваки заходили, а губы плотно сжались. Да, так и есть. Девчонка его. Теперь сто процентов его. И он пришел за ней.

— Мы уважаем решение Марии, но она не уедет из Германии до тех пор, пока мы с ней не поговорим.

— Вы не имеете право ее удерживать. Да и не сможете ее удержать.

— Мы и не будем. В этом нам поможете вы, — Том улыбнулся так, как будто все уже давно решено за меня и, собственно, моего согласия на это совершенно не требуется.

— Соси, малыш, — я вежливо кивнул Биллу.

Изящный нос младшего Каулитца сморщился, а верхняя губа агрессивно дернулась вверх — бесится. Старший Каулитц лишь ухмыльнулся, перехватив мой ехидный взгляд в сторону своего брата. Кажется, в данном случае он со мной солидарен.

— Мы, конечно, можем обойтись и без вас, и прямо сейчас поехать к вам домой и поговорить с ней. Но, зная Марию, боюсь, это займет много времени и сил, и не факт, что результат будет тот, который нам нужен. Мы готовы возместить все ваши расходы и неудобства, связанные с пребыванием нашей... — Том четко выделил это слово, — ...девушки у вас. — Кинул на стол

пачку зеленых банкнот в банковской упаковке. Десять тысяч. Не хило... — Мы хотели бы попросить, чтобы она пожила в вашем доме еще неделю-две...

— Ребята, вы можете дальше не продолжать. Я не буду обсуждать с ней вас и тем более не стану уговаривать Марию вернуться к этому, — кивнул в сторону младшего Каулитца и расслабленно развалился в кресле. Пошли на хер! Еще чего не хватало. Совсем что ли спятили? — Если она его бросила, то это ее решение, и я не позволю вам на нее давить. И тем более не буду давить на нее сам.

— Что она вам рассказывала?

Младший близнец вцепился в меня взглядом, как пиявка. Щеки у самого белые. Боишься, сосунок? Что же ты такого сделал, что боишься, и что у девчонки из-за тебя слезы не высыхают уже месяц?

— Много чего.

Рэпер виновато опустил голову. Почесал в районе затылка (нагромождение на голове мешает, как там мозг-то еще жив в этом парнике?).

— То, что произошло... — мялся он, пытаясь подобрать слова. — Это было недоразумение и не то, что она подумала. Это вообще всё было не так. Просто... Если бы она послушала меня... Мария приняла неправильное решение и не знает об этом. Сейчас она может допустить другую ошибку. Если она уедет, мы поедем за ней. В Россию, в Канаду, хоть на Марс с Венерой. Но сейчас мы можем попробовать исправить ситуацию на своей территории, сделать это красиво и до того, как наша птичка упорхнет в свою страну. Нам нужна ваша помощь.

Голос Тома дрожал, он отводил взгляд в сторону и говорил очень тихо, словно ему было неловко. Билл смотрел на меня, не моргая. Я не видел в его взгляде мольбы о помощи, скорее тревогу, что откажу.

— Я не буду говорить с ней о вас. Я сегодня уже позволил себе высказаться о солисте, после чего она разоралась на весь дом.

Билл подозрительно прищурился. Том довольно и понимающе усмехнулся.

— Да, она такая... Русская... Своих в обиду не дает. Но вы вообще о нас не будете ничего говорить. Если Мари узнает, что вы встречались с нами, она опять сбежит. Мы не для этого ее искали так долго, чтобы упустить из-под носа и поселиться около консульства окончательно. Мы хотели бы попросить, чтобы она пожила в вашем доме еще неделю-две, пока мы не подготовим ее к встрече с нами. От вас ничего особо не потребуется. Лишь провести ее по обговоренному заранее маршруту в определенное время, сообщить нам о ее планах, ну и, возможно, сделать так, чтобы какие-то документы для консульства «случайно» затерялись... Нам надо задержать ее в стране. Она очень рвется домой?

— Да. И она сильно по этому поводу психует.

Близнецы переглянулись.

— Россия или Канада?

— Сначала в Россию, ей надо восстановить документы. Потом она хотела уехать куда-то в Азию.

Билл облегченно выдохнул.

— Не в Венесуэлу и то хорошо, — пробормотал Том. Неожиданно пихнул брата в бок: — Слышь, шанс точно есть. А то этот был бы уже здесь.

Младший Каулитц обиженно засопел, как ребенок, у которого отобрали конфету, и поджал губы, недовольно глянув на брата.

— А я откуда знаю? — фыркнул Том на немой вопрос. Оооо, да Мария — девка не промах. Звезде нервы мотает только в путь. Что, мальчик, не можешь в руках-то огонь удержать, обжигаясь? Он повернулся ко мне: — Мария не звонила в Венесуэлу? Она что-нибудь говорила? Или с кем-нибудь?

— При мне не звонила. В Москву звонила подруге по поводу документов и в Канаду родителям. Те ей денег выслали. Я получал. У нее документы украли и в консульстве проблемы.

— Не украли... Они дома. Ну, то есть... В Гамбурге. Упали со стола, когда Билл на него рухнул... Там кредитки, удостоверения... всё... Ладно, это всё не важно. — Том достал телефон и начал кому-то звонить. — Это мой номер. Прошу вас не раздавать его всем желающим и держать меня в курсе дел нашей, — опять подчеркнул он, — девушки.

У меня в кармане завибрировало. Я с удивлением достал трубку и обнаружил сброшенный входящий.

Он извлек из портмоне несколько пятисотенных купюр и положил передо мной.

— Мне бы не хотелось, чтобы наша принцесса в чем-то нуждалась. Она у нас как сыр в масле каталась, мы ни в чем ей не отказывали. Прошу, не надо экономить на ней.

— Ваша принцесса, как я заметил, весьма неприхотлива в быту и неплохо готовит, между прочим. И уж точно не голодает.

— Она любит фрукты. А вы за неделю ей даже яблок не купили, — с укором заявил Каулитц, словно речь шла о плохом содержании его морской свинки.

— Она не просила.

— А у самого ума не хватило? — смешно возмутился Том.

Странно, но в этот момент я почему-то действительно поверил, что Мария жила, как сыр в масле, обласканная и искренне любимая, если и не этой молчаливой тварью, то его хозяйственным братом точно.

Том бросил быстрый взгляд на ближайшего к себе охранника. Тот вышел в приемную и вернулся с большим фирменным пакетом.

— Мари ушла из дома совсем без одежды. Здесь все необходимое, все новое, с бирками. Скажите, что зашли в магазин и купили ей одежду. Думаю, ее уже тошнит от той водолазки, в которой она ходит несколько недель. Только не вздумайте сказать, что видели нас. Она не возьмет и сбежит при малейшей возможности. Она у нас гордая девочка. Наш водитель отвезет вас домой. Еще раз прошу прощения за беспокойство и такое вот бесцеремонное вмешательство в вашу жизнь. Билл, ты хочешь еще что-то спросить? — обернулся к брату.

Билл кивнул.

Но спросить он ничего не успел. У меня зазвонил телефон. Мария. Я улыбнулся. Ох, как же вовремя ты, девочка, обо мне вспомнила!

— Привет, Мари! — сам не ожидал от себя такого мягкого и нежного тона. Сейчас Каулитц меня испепелит взглядом. — Да ерунда... Нет, что ты, не волнуйся. У меня тут внеплановая встреча случилась. Ты что-то хотела? — Краем глаза заметил, как Билл жадно ловит каждое слово. Стал говорить еще ласковее, хотя за утреннюю истерику ей по заднице надо дать. Такой дряни мне наговорила. — Ты меня ждешь?.. Я скоро приеду. Не скучай там... Все хорошо. Я скоро буду, не волнуйся. Целую, — сказал уже коротким гудкам. Убрал телефон в карман. — Простите, господа, но меня ждет ваша, — подчеркнул, — принцесса.

Решительно поднялся. Билл быстро схватил лист бумаги и написал всего одно слово из трех букв. Движения нервные, резкие. Нажим на бумагу сильный, словно хочет ее прорвать. Большой знак вопроса и две отрывистые подчеркивающие линии. Повернул бумагу ко мне. Я даже не взглянул на его каракули. Он затаил дыхание. Глаза горят ревностью. Пальцы нервно теребят ручку. Того гляди сломают. Что, детка, хочешь узнать, трахал ли я твою принцессу? Что ты хочешь услышать, а? Хочешь ли ты знать правду? Мучаешься ли ты по ночам, хорошо ли спишь, зная, что она одна в квартире с мужчиной и полностью в его власти? Боишься ли ты за нее, фантазируешь ли ты, как ее ласкает другой? Я улыбаюсь ему. Он растерян.

— Не твое дело, сосунок.

Грудь заходила ходуном. Карие глаза заблестели. Обида. Обида сейчас разрывает грудь.

— А ты как думаешь, стала бы она спать со мной?

Я взял деньги и пакет с вещами. Смотрит перед собой невидящим взглядом. Пытается успокоиться.

— А если она спала со мной, ты откажешься от нее? Уйдешь из ее жизни? — смотрю на него в упор.

Вижу боль в глазах. Любит ее. Действительно любит. Качает головой.

Усмехаюсь. Иду к дверям.

Останавливаюсь в проходе. Смотрю ему в затылок. Он закрыл лицо руками, голова опущена. Наломал ты дров, мальчик.

— Между нами не было секса, — бросаю на прощание. — Никто и пальцем не тронул твою принцессу.

Спускаюсь по лестнице, слегка раскачивая тяжелый пакет со шмотками. Хорошо на душе. Хорошо и легко. Стало понятно, как жить дальше и как вывести эту реву-корову из депрессии. Если только она еще помнит о своем принце. Фрукты она любит... Кто же знал? Будут ей фрукты, если любит.

3

— Я скучаю... Плохо сплю. Врач говорит, чтобы я не нервничал, чтобы отдыхал, хорошо питался, много спал, а я не могу без тебя спать. У меня бессонница. Я прижмусь к тебе и

только тогда мне спокойно и хорошо. — Я капризничал. Головой понимаю, что просто капризничая, но вот совсем не могу без нее. Привык уже за полгода просыпаться на минуту раньше и любоваться ею эту волшебную минуту. Она часто улыбается во сне. Особенно перед пробуждением. Я смотрю на ее подрагивающие ресницы, на чуть приподнятые уголки губ и осторожно целую. Губы тают на губах. Мой маленький ритуал за минуту до ее пробуждения. Поэтому, когда постель пуста, когда ее нет рядом, голова не лежит на моем плече, а рука не покоится на груди, когда с утра я не вижу ее улыбки и не могу поцеловать в уголок губ, значит, день не задастся. Зачем я оставил Мари там? Почему не взял с собой? Да, она нужна Тому. Никто, кроме нее, так не поддержит брата. Да и Том рядом с ней всегда преображается. Сразу такой весь из себя мужчина, куда деваться, обходительный, вежливый, сильный. А я, один и в тишине, без нее пропадаю. Еще Энди квартиру разнес. Дьявол, вот пусти козла в огород. Уродец белобрысый, лучший друг называется. Навел каких-то долбоебов, теперь не квартира, а помойка. Черт, деньги с него за уборку сдеру. Температура — тридцать семь и три. Твою мать. Так вот из-за чего меня так колотит и глаза болят. Не надо было разрешать Энди зажигать в моей квартире. Даже нормально спать теперь не ляжешь. Мари завтра вечером вернется. Отлично! Завтра ночью мне будет тепло и хорошо. Она обо мне позаботится.

Заказал пиццу. Наличных нет, а карточки они не принимают. Бумажник пропал. Потерял что ли? Перерыл весь дом. Я положил его в аэропорту в карман куртки. Это я точно помню. Томас до дома меня довез на нашей служебной машине. Ее Питер прислал. Это я тоже помню. А куртка где? А куртку я в аэропорту отдал Алексу, который провожал меня вместе с Томасом. Алекс дождался, пока я сяду в самолет и только потом уехал в отель. Черт! Черт! Черт! Что за непруха? Опять что ли температура вверх полезла? О, нет... Лягу спать. Да, поем и лягу спать.

— Алекс, привет, скажи, моя куртка у тебя? Серая такая, плюшевая, от спортивного костюма.

— Я ее тебе в сумку положил, с которой ты уезжал. Еще обратил твое внимание на это.

— Не помню. Я вообще мало что помню, как кувалдой по голове дали. Как там мои? Что делают?

— Отдыхают. В теннис играли, в бассейне плавали, загорали.

— Я думал, они скучают, переживают, — недовольно протянул я. — Том тоже всю зажигает? И даже не волнуется за брата?

— Не знаю. Ему и волноваться-то некогда. Русская, небось, всю ночь член изо рта не выпускала, не давала волноваться.

От неожиданности я рухнул в кресло и громко заржал.

— В каком смысле? — спросил, посмеиваясь, а у самого в груди все крутит.

— Билл, мне запрещено обсуждать вашу личную жизнь контрактом.

— Я ж не посторонний и спрашиваю про близнеца. С чего ты решил, что мой брат спит с русской?

— Они постоянно друг у друга в номерах сидят.

— А, ты про это... — облегченно выдохнул я.

— Ночуют они вместе.

— То есть?

— Том спал у русской в номере, а сегодня она у него ночевала.

— Откуда ты знаешь?

— Видел. Ее вчера вечером Дэвид искал, никак найти не мог. Потом каштаны привезли в номер к Тому. Я отдавал заказ. Он забрал, но я слышал ее смех. А сегодня утром совсем интересно вышло. Дэвид опять ее искал, злился жутко. Я видел, как он к Тому в номер ломился. Минут через десять, они в фойе спустились, а, когда мимо меня проходили, я слышал, Том говорил, что русская могла по магазинам с утра пройтись или где-то зависла с ноутом, типа ее и не найдешь, если не знаешь, где она заныкалась. Только вот через пару минут она вышла из номера Тома, осторожно захлопнула дверь и побежала в номер к себе.

В горле стоял ком.

— А Дэвид ее зачем искал?

— Он передо мной не отчитывается. Может вдуть хотел.

— Хм... Думаешь, у них отношения? Я как-то не замечал.

Алекс рассмеялся.

— Они палятся сильно. Особенно когда она выступать начинает. Ты видел, чтобы на Дэвида хоть кто-нибудь позволил себе повысить голос? То-то. А ей он разрешает. А по какой причине он ей разрешает? То-то. Все об этом знают.

Я даже не придумал, что ответить. Ну, про Дэвида, понятно, что чушь. Но про Тома... Попрощался и отсоединился. Что значит она у него ночевала? Полчаса назад мне в любви клялась, а сама с братом моим кувыркается? И Том же был рядом. Даже что-то отвечал мне. А если они там... как она со мной любит делать, когда я по телефону говорю... И вот я тут, а они там... Вдвоем... Я знаю, что Мари нравится брату. Вижу, как меняется его взгляд и поведение, как он резко преображается, даже материться прекращает. И она... Ей же Том с самого начала понравился. Может, у них давно все решено, но они не могут сказать, потому что не хотят меня расстраивать? Может, думают, что не пойму? Что же делать? Если Мари его любит, я не буду ей мешать. Это ведь нормально — полюбить другого. Это естественно. Меня трясло от этих мыслей. Хотелось что-то разбить или кого-то ударить. Я же не могу ей навязываться. Она свободная и может делать всё, что хочет. Если она хочет уйти, то кто я такой, чтобы ее задерживать? Всё как-то резко навалилось — болезнь, отмена тура, измена моей девушки с моим же братом, предательство Тома. Я ужасно устал. Устал от тура, от людей, большого горла, невысокой, выбивающей из жизни, температуры, тупых одинаковых вопросов, тянущихся отовсюду рук и гребаного начеса на башке, из-за которого у меня скоро совсем не останется волос. Меня бесит, что я был вынужден уехать один. Возможно, тогда бы ничего не было. Я подвел кучу людей. Наши инвесторы порвут меня к чертям собачьим и больше не дадут ни цента денег. Меня ненавидят фанаты и их родители, высмеивает пресса. Моя жизнь кончена. Голос может и не вернуться, я буду немым и никому не нужным. Конечно, разве Мари может понравиться жить с немым неудачником, жизнь которого кончилась в восемнадцать лет. У нас было столько планов. Ребята мечтали о сцене в Америке и Канаде, мы хотели выступить в токийском Сантори Холле. И теперь всем мечтам конец. Я остался совершенно один, никому не нужный, всеми забытый. А я не буду сидеть дома один, когда они развлекаются! Пошли все к дьяволу в задницу!

— Алло, Энди, вы где? О'кей, заедешь за мной? Я буду готов через полчаса.

Самое ужасное, что может случиться с человеком — это похмелье. Я не помнил, как оказался дома. Я с трудом вспомнил, где был и с кем пил. Зато я очень хорошо помнил, из-за чего напился. Очень хотелось, чтобы было наоборот. Тело ломало. Голова раскалывалась. И постоянно хотелось пить. Такое чувство, что меня в асфальт закатали. И горло дерет. Как же дерет горло. Том дома. Не хочу его видеть. Надо с ними поговорить. Пусть оба смотрят мне в глаза и скажут правду. Нет, мне даже теперь интересно, как Мари себя вести будет. Как мы теперь будем здесь жить втроем? Может быть мне уйти? Или Том уйдет в ее квартиру? Я не смогу находиться с ней в одном доме, зная, что она не со мной. Не смогу себя контролировать. Не смогу видеть ее в объятиях брата. Брата... Другого. И почему именно сейчас все открылось, когда Мари мне так нужна? Мари... Машенька...

Том сказал, что она ушла...

Внутри пусто.

И очень больно.

Даже не попрощалась.

Не заслужил?

Черт, как же больно и неприятно.

И закричать не могу. Чертово горло.

Билла Каулитца бросила какая-то журналистка. Обычная, простая журналистка. Вот взяла и примитивно бросила, предварительно наставив рога. Ладно, если бы хотя бы наорала, наговорила всего, смешала с дерьмом. Она просто ушла. Я, наверное, не достоин даже пары слов на прощание. Убогий неудачник. Ну, конечно, зачем я ей сдался? Кто я теперь? Немой бывший певец. Какой с меня прок? Никакого. Людей подвел, за неустойки лейбл за яйца повесит на центральной площади (это еще Дэвид до Германии не добрался и не отчитался перед компанией), выступать теперь не смогу. Ребят с руками в другие коллективы оторвут, меня заменят, на фига ей нужен бывший солист некогда популярной группы? Ненавижу ее. Она мне так нужна. Все бабы сволочи. И эта такая же. Том тоже брат называется. Мог же сказать, мог предупредить. Ну разве бы я его не понял? Разве бы не пошел навстречу? Если он с ней будет счастлив, то пусть остается с ней. Главное, чтобы им было хорошо, а я как-нибудь... справлюсь... Бля, опять температура... Ну сколько можно?

— Я не мог такого сказать! — Смотрел брату в глаза, пытаюсь понять, что за мерзкую игру он затеял. На грудь как будто чугунную плиту положили — все сдавило, расплющило. И еще паника. Потому что я видел — Том не врал. И сейчас бил словами так сильно, что, казалось, душа вот-вот покинет тело. Мари! Я не мог такого ей сказать! — Категорически не мог! У меня бы язык не повернулся, такое ей сказать!

— Он серьезно так сказал? Вот прям так и сказал? — наперебой спрашивали ребята.

— Практически слово в слово, — с вызовом подтвердил Том.

— Я не мог! — заорал на них. — Не мог! — Мари не простит. Если я сказал ей это, то она не

простит. Содержанка — это самое страшное для нее оскорбление. Я просто не мог ей такого сказать, я же понимаю, что она никогда меня не простит за это.

— На, позвони ей и узнай, из-за чего она сбежала от тебя, в чем была, без документов и денег, бросив всё, — глумился Том. Это все из-за тебя! Если бы не ты, то ничего бы этого не было! Как ты вообще посмел до нее дотрагиваться?

— А кто она? Живет на полном нашем обеспечении, мотается с нами в туре... Теперь, Билл, ты свободный мужик и можешь развлекаться вместе со всеми... Человек в чужой стране остался без средств к существованию и документов!

Без денег и документов? А как же она? А на что же она жить будет? Мари... Мари... Маримаримари! Ты сошла с ума? Ты вообще спятила? Ты... Как же так?

— Ну, это была ее инициатива, согласись.

— Вот именно, — отвечаю на полном автомате. — Так ей и надо.

— А ты вообще, блядь крашенная, заткнись! — заорал Том. Меня словно током ударило. Это все из-за тебя, а я же еще и блядь крашенная?!

— Я — блядь?! — схватил его за грудки и тряхнул со всей силы. — Это ты меня, мразь, блядью называешь? Любимую шлюху обидели? Ну и как тебе? Понравилась? Каково ****ь телку своего брата, а? — двинул коленом в пах. Потому что хотелось бить его, пока не разобью лицо в кровь. Бить за себя, потому что был слеп, как крот. Бить за Мари, потому что безумно ее люблю и не могу отдать никому. Бить за него самого, потому что предал. Хотелось убить нас троих, потому что Я НЕ ОТДАМ ЕЕ НИКОМУ. Георг, скотина, не дал довести дело до конца. Дьявол! Сейчас посреди гостиной лежал бы труп моего брата. Я не отдам ее никому!

Что с тобой? Где ты? Куда ушла? Где затаилась? Тебя не могут найти лучшие детективы. Как ты живешь? Что ты ешь и как спишь? Тебя нет нигде. Ни у всех консульств страны, ни у посольства. О тебе никто и ничего не знает. Ты не звонила домой, друзьям, не появлялась в сети. Я чувствую, что с тобой что-то случилось. Тебе плохо, очень плохо. Я чувствую твою боль и отчаянье. Где ты? Просто дай о себе знать, и я немедленно там появлюсь. Не знаю, что скажу, не знаю, как вымолю прощение, но дай мне хотя бы один шанс. Только один самый маленький шанс и я все исправлю. Я никуда тебя не отпущу и никому не отдам. Только дай мне этот шанс. Каждую ночь думаю о тебе, говорю с тобой. Прижимаясь щекой к подушке, мечтаю вдохнуть твой запах, коснуться мягких волос, поцеловать бархатную кожу. Я очень скучаю по тебе. Привык, что с тобой можно говорить, о чем угодно, делиться сокровенным, не бояться, что осудишь, зато всегда поддержишь и защитишь. А сейчас я остался совсем один. Нет, есть Том, и с ним тоже можно поговорить, но это немного не то. С тобой мне не страшно быть слабым. Когда ты вынужден быть постоянно сильным, принимать удары на себя и оттягивать внимание, так приятно осознавать, что есть кто-то, кому не нужны подвиги, кто укроет и пожалеет, позволит набраться сил, чтобы завтра снова стать сильным. Вернись, вернись, пожалуйста, мне так не хватает тебя.

И пишутся песни тебе по привычке...

Прости...

— Поехали к нему. Мари надо забрать. Я не допущу, чтобы моя девушка жила у какого-то

придурка.

— Билл, время — два часа ночи, ты в своем уме? — Том устало тер глаза. Я понимаю его. Он вымотался и хочет спать. Да и дорога от Гамбурга до Берлина была трудной, несколько крупных аварий, которые жутко давят на нервы. Брат дергался весь путь.

— А если он с ней что-нибудь сделает?

— Что? Я не думаю, что Мари сейчас пустится во все тяжкие. У нее депрессия, она наоборот будет стараться уединиться, спрятаться от всех. Давай завтра утром, а?

— Нет, тогда я поеду один.

— Ага, чтобы ты мне машину разбил?

— Я хочу ее забрать.

— Она не пойдет. Хочешь, чтобы тебя выгнали? Хочешь опять ее искать? Ты уже сделал для нее всё, что мог. Давай теперь думать головой и просчитывать последствия. Полина сказала, чтобы мы ее не трогали и дали отойти, значит, Мари нельзя трогать и надо дать ей возможность прийти в себя.

— Том, она живет у мужчины! Как я могу не волноваться?

— Вот пусть и дальше там живет. Билл, она очень переживала, когда ты уехал. Она любит тебя не за то, что ты Билл Каулитц, а просто потому, что ты есть, любит таким, каков ты есть. И это быстро не проходит, не выключается и не забывается. Мари сейчас больно и очень обидно. Возможно, она бы хотела, чтобы ты за ней явился. Но это потому, что она любит тебя и все еще тянется к тебе. Я больше чем уверен, что разум и гордость не позволят ей к тебе вернуться, тем более просто так, только из-за того, что ты сейчас в два часа ночи ввалишься в квартиру Штефана Шолля и потребуешь, чтобы она вернулась. Ты унизил и оскорбил ее при чужих людях. Всё, что тебе сейчас надо сделать — это доверять ей. Ты сам виноват в этой ситуации с другим мужчиной. Это твое говно, которое тебе придется съесть. Тебе сказали — сделай так, чтобы она захотела вернуться. Делай. Думай и делай. Я тебе ее нашел? Нашел. Теперь, давай, шевелись сам. Я помогу тебе во всем. Но я не позволю тебе обидеть ее еще раз и опять спугнуть непродуманными поступками. Поедем, попробуем найти их дом с башенками и восемнадцатой квартирой на втором этаже, окна которой выходят на парк и озеро. Но если ты сунешься к нему, я лично спущу тебя с лестницы.

За Мари установлено постоянное наблюдение. Ее ведут несколько человек. Саки и герр Цирке — молодцы! В нашем распоряжении две машины такси и одна обычная, ни чем не примечательная машинка. Агенты всегда рядом с ней, но не приближаются и часто меняются, чтобы не привлекать внимания и не примелькаться. Судя по первым фотографиям, Мари сейчас действительно надо дать остыть — она совершенно не улыбается и раздражена, ходит только в черном. Утром была в посольстве, потом зачем-то пошла пешком в консульство (там же идти дофига!). В обед поехала в полицию. Выглядит очень странно. Такое чувство, что ей плохо. Впрочем, если учесть, что она болела и только-только из больницы, то ничего удивительного в этом нет. Я чувствую ее слабость. Совершенно не понятно, зачем она нарезает такие круги пешком. Этот Шолль зажал ей денег на такси? Ублюдок!

— Билл, иди сюда, — позвал Том. Мне не понравился его голос. Мы ждали отчет, он

задерживался уже на несколько часов. Том хотел позвонить нашим детективам, но мы решили, что лучше пока не суесться, герр Цирке предупредил, что пришлет отчет позже. Сегодня к Мари должны были прийти гости, мы нервничали весь день. И вот сейчас мне не нравится голос брата.

Он включил запись, сделанную скрытой камерой. Детектив в форме газовщика долго звонил в дверь. Спустя несколько минут она распахнулась. Мы с Томом сначала хихикнули от неожиданности, а потом так же одновременно замолчали, прикрыв рты руками.

— Ебааать, — все, что смог вымолвить Том.

Мари едва держалась на ногах, повиснув на двери. Она была в очень коротеньком топе, в которых обычно занимаются спортом, и стрингах. Зареванная, с явно нечесаной сегодня головой, и, кажется... Мари была сильно пьяна.

«Фрау», — в голосе детектива слышалось недоумение.

Мари постаралась посмотреть на него вопросительно, склонив голову на бок, и чуть не свалилась. Твою мать...

«Фрау, мы из газовой службы, надо проверить ваше газовое оборудование».

Она что-то пробормотала по-русски, махнув рукой в сторону кухни. Ее повело в сторону, и если бы детектив не придержал дверь, Мари точно бы рухнула на паркет. Я заметил, что она сильно похудела. Такого никогда не было! Она никогда не была настолько худой. Дерьмо, он что там ее совсем не кормит?!

«Фрау... С вами все в порядке? Вам нужна помощь?» — кажется, у нашего агента сдали нервы.

Опухшее красное лицо перекривилось от отвращения. Она что-то зло прокричала на русском и захлопнула дверь.

Агент прислушался.

«Она рыдает там», — буркнул.

Я посмотрел распечатку. Герр Цирке писал, что сделать вразумительный перевод с русского на немецкий они не смогли, так как девушка говорила очень невнятно, возможно даже на сленге. Им удалось лишь разобрать: «Что вы лезете ко мне? У меня все отлично. Неужели не видно?»

— Давай не скажем Мари, что мы ее такую видели, — тихо пробормотал Том.

Я кивнул. Спасибо тебе, брат.

Еще в отчете сказано, что Шолль приехал с работы намного раньше. Через час они отправились в банк, потом прошлись по магазинам, немного погуляли. Мари выбрала себе черную одежду. Я рассматривал фотографии — наигранная улыбка, слишком широкая, слишком ненатуральная, во взгляде какой-то вызов, очень агрессивно накрашена. Впрочем, для человека, который несколько часов назад был пьян в говно, она выглядела вполне себе ничего. Держится от него на расстоянии, немного зажата, скована в движениях. Потерпи, моя хорошая, я верну тебя, чего бы мне это не стоило.

— Здравствуйте, фрау Эбертин, — Том светился доброжелательностью. Я присел на корточки перед гавкающей рыжей собачкой. Протянул руку. Существо тут же ткнулось мокрым носиком мне в ладонь, завильяло хвостом. — Можем ли мы с вами поговорить?

— Чем обязана, молодые люди?

— Меня зовут Том, а это мой брат Билл. У нас к вам необычная просьба, — он предложил ей сесть на ближайшую скамейку. — В вашем подъезде у Штефана Шолля живет девушка. Это русская журналистка, она работает в нашей команде. К тому же она — девушка моего брата. Простите, он не может разговаривать. У него серьезные проблемы со связками. — Я вежливо улыбнулся. Взял собаку на руки и начал гладить. Та начала попискивать и крутиться, оставляя на джинсах следы маленьких лапок. — Из-за недоразумения Мария ушла из дома, а нам бы очень хотелось ее вернуть. Но мы не можем просто прийти к ней и сказать: «Бери вещи, пошли домой». Она не пойдет...

— Подождите, вы те самые Том и Билл из какой-то группы? Там еще у одного из вас очень смешная колючая прическа.

— Да, у моего брата.

— А у тебя такие сосульки на голове, да?

Том осмотрелся по сторонам, чуть сдвинул капюшон толстовки и вытащил одну тщательно замаскированную дредину.

— Только не кричите об этом так громко. Мы без охраны, а поклонницы узнают нас даже по прыщичку на заднице.

— Можно потрогать? Мне всегда было интересно, какие они на ощупь.

Она помяла дредлок в пальцах. Улыбнулась, словно счастливый ребенок, мечта которого только что сбылась.

— Что вы хотите, мальчики? Чем я могу вам помочь?

Я ждал Мари в парке, прислушиваясь к разговорам в наушнике. Фрау Марта сказала, что пошлет ее именно туда. Мы договорились с Томом, что будем держаться на расстоянии и не выдадим себя.

— Внимание, объект вышел из дома. Принимайте у дороги.

Сел на лавочку. От волнения даже ноги не держат. А если она меня увидит, то как себя поведет? Что ей сказать? Она не будет орать в людном месте. Мари, конечно, бывает истеричкой, но она всегда знает, где можно кричать, а где не надо.

— Объект принял. Пятый, идем на тебя.

Пятый... Пятый... Это ко мне что ли идут? Ой... Том! Черт! Том! А если она меня увидит?

— Билл, это Том. Она идет в твою сторону. Аккуратнее там.

— Ты ее видишь?

— Да. Мари клево смотрится с этим барбосом. Только, по-моему, она его побаивается. В общем, давай, не высывайся.

— Не засоряем эфир. Объект принял, — зазвучал строгий мужской голос.

Мари, по всей видимости, решила обосноваться на лужайке в рощице между озером и клочком густых зеленых насаждений. Я сидел на скамейке у самой воды и делал вид, что читаю книгу. Она гоняла собаку, кидала ей мячик, бегала сама за ним, смеялась. Временами казалось, что она счастлива, радуется солнцу, весне, теплу. Хотелось подойти, взять за руку, прижать к себе, поцеловать. Еще казалось, что она расслаблена, все как прежде, Мари со мной, и надо махнуть ей рукой, чтобы обратить ее внимание. Она подбежит, обнимет, поцелует... А потом Мари поворачивалась, и я видел совершенно другое лицо — хмурый взгляд, опущенные уголки губ. Недалеко от нее активно «занимался» спортом наш агент. Как же все это глупо — следить за собственной девушкой! Нам надо поговорить. Я не могу смотреть, как она переживает. Не могу видеть ее грустной. Не хочу, чтобы она плакала и напивалась из-за меня. Встал и решительным шагом направился к ней.

Я не могу без тебя...

Тебя...

Мне всё надоело.

— Иди сюда, — зазвучал в ухе голос брата. — Здесь хорошо видно.

— Мне надо с ней поговорить. Я не могу без нее. Мне надоела эта игра в шпионов!

— Я сказал, иди сюда, — четко разделяя каждое слово, произнес он. Я упрямо остановился и сложил руки на груди. — Поверни направо и спокойным прогулочным шагом пройди по дорожке мимо зарослей.

Я обогнул кусты и присоединился к Тому.

— Какого черта? — шипел на него разъяренно.

— Не порть работу. Фрау Марта предупредит нас, когда она будет в состоянии общаться. Они подружились. Она разболтает Мари, вправит ей мозги, и тогда уже будем действовать. Подожди немного. Еще не время. Она пока слишком агрессивна. О, черт! О, нет!

Мари кинула мячик, и он сейчас неся в нашу сторону. А за ним бежала Саша. А за Сашей пойдет и Мари. Мы с Томом замерли. Собака на всех парах влетела в кусты, схватила мяч и только тут заметила нас. По окрестности разнесся ее противный писклявый лай.

— Пошла отсюда, — махнул Том ногой. — Пошла вон.

Саша, почувствовав знакомый запах, забрехала еще радостнее.

— Твою мать! Мари сюда идет, — простонал я.

— Прекрасное место для встречи, — пробормотал брат.

Мы осторожно двинулись назад. Саша увязалась за нами.

— Уходи отсюда, — скомандовал Том. — Я собаку отвлеку.

Я ринулся вон из зарослей, радуясь, что никому не пришло в голову их прореживать. Через несколько секунд в ухе опять зазвучал голос Тома:

— Билл иди спокойно вперед. Она тебя заметила, идет следом.

— Догоняет? — дрожащим голосом спросил я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Нет. Она держит достаточно большую дистанцию между вами.

— Третий, объект на тебя идет. Принимай, — вклинился голос агента.

— Вижу объект. Принял.

— Билл, не суетись. Садись в машину, и отъезжайте.

— А ты?

— А я следом иду. Она не сокращает дистанцию. Она просто тупо идет за тобой на расстоянии.

— Том, может подойти к ней? Мари же должна хотеть поговорить и выяснить отношения.

— Мари сейчас способна только на одно — испортить кое-кому интерфейс. А тебе с ним еще жить. Вали в машину. У нас Шолль на повестке дня.

Наверное, в душе я все-таки немножко гей. Мне понадобился час, чтобы решить, в чем я пойду на эту встречу, еще полчаса я пытался нарисовать лицо и сделать что-то на голове. После чего, представ перед Томом в идеальном виде, выслушал от него много нехороших слов относительно своей внешности и ориентации. Обычно я посылаю его за такие слова. Но сейчас брат был прав — перед Шоллем должен предстать мужчина, а не пидорас в узких джинсиках на лобке. Пришлось переодеться, умыться и лишь слегка подвести глаза. Без косметики я чувствовал себя незащищенно, а должен чувствовать превосходство. В машине выяснилось, что новые джинсы мне несколько жмут. Зато в них я просто офигительный. Пусть видит, кого предпочитает Мария. На фоне меня он просто разожравшийся ущербный урод.

Разожравшийся ущербный урод оказался хорош собою. Он знал себе цену, совершенно не дергался и откровенно хамил. Том велел мне молчать, чтобы ни случилось, чтобы Штефан ни сказал и как бы себя не повел. Шолль нужен нам в союзниках. Мы отрепетировали, что и как скажем, продумали все до мелочей. Осталось уговорить его поступить так, как нам надо. Штефан долго ломался. Я бы даже сказал, что он забавлялся происходящим. Я держал морду кирпичом и сжимал кулаки под столом, джинсы жутко давили на живот и прочие части тела. Я бы не назвал этого мужчину красивым. Зато в нем было море секса. Он просто излучал секс. Самоуверенный кобель, для которого моя Машенька лишь игрушка, развлечение. А Мари она ведь не такая. Ее любить надо и заботиться о ней. Она ведь только с виду сильная, а на деле очень ранимая. Она как будто проросла в меня корнями, словно оплела лианой, как будто я ее опора и поддержка. И все, что мне сейчас надо — это чтобы другие баобабы не смели лезть своими корнями к моей девушке. Иначе он узнает каков Билл Каулитц в гневе!

Мари ему позвонила... Твою мать! Она ему звонит и спрашивает, когда он вернется! Нет, ну что же это такое? Вот ведь mother-fucker! Мою девушку волнует, когда вернется домой этот белобрысый старпер! А вдруг они... Она же с ним почти неделю живет... Вдруг он ее... А если... Нет, Мари не могла. Она не могла. Она не предаст меня. Я взял лист бумаги и написал всего одно слово — SEX? Повернул к нему. Он даже не посмотрел. Зато вцепился в меня насмешливым взглядом. У меня все дрожит внутри и обрывается. Скажи! Ну, скажи же,

сволочь! Иначе я тебя убью.

— Не твое дело, сосунок.

Блядь! Сука! Тварь! Да я же тебя... голыми руками... Тварь!

— А ты как думаешь, стала бы она спать со мной?

Я взял себя в руки и постарался успокоиться. Я доверяю тебе, моя девочка. Ты не изменишь. Ты любишь меня и не изменишь. Да даже если изменишь, я все равно прощу тебя, потому что сам во всем виноват. Я сам виноват в том, что сейчас ты живешь у этого белобрысого чмошника.

— А если она спала со мной, ты откажешься от нее? Уйдешь из ее жизни?

Покачал головой. Я не уйду из ее жизни. Но и тебе с ней жить не дам. Я все сделаю, чтобы вернуть Мари. И никому ее не отдам. Она моя, моё, со мной.

— Между нами не было секса, — сказал от дверей. — Никто и пальцем не тронул твою принцессу.

Моя голова падает на стол на перекрещенные руки. Такое чувство, что тело в один миг стало чугунным, потеряло точку опоры и рухнуло наземь, и при этом оно какое-то легкое, невесомое, того гляди улетит.

— Саки, отвези нас домой, — просит Том, хлопая мне по плечу.

— Куда именно? — уточняет он.

— В Гамбург. Тут, вроде бы, мы все дела сделали. Теперь пусть Билл готовится к операции. Сейчас это для нас самое главное.

— Мари для нас самое главное, — поправляю я брата.

— Билл, для нас самое главное — это вернуть тебе голос. Мари мы вернем, так или иначе. А вот голос... Как учил Черчилль, в общем потоке необходимо выбрать самое главное, сделать это, а потом уже приступить ко всему остальному. Кстати, все спросить хотел, а нафига ты такое дерьмо ей набрал? Она же не оденет. Там одна пижама чего стоит! Мари пижаму в принципе не носит.

— Так ведь это не я ей купил, а он, — игриво закусил я губу.

Том рассмеялся.

— Знаешь, о чем я мечтаю? Открыть глаза после операции и увидеть ее. Почему у меня нет волшебной палочки?

— Палочка-то у тебя есть. Мозгов у тебя нет.

Всё. Мне нельзя разговаривать десять дней. И если до этого я говорил мало, то сейчас мне нельзя даже музыку слушать, чтобы не повредить связки. Накануне операции я не спал. Это было странное чувство, как будто тебя загнали в угол и ты больше ничего не можешь сделать — или сдаться и пропасть, или драться насмерть и все равно пропасть. Какого-то страха не

было, я старался настроить себя только на удачное завершение дела. Том настоял, чтобы я не вылезал из постели, дал мне ноутбук, принес кучу дисков. Приехала мама, которая, наконец-то, приготовила что-то поесть. Спрашивала про Мари. Том сказал, что ее срочно вызвали в Москву. Мама проворчала что-то типа: «Никому нет дела до моего мальчика» — и обняла меня, как маленького. И это ничего, что я на голову выше и уже давно не ребенок, все равно так приятно, что хоть кто-то меня любит. Ужасно, когда ты чувствуешь себя беззащитным, ужасно, когда ты чувствуешь себя слабым, ужасно, что рядом нет того, кто нужен больше всех на свете, в чьей поддержке ты нуждаешься больше всего, в паре слов, в прикосновении. Хотелось позвонить Мари, просто помолчать в трубку, услышав всего лишь такое любимое и родное «Алло». И я звонил. Несколько раз набирал ее номер. Слушал длинные гудки, мысленно разговаривал с ней, просил вернуться, а потом клал трубку. Я знаю, что там никого нет и можно не бояться, что Мари или Штефан ответят. Шолль увез ее куда-то рано утром. Никто не знает куда. Том просил не волноваться, потому что в понедельник он по любому появится на работе, и тогда они спустят с него шкуру. А я не мог не волноваться. Мне ужасно страшно. Моя жизнь изменилась. Десять дней страха и неизвестности. Как будет потом, что станет с голосом, что станет с группой? Я хочу и дальше оставаться в музыке, я ведь совсем ничего не умею. Действительно ничего! Том сказал, что без меня выступать не будет. Я знаю, он всего лишь хочет меня поддержать, я сам не позволю ему сидеть рядом и упиваться моим горем. Мари, если бы ты только знала, как сильно мне нужна...

— Билл, Штефан звонил, хочет завтра встретиться в первой половине дня, — Том сел на край кровати.

У меня и так с речью проблемы, горло сильно болит, самочувствие после наркоза такое, словно тело два часа в центрифуге вращали, а тут еще я дар мыслить потерял. Вытаращил на брата глаза.

— Надо решить, что именно мы хотим, чтобы у меня был предметный разговор. Ты можешь хотя бы примерно объяснить свои идеи?

Я попросил его дать мне ноут, быстро набрал в мессенджере:

«Хочу окружить ее собой. Хочу, чтобы, куда бы она ни пошла, видела бы меня, нас, какие-то кусочки из нашей жизни».

Том вопросительно изогнул брови.

«Дай фотографии, — указал на стол. Он взял несколько штук и протянул мне. — Смотри, все просто. Она ездит на общественном транспорте, много ходит пешком. Я хочу, чтобы все районы, по которым передвигается Мари, были завешены изображениями, напоминающими ей о доме».

— У тебя с головой как? Ты хочешь, чтобы нас с тобой менеджеры без суда и следствия в расход пустили? Не, я им объясню, что ты после наркоза малость того, — покрутил пальцем у виска, — сбрендил, но... Фанаты ж нас по родинкам на членах распознают!

Я взял фотографию и обложил ее другими, как рамкой, выделив небольшой кусок на основной.

— Должно быть что-то, чтобы она сразу поняла, что это для нее, — подхватил брат идею.

«Я найду ту песню, которую она мне напевала, когда вернулась из Москвы. Мари еще сказала, что эта песня о нас. Думаю, что смогу ее отыскать».

— То есть кусочек чего-то, что Мари узнает, и строчки той песни? — Том изобразил в воздухе нечто.

Я кивнул.

«Шолль — рекламщик, возможно, он что-то присоветует. К тому же у него есть связи в наружке, а нам они нужны. Мари может улететь в любой момент, надо спешить».

— Хорошо, я понял.

«Он сказал, где был?»

— Ездили на день рождения к другу Томасу Хольцману, какой-то бизнесмен.

«Мари?»

— Сказал, что с ней все хорошо, она немного проветрилась, отдохнула и выглядит бодрячком. Ты завтра дома сиди, никуда не бегай. Я со Штефаном встречусь...

«И сразу же мне отзвони!»

— Конечно. Я встречусь с ним, послушаю, что скажет. Если он согласится нам помочь, тогда попытаюсь выжать из него всё, на что он будет способен. А потом квартиру посмотрю, которую мы с тобой выбрали. Если там всё так, как агент обещал, то подписываю договор, и мы ее забираем, да?

Я снова кивнул. Все-таки хорошо, что у меня есть Том. Мы с ним как один человек. Я могу доверять ему, а он мне, мы не можем друг без друга.

— Только, Билл, я первый выберу себе комнату. На правах старшего.

«Но моя все равно самая большая. Меня двое», — показал ему язык.

— Спи давай. Я обещал врачу, что у тебя будет полноценный постельный режим. Не подводи меня, — он улыбался.

Я отставил ноут в сторону и накрылся одеялом с головой, демонстрируя полную покорность. Постельный, значит постельный. Я и сам сейчас ни на что не способен — только лежать под одеялом и изображать из себя самого несчастного человека на свете.

Том уехал ночью. Я не слышал, как он ушел. А утром проснулся от острого приступа одиночества. Квартира выглядела безжизненной и пустой. Мама вернется только вечером. Холодильник забит едой. Но есть не хотелось. Вчера после операции мне было жутко плохо. Горло болело, отходняк от наркоза был таким, что хотелось уже как-нибудь по быстренькому умереть. Я не психовал и не капризничал, просто соглашался со всем. Но вчера разбитое физическое состояние гасило все мои страхи, а сегодня... Мне казалось, что я больше никогда не выйду на сцену, что больше не смогу говорить. Мерещилось, что врачи сделали что-то неправильно, и я навсегда остался немым. Хотелось закричать, чтобы проверить. Хотелось спеть хоть что-нибудь. Хотелось просто услышать собственный голос. Это похоже на сумасшествие. Я метался по квартире, смотрел в зеркало, заглядывал в рот. Мой голос — это все, что у меня есть, это мое богатство, моя жизнь. А если он не вернется? Как Мари отнесется ко мне — немому? Примет ли? Захочет ли связать со мной свою жизнь? Я ведь больше ни на что не способен. Только петь. Она правильно сделала, что ушла. И хорошо, что ушла именно

тогда, до операции. Мари наверняка бы осталась со мной. Она бы была со мной из жалости, проклинала бы каждый день, ненавидела, но не оставила. Хорошо, что она ушла. Надо написать Тому смску, чтобы отменил всё. Я не хочу ломать ей жизнь, у нее такие перспективы впереди, я не хочу ее удерживать. Я не достоин ее, не могу быть рядом с ней, не хочу видеть жалость и сострадание.

Я не могу без тебя...

Тебя...

Как будто заело...

Щеки что-то коснулось, словно перышком провели. Я плотнее сомкнул веки и затаил дыхание, боясь прогнать наваждение. Казалось, что все по-прежнему. Мари вернулась откуда-то домой, опустилась на колени перед кроватью, гладит руки и целует в щеку, утыкаясь носом мне в волосы. И хочется податься вперед, сгрести ее в охапку и никуда больше не отпускать.

Вернись. Вернись. Вернись. Вернись! — шепчу ей, как в бреду. — Вернись! — кричу так громко, как только могу. — Просто вернись домой! Пожалуйста, вернись. Мне так не хватает тебя. — Губы на губах. Поцелуй нежный и соленый. Запах ее духов. Тепло ее тела. Ласковые руки. — Вернись, ну, пожалуйста, вернись. Вернись, умоляю.

Это всего лишь моя фантазия...

Мобилка на полу разрывалась от чьего-то звонка. Она вибрировала, медленно ползла по паркету и орала дурным голосом. Между прочим, моим голосом. Дэвид все-таки странный человек — зачем звонить мне, зная, что я все равно не могу говорить?

Нажал принять вызов.

— Билл, надеюсь, ты дома, потому что я через полчаса буду у тебя.

Я кивнул и отключил мобилку совсем. Идите к черту! Через мгновение зазвонил домашний телефон. Я смотрел на него и не мог взять трубку — это Мари. Не знаю, почему, но это она. Сердцем чувствую...

— Какого хрена?! Что за самодеятельность вы там развели?! — неся из трубки возмущенный крик.

— Ты о чем? — недоуменно косился в мою сторону Том. Я лишь пожал плечами. — Мы ничего не делали...

— А что за представление с собакой?! — Потом шел мат, настолько витиеватый, что я и не думал, что с виду приличный молодой человек умеет ТАК выражаться.

— Штефан, у нас все по плану. Что с Мари? Что с собакой? — бледнел Том. Я напрягся. — ...Как украли? А Мари?! Я не ору! Я просто сейчас тут сам! Всех!

Дернул брата за рукав, тревожно заглядывая в глаза. Том лишь отмахнулся с досадой. Я ерзал на сидении, готовый бежать в парк, наплевав на все меры предосторожности и маскировку.

— Ударили?!

У меня похолодело все внутри. Я подлетел к Тому и вырвал телефон.

— ...отзвонили уже. Вроде бы целая. Говорит, он сильно ее. Машины пострадали серьезно.

К черту машины!

— К черту машины! Что с Мари? — выхватил Том трубку обратно. Я прислонил ухо с другой стороны, чтобы было слышно.

— Я еду уже туда. Говорю же, что отзвонили, сказали, что у нее все цело. Пара синяков.

— А собака?

— Собаку отбили. Машины только не уберегли. Вы готовьтесь, я сейчас посмотрю, как она, а там будет видно, сегодня с психологом поработаем или завтра.

— Мы сейчас будем! К черту всё!

— Том, не дурите! Там полно народу. Куча зевак. Вы хотите обнародовать ваши отношения? Завтра все газеты об этом напишут. Нам не нужна огласка.

— Но Мари...

— С Мари все в порядке, пара синяков, не более. С ней наши люди. Нам не нужна огласка. Мари она не нужна в первую очередь. Давайте, все-таки будем думать о ней, а не о себе.

Том поблагодарил его и выдохнул устало. Я откинулся на спинку сиденья в микроавтобусе и недовольно сложил руки на груди. Ну и что, что огласка будет! Я ей нужен сейчас. Какая-то тварь посмела поднять руку на мою девочку. Со света сживу ублюдка!

— Что случилось? — спросил Карл.

— Все отменяется? — приподнял бровь Даниэль. Я потратил полдня, чтобы обучить его этому приему.

— Какие-то долбоебы напали на Мари и избили ее, — мрачно выдал брат. — Говорят, что собаку пытались украсть. Она не дала, сцепилась с ними. Одному лицу сильно разбила, а второй ей самой наподдал.

— Собаку? Да кому она нужна? — поморщился, как Том, Дэни.

— Она очень дорогая и из какого-то крутого питомника. Мы полдня хозяйку уламывали, чтобы она разрешила Мари ее выгуливать.

Я поймал себя на мысли, что нервно грызу ноготь, глядя в никуда. Сердце бешено колотится в груди. Во рту все пересохло. Взял сигарету. Том тут же отобрал ее, сам закурил. Я потер глаза. Надо позвонить детективам. Они-то должны знать, что произошло!

— Герр Цирке, приветствую. Что там у нас случилось? — Том говорил жестко и строго.

— На Марию напали. Их было трое. Они ее несколько дней пасли. Мои люди их засекали, но мужчины вели себя спокойно... Мы никак не могли понять, кто это и что им надо... В общем... — голос детектива был тих.

— В общем, вы их проворонили.

— Можно и так сказать.

— Что с Марией?

— Синяки на скуле и бедре. Похоже, руку отбила. Язык прикусила. Ничего серьезного. Испугалась сильно. Все произошло так быстро, что мои ребята просто не успели. Они были рядом. Никто не ожидал... Но, вы знаете, Том, она так рьяно кинулась защищать собаку. У нее поставленный удар. Если бы он был один, она бы с ним справилась.

Я не смог скрыть улыбку — и в этом вся моя Мари. Что тогда у аборигенов в Австралии, что в Москве — Мари кидается на защиту кого-то с полоумным отчаяньем, совершенно не отдавая себе отчет о последствиях.

— А что там с машинами?

— Разбит левый бок у БМВ — водитель перекрыл им дорогу машиной. И разбита вся морда у нашего «такси». Этих уродов подперли, они сдали назад, но все равно уйти не смогли, протаранили еще раз БМВушку. Ну, а там уж наши люди подтянулись, — герр Цирке довольно ухмыльнулся.

— Навешали? — хищно оскалился Том.

— По полной программе. Собаку отобрали, вернули девушке. С полицией сейчас разбираемся. С ней два наших агента. Ждут Штефана. У нас вечер в силе остается?

— Не знаю еще. Как Штефан отзвонит. Мы готовы. Нам надо будет обсудить эту ситуацию. Я не зря просил охрану. Настоящую охрану.

— Я понимаю.

— И еще, герр Цирке, посмотрите по территории, чтобы лишних девушек не шлялось. Нам бы не хотелось, чтобы Даниэль пострадал ни за что, и работа гримера была испорчена. Все-таки два часа убили на то, чтобы он на меня походил.

Я глянул на парня. Тот неотрывно следил за Томом и копировал каждое его движение — вживался в роль. Этого семнадцатилетнего актера нам предложил Штефан. Мы хотели посмотреть на реакцию Марии. Решили, что на меня она все еще может сердиться и отреагирует слишком агрессивно, а вот к псевдо-Тому, возможно, отнесется спокойнее. По крайней мере, мы поймем, чего от нее ждать при встрече. Поэтому два дня Даниэль жил в нашей новой квартире вместе с нами и учился быть Томом. А вот Карл — психолог, который понаблюдает за ней и поможет скорректировать план возвращения.

— Полина звонила. Говорит, что Мари осторожно выпрашивала о нас. Она ничего ей не сказала. Сказала, что у нее был расстроенный голос. Полина попробовала разговорить ее, узнать, что и как, что Мари думает, как хочет поступить. Та распсиховалась и тут же свернула разговор.

Том стоял рядом и смотрел в окно. Дэни и Карл на своих местах. Штефан должен появиться с минуты на минуту.

— Может быть, чай или кофе? — заглянула в комнату хозяйка квартиры.

— Благодарим вас, — улыбнулся Том.

— Просто такое событие... — разглядывала она нас, как зверей в зоопарке. — Штефан сказал... Просил... Но мы и не думали...

— Мы вам очень признательны. И мы очень надеемся, что все останется между нами.

Я глянул на брата и нарисовал в воздухе билет.

— И в благодарность за ваше гостеприимство, обещаю, что мы пришлем вам два VIP-приглашения на наш ближайший концерт в Германии.

«Четыре и пусть валит уже отсюда», — поморщился я.

— Вот, Билл говорит, что четыре. А можно теперь выключить свет? Нам бы не хотелось, чтобы окружающие узнали, что мы здесь.

Женщина вышла, закрыв дверь.

— Надо будет к ней Саки послать с договором о конфиденциальности. Что-то не подготовились мы, — проворчал Том.

Штефан и Мари появились на дорожке. Она заметно прихрамывала, держала его под руку, что-то рассказывала, кокетливо закатывая глаза. Я больше не ревновал к нему. За эти несколько дней мы подружились и объединили наши усилия. Штефан развил мои идеи и помогал во всем. Я знал, что происходит с Мари днем от детективов. Я знал, что она думает от Штефана. Я знал, что у нее на душе от фрау Марты. Я знал о ней все. Я не могу только к ней прикоснуться...

Мари заметила Дэни. Я почувствовал, как в груди у нее все вздрогнуло, она дернулась и шарахнулась от Штефана, словно застигнутая мужем неверная жена от любовника. Да, Мари отскочила от него на пару метров, как будто от Штефана исходит смертельная опасность. Шолль делал вид, что ничего экстраординарного не происходит, мягко потянул ее вперед. Она не шла. Она быстро переводила взгляд с Дэни на Карла и, кажется, собиралась натурально сбежать.

— У нее такой вид, словно она сейчас ломанется обратно в парк, — растерянно пробормотал Том.

Штефан тянул ее вперед. Мари неуверенно сделала несколько шагов, вцепившись в его руку, а потом споткнулась на ровном месте.

— Она боится, Билл, она реально боится. У нее самая натуральная паника.

Он подхватил ее на руки. Она сжалась, закрыв лицо ладонями, и уткнулась ему в грудь.

— Ты еще хочешь к ней подойти? Если бы не Штефан, она бы развернулась и опять тупо чесанула куда-нибудь, на что денег хватит.

Штефан посадил ее на лавку. Подошел к ребятам. Видимо, начал их знакомить. На лице Мари тут же отразилась вся гамма чувств — от глубокого разочарования и обиды, что ее обманули, до вселенского счастья и веселья, что она обозналась. Я смотрел на нее и пытался понять, что сейчас творится в этой хорошенькой головке. Она подошла к компании. Вся ее поза

демонстрировала заинтересованность и игривость. Она не обращала внимания на Карла, полностью переключившись на Дэни. Взгляд другой, как у кошки, которая увидела мышку. Нога отставлена, мысок повернут в сторону Дэни — заинтересованность. Она поймалась на нашу удочку, как маленькая глупая рыбка. В сердце шевельнулась ревность — Мари не просто кокетничала с ним, она заигрывала, тянулась к нему, как-то совершенно незаметно пододвигаясь все ближе и ближе. Она скучает по Тому. Я отчетливо видел, как сильно она по нему скучает. Стало больно и обидно. Я закусил губу. Мари скучает по моему брату, но не по мне.

— Ой, только не реви, — пихнул меня в бок Том. Ненавижу его за то, что он понимает меня без слов. — Я ведь предлагал заgrimировать его под тебя. Ты сам отказался.

«И что?» — всплеснул я руками.

— Билл, ты же знаешь, что нельзя. Она на «меня» отреагировала не адекватно, а от «тебя» точно сбежит. Мари скучает. Посмотри на нее. Она же скучает. Это видно и чувствуется. Потерпи немного. Тебе в среду разрешат разговаривать. В следующую пятницу мы ее заберем. Ты хотя бы сможешь ей все объяснить. На этой неделе окружим ее нами, домом, всем, чтобы только мы вокруг были и никого больше. Завтра стикеры в магазине. В выходные помаячим у нее перед носом в людном месте. «Аквадом» — идеальное место. Потом плакаты. Фрау Марта прочистит ей мозги за неделю. Полина скажет, что мы ее ищем и очень ждем. Штефан газет купит. Потом пару дней перерыв, чтобы соскучиться успела, а в четверг-пятницу или в ее любимом кафе выловим, или в парке. Заманим Сашу куда-нибудь, а за ней и Мари подтянется. Густав с Георгом в понедельник утром приедут. Поводим ее по городу, я им уже все объяснил...

Я сейчас хочу. Хочу выйти на улицу, подойти к ней и просто взять за руку. Хочу прижать к себе. Хочу целовать. Хочу, чтобы во всем мире остались только мы с ней. Ну, черт с ним, пусть и Том будет. Но сейчас я даже Тома не хочу. Ласкал ее взглядом, представляя, как прижимаюсь к спине, как обнимаю за талию. Мысленно целовал ее шею, перебирал волосы. Я растворялся в Мари, впитывал, становился с ней одним целым. Я чувствовал каждую клеточку ее организма, каждую ее мысль, каждое желание. Она дрожала в моих руках. Ей было плохо и одиноко. Страх больше не было, лишь тоска, похожая на монотонную зубную боль. Я вытирал слезы, выступившие на ее глазах, и касался губ. Вернись. Умоляю тебя, вернись.

— Билл! — Том дернул меня за руку на себя. — Ты с ума сошел? Она же увидела тебя!

Мари заметалась, стала пристальнее всматриваться в окно. Мы с Томом замерли.

— Надеюсь, ей не придет в голову проверить свою догадку, иначе придется прыгать.

Я покачал головой. Как же мне плохо. Почему они не позволили просто поговорить с тобой. Зачем столько сложностей? Я хочу, чтобы ты вернулась. Я все сделаю для того, чтобы ты больше никогда не захотела от меня уйти. Мари...

Она, видимо, со всеми попрощалась и пошла в подъезд. Не похоже, что будет проверять. Я бы проверил. Она видела меня. Ошибки быть не может. Она точно видела меня. И сразу Дэни стал не нужен. Она скучает по мне, любит до сих пор. Мари вернется. Сейчас я уверен, что она вернется, как бы ни ломалась, как бы не сопротивлялась, Мари вернется.

Все шло по плану. Менеджеры Штефана договорились о размещении стикеров на один вечер в магазине. Продавцы по моей просьбе кое-что переставили в кондитерском отделе, выложив вперед мой любимый мармелад. Мы с Шоллем прошлись по рядам, все проверили. Я

дотронулся по глянцевой поверхности наклейки. Из-за этой песни я два дня не спал и не ел. Даже Густава заставил помогать. Правда, его познаний в родном языке Марии хватило только на то, чтобы перевести на немецкий какие-то непонятные слова с русского форума, которые не взял он-лайн переводчик. Но прежде я честно прослушал весь тот кошмар, который хранился у нее в папке с музыкой. Некоторые песни не вынес и удалил. Как можно слушать такую дрянь? Надо приучить ее к прекрасному. Накачала себе какого-то Шопена в обработке! Ну кто сейчас такую муть слушает? Потом попытался найти текст на немецком и английском, забив отдельные фразы в поисковик. Беда в том, что в тот момент я не слушал Мари. Мои мысли были несколько далеко от песен в ее исполнении. В своих мыслях я уже во всю ее любил, поэтому из того мяуканья запомнил только пару фраз, которые порадовали внутренним смыслом. Потом вспомнил, что Мари вернулась из России в тот день, и решил, что песня может быть местной. Дальше мы составили с Густавом письмо на ее родном языке и разместили сообщение на одном из русских фанатских сайтов, где Мари была зарегистрирована. У нее в компьютере есть папочка с линками на любимые ресурсы. Вообще надо ей комп почистить. Там столько компромата на нас... Не дай бог потеряет. Тот, кто найдет, станет мультимиллионером. Добрые русские девушки весьма оперативно кинули нам текст и ссылку на клип. Клип был странным, а вот песня мне понравилась. Потом мы перевели слова. Да, это точно она. Я выбрал строчки, фотографии. Штефан, кстати, прислал к нам в Гамбург своего фотографа. Парень приехал с четкими инструкциями, и мы полдня фотографировались, чтобы получить то, что нужно. Самое забавное — это то, как мы фотографировали Тома. Надо было, чтобы нас не узнали другие, но Мари точно поняла, что это мы. А тут дреды. Никуда их не денешь, не спрячешь. Забрызгали стекло водой и снимали голого Тома в холодной ванной, чтобы объектив не потел. Том дрожал, синел, но стойко изображал страсть. Все получилось шикарно. В понедельник Штефан отвезет Мари в консульство, по пути продемонстрировав ей наши шедевры. Она заценит. Мы будем рядом. Хочу посмотреть на ее реакцию. Сейчас тоже хочу все увидеть, но немного стремно. Мари узнает меня даже в костюме, светлом парике и с голубыми глазами. Не хочу ее травмировать таким внешним видом. У нас все готово к тому, чтобы мягко вернуть ее обратно. Дело за консульством. Это единственное место, где нам не удалось договориться. У нас осталась последняя неделя. В следующую пятницу они будут обязаны выдать ей разрешение на выезд, и до этого срока мы обязаны ее вернуть. Штефан сказал, что уговорит Мари задержаться на пару дней, но рисковать не хотелось. В среду мне ко врачу, а в четверг-пятницу я уже точно смогу с ней объясниться. Надеюсь, она будет в состоянии меня услышать.

В магазине у Мари случилась истерика. Она переходила от стикера к стикеру, проводя по ним пальцами, словно боясь, что связь разорвется, и она потеряет опору. Мари целовала их, прижималась к ним щекой и что-то шептала. Меня трясло. Глаза слезились. Она любит меня. Она так сильно меня любит. Я тоже очень устал без тебя, но ты же гордая, ты же не пойдешь в руки сама. Штефан говорит, ты даже телевизор не смотришь, уходишь, когда начинаются новости. Он сказал, что ты создала вокруг себя вакуум и делаешь все возможное, чтобы ничего о нас не просочилось в твое сознание. «Мария очень старается избавиться от всего, что хоть как-то напоминает ей о вас». Карл тоже сказал, что ты закрыта, замурована, спрятана и не открылась за вечер, лишь язвить начинала сильнее, когда кто-то пытался скovyрнуть твою рану. Ты в себе сейчас. И я все сделаю, чтобы ты вновь стала во мне. Я хочу, чтобы ты сучала по мне, я хочу снова прижать тебя к себе и не выпускать.

Опять не могу без тебя...

Без тебя...

Мне все надоели...

Беда...

Как будто заело.

[12:54:50] В.К: Скажи, а почему ты согласился нам помочь? Ты же отказался...

[12:56:03] Saruman: Я на следующий день после нашей «встречи» зашел в Интернет и начал искать ваши фотографии. Ну, те, на которых вы вдвоем или просто фотографии Мари.

[12:56:15] В.К: Зачем? О_о

[12:57:53] Saruman: Хотел посмотреть на нее в обычной жизни до того, как она рассталась мозгом. Понимаешь, Мари постоянно плакала. Тогда в поезде, потом в больнице, затем у меня. Врач предупредила, что у нее реактивная депрессия, ее бы хорошо показать специалистам, потому что дело может кончиться суицидом. Она дала ей какое-то успокоительное.

[12:58:25] В.К: Почему ты ее не отвез ко врачу?

[13:01:07] Saruman: Я договорился с врачом. Мы просто не успели к нему съездить. Временами мне казалось, что Мари справляется сама. Потом понимал, что это видимость. А тогда, в Интернете, я увидел совершенно другого человека — счастливого, довольного, влюбленного.

[13:02:01] В.К: На людях мы даже близко друг к другу не подходили.

[13:11:24] Saruman: Это не важно. Когда вы смотрели друг на друга, я видел химию. Не понимаю, как это можно не увидеть и не почувствовать и как вы умудрились так долго скрывать ваши отношения. Химия во всем — во взаимных взглядах, в ваших позах относительно друг друга, в наигранной мимике. Даже в той игре, которую вы ведете, в азартном блеске глаз. Это же так отчетливо видно!

[13:12:49] В.К: Странно. Наш продюсер, например, считает, что мы с ней ненавидим друг друга.

[13:14:53] Saruman: Я не видел ни одной фотографии, на которой бы ее лицо по отношению к тебе было злым. Недовольным — возможно, но не злым. Тогда я решил, что скрывать отношения — это твоя инициатива. Ты — суперстар, тебе не нужна огласка и ответственность.

[13:14:59] В.К: Увы...

[13:18:34] Saruman: Да, я знаю. Когда Том объяснил, что это Мари не хочет огласки, я понял, почему она ничего мне не рассказывает и почему просила тебя сохранить ваше инкогнито. Она пытается все время остаться рядом с тобой личностью. Быть не «девушкой Билла Каулитца», а самой собой, Марией Ефимовой. И теми словами, которыми ты ее обозвал, ты унизил ее именно как самостоятельную личность. Она сильная и целеустремленная, добрая и мягкая. Я бы хотел, чтобы рядом со мной была такая девушка.

[13:18:41] В.К: Отчего же уступил? Ты же был с ней один на один.

[13:20:12] Saruman: Между нами нет химии. Я могу влюбить ее в себя, но это будет не то. Мне не хотелось разрушать ваши отношения. К сожалению, химия стала так редко встречаться.

[13:20:50] В.К: Ты про жену?

[13:21:33] Saruman: Нет, там не было химии. С моей стороны гормоны и престиж, с ее — алчность. По-моему у меня ни с кем не было химии. Мне кажется, что со мной общаются, потому что я — Штефан Шолль, «крутой чувак, у которого много денег».]:-(Ладно, проехали. «Бугатти» жалко. Клевая была тачка.

[13:21:49] В.К: Понимаю. Очень хорошо понимаю.

[13:21:52] Saruman:)))

[13:35:29] В.К: Герр Цирке только что звонил. Сказал, похоже, Мари выпустили.

[13:36:58] Saruman: Не переживай. Я придумаю до вечера, как ее задержать. Раньше пятницы она из Германии не уедет. Ну, в конце концов, фрау Марта заболеет великим воспалением хитрости, и Мари придется поухаживать за собакой, потому что я постоянно на работе. Вы поговорили с ней?

[13:37:09] В.К: Да. Она обещала поговорить с Мари и убедить ее в глупости принимаемых решений. Черт, Мари такая упрямая, это что-то! В любом случае, спасибо тебе.

[13:37:23] Saruman: Пока что не за что.

— Том! Срочно! У нее билет на самолет! Она улетает ночью. Я ничего не могу сделать. Вообще ничего. Она опять хочет сбежать. Я могу только притащить ее к вам за шкуру.

— Куда? Опять? — Том подскочил и заметался по гостиной. — Не отпускай ее!

— Иди отсюда! — выхватил трубку Георг и замер, вытянув руку.

— У нее билет. Она собрала вещи.

Я схватил блокнот и написал:

«Рейс? Номер?»

Ткнул Георгу в нос.

— Во сколько она улетает и каким рейсом? — осторожно спросил он.

— Aeroflot Russian Airlines. Рейс SU-116, 01-00, 08/04/08, — видимо, прочитал Штефан.

«Закажи билет. Я полечу с ней».

— Больной? — заорал Том. — У тебя визы нет!

«*** с визой! Закажи билет! Тот же рейс!»

— Штефан, две секунды, не кладите трубку, — подошел к телефону Густав. — У нас тут Каулитцы сейчас проистерят, а мы с Георгом подумаем.

— Только быстрее думайте, я на минуточку вышел.

— Мелодию на слух сможешь подобрать? — повернулся Густав к Георгу.

— Если не глобально умную, то смогу, — пожал он плечами.

— Отлично! Штефан, нам надо часа полтора, чтобы подготовиться. Вы ведь живете в Грюневальде? Там есть бар «Вивальди». Небольшой ресторанчик, тихий и уютный. Знаете?

— Конечно. Вы хотите, чтобы я отвел туда Марию?

— Да. Им владеет мой дядя. Я сейчас позвоню ему, попрошу закрыть на спецобслуживание.

— Вы что, совсем спятили? — заорал Том. — Один в Россию собрался, второй по ресторанам решил пошляться!

Я стоял рядом и многозначительно кивал.

— Как ты с ними уживаешься? — явно поморщился Штефан. — Я бы их уже давно убил.

— Я пацифист, — скромно пожал плечами Густав. — Особенно, когда имею дело с неандертальцами.

— Что ты хочешь сделать? — рассмеялся он.

— Да все просто. Сделаем красиво и романтично. Из зала уберем всех посетителей. Посадим в качестве фона работников ресторана. Потом, когда Мари обратит на нас внимание, народ из зала по-быстрому свалит, а там уж или она поедет из ресторана с нами домой, или одно из двух. Наиграем ей ту песню, пусть порадует ребенка. Жалко Билл петть не может, а то я б его заставил выучить слова на русском. По-моему, должно получиться красиво.

— Я согласен. Но вот Каулитцы почему-то спорят.

— Каулитцы молчат, — сунулся к трубке Том. — Штефан, забери билет и не отдавай. Все документы у нее забери. Справку эту на выезд тоже забери. Всё забери. И деньги забери!

«Пошли кого-нибудь за билетом!» — нацарапал я в блокноте.

— Бля, да пошлю, отвали только, — огрызнулся Том.

— Так, давайте сверим часы, — резюмировал Шолль. — Сейчас половина восьмого. Примерно в половине десятого я отведу ее в «Вивальди». Там мы типа выпьем кофе. Ну, а потом я заберу собаку, и вы уж дальше сами. Только отзвоните мне, как прошло. Боюсь, что после такой подставы, Мари не захочет со мной общаться.

— Захочет. Побесится немного и захочет. Это же для нее было сделано, — улыбнулся Густав.

Я прищурился и поджал губы. Нет, Штефан друг и все дела, но я не планировал, что Мари продолжит с ним общаться. Я бы хотел, чтобы он остался приятным воспоминанием, чем постоянным напоминанием. А то вдруг он купит себе еще одну «Бугатти» и Мари свалит в его замок в горах Швейцарии.

— Билл, если ты ее упустишь, я лично сверну тебе голову, — не подозревал Штефан о моих ревностных мыслях.

Я широко улыбнулся. Хотя, наверное, лучше сказать — мило оскалился.

— Он показал тебе фак, — заржал Том.

— Сам такой, — хихикнул Штефан. — Все, ребята, операция «Возвращение блудной дочери»

перешла в финальную фазу. Если вы ее провалите...

— До встречи, — хором отозвались мы и скинули вызов.

«Пошли кого-нибудь за билетом!» — опять показал я Тому блокнот.

— Водителя сейчас вызову и пошлю в аэропорт, — сдался брат. — Зачем тебе?

«Надо».

— Придурок. У тебя же нет визы! — морщился Том упрямо.

— Слушай, купи ты ему билет, пусть уже отстанет, — Георг задумчиво чесал затылок и оглядывался. — Гитару-то я с собой не привез.

— А это все к Густаву. Его идея была, — пожал Том плечами.

— Заткнитесь, а. — Густав звонил дяде. — Я тоже без барабанов, если вы обратили внимание. Билл, не стой столбом! Тащи ноут с этой песней. Надеюсь, у тебя хватило ума ее не стирать? Включи ребятам, пусть прикинут, как мелодию играть. Алло, Макс, привет. Узнал?.. Чего это я зазвездил? Ни в коем разе. Я матери-то раз в столетие звоню... Ну прости. У меня к тебе дело такое... Эээ... Конфиденциальное. Можешь помочь? Причем отказ я не приму. Мы уже со всеми договорились.

4

Если бы хоть кто-нибудь знал, как я заебался. Заебался быть нянькой, заебался следить за каждым шагом, заебался решать многочисленные проблемы — мелкие, большие, всякие! Почему сейчас я должен ехать через полгорода, чтобы пнуть этого говнюка, которому класть на собственное здоровье? Оно мне надо? У меня полно дел. Меня ждут друзья. И какого *** я вынужден быть мамкой, нянькой и еще хер знает кем для дылды, которая на полголовы выше меня? Блядь, убью, гаденыша! При всех отвешу волшебный пинок! Со злости пнул дверь квартиры Каулитцев — для тренировки. Она и открылась. Эти идиоты еще и не закрылись?

В квартире пахло табаком. Курили! Отлично, у нас драная глотка, и мы ж еще и куревом травимся! Твою мать! Я просто его сейчас зашибу. Легче будет найти нового, чем вылечить старого, который ни *** еще и лечиться не хочет! Прошелся по квартире. Судя по всему, они вчера пили. Кальян стоит. Коробки и лотки из-под жратвы. Срач, как в притоне. Тьфу, находиться в квартире противно! Так, кто-то спал в гостиной — плед аккуратно сложен. Густав, наверное. Где остальные? На столе яичный ликер. Хм, фрау Ефимова соизволила нарисоваться? Кроме нее эту дрянь больше никто не пьет. Въебать бы ей, чтобы мало не показалось. С ней надо отдельно разбираться, тет-а-тет. А то сейчас всем табуном на защиту несчастной русской встанут. Я заглянул во все комнаты — никого. Оставалась самая дальняя. Помнится мне, мелкий Каулитц ее под себя резервировал.

В едва различимом полумраке представшая картина вызывала улыбку умиления. Они спали втроем — Билл, наполовину свесивший зад с кровати, Георг и Том, высунув одинаково волосатые ноги из-под одеял. Том и Билл жались друг к другу. Впрочем, как обычно. Иногда мне кажется, что они сиамские близнецы, разделенные в детстве злым хирургом. Георг завернулся в одеяло, как в кокон. Заорать на них что ли? Не одному же мне ходить с поганым настроением. Интересно, а куда делась русская? Черт с ней. Я хищно улыбнулся и набрал в грудь побольше воздуха, чтобы гаркнуть громко и эффектно. Неожиданно между Каулитцами что-то завозилось. Я удивленно уставился на копошение под одеялом. Кажется, я знаю, куда

делась русская. Отошел на пару шагов назад и уселся в кресло. Чутье подсказывало, что через несколько секунд я получу ответ на вопрос, с кем же она все-таки спит. Ведь спит с кем-то! Носом чую!

— Том! — скинула она с себя их руки и резко села, сдергивая одеяло. Том поежился и попытался укрыться. Билл сонно выдохнул и... обхватил ее за талию, прижав к себе. — Я из-за вас сварилась. Билл лежит на самом краю, того гляди свалится. Билл, скажи ему, — капризным голосом тянула Мария.

Сказать, что я охренел, значит, ничего не сказать. «Билл, скажи ему!»? Билл? Да он же... Он же, как гадюка, шипеть начинает, стоит ей оказаться в поле его видимости.

Том буркнул что-то нечленораздельное и, забрав с них одеяло, уполз к Георгу. Мари, недовольно поджав губы, шлепнулась обратно на подушку, сложила руки на груди. Даже отсюда я видел, как в ее голове рождается план мести. Билл вытянулся вдоль нее, потянулся, закинул ногу на бедра и привстал на локте, подмяв девчонку под себя. Оп-ля! О-ля-ля! Я не видел лица — волосы скрывали, зато я хорошо видел, как его рука ласкает ее тело. И как это самое тело тут же начало отзываться на ласки, как девичьи руки гладят спину, оставляя едва заметные красные полосы от ногтей. Они целовались. Мари убрала патлы Каулитца за уши и, закрыв глаза, с упоением с ним лизалась. И в который раз за сегодняшний день я был сражен наповал. Я никогда не видел у него такого взгляда. Билл Каулитц похож на рысь. Он абсолютно не поддается дрессуре, никогда не знаешь, что у него на уме, если он нападает, то входит в раж и его невозможно остановить, он порвет в клочья. Это я понял не сразу, лишь спустя годы, пытаюсь обучить несмышленного малыша с огромными перепуганными глазами каким-то особым нужным в нашей профессии артиста «фокусам». От остальных можно было добиться всего, их можно было заставить, в конце концов, используя не всегда честные и приятные приемы. У них выработался рефлекс — если Дэвид сказал, значит так надо сделать и спорить бесполезно. Даже Том мне подчиняется. Нехотя, скрипя зубами, корча мерзкие рожи, но подчиняется. А если пнуть хорошенько, то и в стойку встает, какую мне надо. С Биллом же все было сложнее. Наивный и забавный зверек вырос, превратившись в огромного неуправляемого лесного хищника, который класть хотел на чужие желания, если они шли в разрез с его собственными. Он, сам зачастую того не осознавая, строил всех вокруг себя, подчиняя и подминая. Билла невозможно заставить, его можно только сломать. Ломать мальчишку я не хотел. Я разрешал ему почти все. Он за это особо не выделялся. Но все равно, оставался дикой и непредсказуемой рысью, к которой не стоит поворачиваться спиной и терять зрительного контакта. А сейчас я видел, как эта красивая тварь пушистой шкуркой стелется под ногами русской девчонки, ласкается, обволакивает своей любовью. В его взгляде не было ни вызова всему миру, ни угрозы, ни агрессии. Наверное, я впервые увидел его лицо настолько расслабленным, светящимся мягким внутренним светом, взгляд наполнен такой всепоглощающей нежностью, а прикосновения к ее телу до такой степени ласковые, что в груди защемило. Билл Каулитц, о котором с содроганием вспоминает сам президент нашего лейбла и предпочитает лишний раз не связываться, по мановению какой-то чудесной волшебной палочки превратился из рыси в нечто большое, мягкое, пушистое, в комок нежности и любви, в сахарную вату и ванильный зефир. Он задрал ей футболку, продемонстрировав мне красивую грудь. Подразнил торчащий сосок кончиком языка. Рука между ног. Судя по ее возбужденному выдоху и движениям бедер, он всю ласкает там пальцем. Мари чуть сжалась, перекрестила ноги, улыбается влюблено. А Билл не спускает с нее внимательного взгляда. Он ловит ее дыхание, каждый взмах ресниц, подрагивание тела, прикосновения рук. Шевелит губами, виновато (???) заглядывая в глаза. Она отвечает кокетливыми игривыми взглядами. Без слов. Они понимают друг друга, предугадывают желания. Я никогда не видел его таким покладистым. Билл закусил губу и весьма

недвусмысленно кивнул на открытую дверь. Взгляд, словно вересковый мед, — сладкий, манящий, тягучий. Мари для вида поломалась, потом резко притянула его к себе, обхватив ногами и руками, и по-хозяйски впиалась в губы поцелуем. Интересно, когда они успели снюхаться? В туре цапались постоянно. Там не то что любви, там и симпатии-то не было. Она его едко поддевала, он ее грубо опускал. Значит, продюсер нам не подходит, а молодая капризная звезда в самый раз? Променять состоятельного перспективного мужчину и удачливого бизнесмена на истеричную особь не пойми какого пола? Ну уж нет, тут ты ошиблась, крошка.

Он все-таки свалился с кровати. Я еле удержался от смешка. А эти веселятся, ничего не замечая вокруг! Билл на четвереньках подполз к Мари, уселся в ноги. Целует, постоянно гладит, подставляется под ласки. Билл Каулитц, который на всех смотрит исключительно сверху вниз, ластится, о чем-то просит взглядом, вымаливает что-то на коленях? Это невероятно! Как она добилась этого? Как смогла прогнуть его? Как подчинила? Рысь завалилась на спину и требует почесать животик? Однако... Чем же Мари прикормила его? Как нащупала слабое место? Чем взяла? Или это не она его? Может быть, это Билл ее уложил? Что пообещал? Он же холодный, как кусок льда. Сколько раз то девочек ему предлагали, то мальчиков. Ни черта! Сколько раз я вывозил его в клубы, где полно телок — какую хочешь мастерицу подгонят, хоть при тебе курить ****ой будет да дым колечками пускать. Этот лишь злился и отказывался. Я только одного понять не могу — он же сейчас страсть не изображает или все-таки изображает? Билл просто не способен так играть. Или способен, и сейчас глупую телку просто по-тихому трахнут в туалете?

Ну, наконец-то! Фрау Ефимова соизволила обратить на меня внимание. Сколько удовольствия можно получить, созерцая, как человек меняется в лице, как от страха шарахается назад. Билл тут же перестал быть белым и пушистым, мгновенно встав в стойку и ощерившись, — рысь почувствовала опасность и готова защищаться, ну-ну. Стояк какой шикарный. Извини, что оставил тебя без утренней разрядки. Папа Йост тоже в плохом настроении. Проснулся Георг. Дернулся нервно, бросив быстрый взгляд на любовников. Растолкал Тома и включил свет. Ай, да картина! Ай, да прелесть! Давненько я так удачно не заходил.

— Дэвид? — срывающимся голосом пискнул Кау-старший. — Ты как тут оказался?

— Дверь была открыта, — наслаждался я эффектом.

— Дермо, — зашипели Георг и Том одновременно.

Билл с отчаяньем глянул на брата. Сам же так и закрывал девчонку. Та сидела тихо, не шевелилась.

— А зачем ты пришел в такую рань? — хриплым голосом спросил Том. На лице растерянность и полнейшая беспомощность.

— Время, между прочим, пять часов вечера. Это, во-первых...

Я говорил спокойно, внимательно наблюдая за реакцией парочки. Вот Мария ткнулась лбом ему в спину, положив руку на талию. Билл тут же схватил запястье и сжал. Смотри-ка, у моей дикой рыси, оказывается, есть слабое место, которым отлично можно манипулировать. А на что ты пойдешь ради нее, а? Я задавал вопросы, они тихо несли какую-то явную фигню, причем вранье было неприкрытым и непродуманным, даже в какой-то мере глупым и недостойным.

— Мария, мы, кажется, обсуждали это. И ты уверяла, что не спишь с Каулитцем, — глумился я над ней.

Значит, мне ты отказала? Что же, тогда придется воплотить угрозы в жизнь. А ты как хотела? Сначала старшие пробуют, а потом, может, и младшим что со стола обломится. Бриллианты тебе были нужны и меха? А Каулитц выполнил твои условия?

— Кстати о работе. Можно понять, где ты пропадала три недели?

— В больнице, — спокойно ответила. Не врет. Глаза не бегают. Почему я не знаю, что мой сотрудник был в больнице? Черт побери! Почему я вообще ничего не знаю?! Что здесь происходит?

— Это хорошо, если ты сможешь подтвердить свою болезнь. Все-таки увольнение за нарушение контракта не совсем то же самое, что увольнение за уклонение от выполнения своих должностных обязанностей. — Обожаю провокации. Теперь вы мне все выложите. Хочу знать об этих отношениях все. Как давно начались? Что на самом деле происходит между ними? И насколько сильно приручена моя непокорная рысь? Такое шикарное слабое место обнаружилось у Билла. Даже через Тома до него трудно достать, а тут девчонка — поводок, ошейник и хлыст в одном лице, главное понять размер этой «ахиллесовой пятки», и тогда по ней можно будет бить, добиваясь нужного эффекта.

Мои звезды замерли в звездных позах. Билл переменялся в лице. Я видел, как рысь прижала уши и оскалилась. Шерсть на загривке встала дыбом, когти тут же обнажились. Фига тебя торкнуло. И не говори, что ты влюбился. Ты любишь единственного человека на свете — свое отражение в зеркале. Ты просто не способен любить никого, кроме себя, не умеешь и не хочешь.

— Ты серьезно решил меня уволить? — нервно захохотала Мари. — Боюсь, это не в твоих силах.

Ох, с кем ты блефуешь, девочка? Со мной? Старым прожженным служителем шоу-биза? Выкину тебя на раз-два, даже пискнуть не успеешь. Подошел к ней вплотную и отпихнул Билла.

— Если надо, тебя депортируют из страны и въезд в Европу тебе будет заказан, — улыбался ей в лицо.

— Где ты был все эти три недели? — ухмылялась она. — Впрочем, можешь попытаться меня уволить.

Зубки показывает. Да только ты — не Билл. Это он у нас незаменимый. А тебя уберут, и никто не заступится. Так бы сейчас накрыл твою наглую морду ладонью да швырнул на кровать. Ты с кем играть вздумала? Забыла, кто тебе разрешил тут остаться?

— И пытаться не буду. Ты уволена.

— Ну и слава богу, — широко улыбнулась Мария, резко поднимаясь.

Мальчишки загалдели.

— И если ты надеешься на их помощь... — я кивнул на Билла.

Ее взгляд стал холодным и тяжелым. Кажется, Каулитц нашел достойную себя девушку — такая же упрямая, наглая и сильная, со стальным стержнем внутри, который невозможно прогнуть, можно только сломать. Люблю таких. Мари смотрела с вызовом, на губах легкая

брезгливая усмешка.

— Спасибо, что облегчил мою жизнь. Ты даже не подозреваешь, какой подарок мне сделал, — бросила спокойно и пошла к двери. Я заметил огромный черный синяк на бедре. Кто это ее так? В аварию попала? На нее напали? Почему я ничего не знаю? Бля, я сейчас с них шкуры попускаю! Со всех разом!

— Дэвид, — предстал передо мной Том. — Ты не посмеешь.

— Кто мне запретит? — ухмыльнулся я. — Вопрос решенный. За нарушение контракта...

— Какой контракт? — перебил. — Она прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Дэвид, мы не на работе сейчас и имеем право на личную жизнь, — встал рядом Георг. — Мы не продавались в круглосуточное рабство.

— Отношения в коллективе... — монотонно протянул я, закуривая.

— Дэвид, это глупо, — бычился Георг. — Мари ведь не тупой синхронист. Она нам всем очень помогает. И тебе в первую очередь. Ты на ней столько денег экономишь. К тому же, кто пишет и правит все статьи? Кто генерит идеи и делает мониторинг по интернету и СМИ? Она высококлассный профессионал.

В спальню заглянул Густав. Кивнул мне. Посмотрел на друзей, оценивая ситуацию. Билл сунул мне под нос блокнот с наспех написанными строчками:

«Мария — моя. Если ты еще раз подойдешь к ней или она скажет, что ты ее опять домогался, я на минутку забуду, что ты мой продюсер. Она останется рядом со мной в любом случае, хочешь ты того или нет. Дальнейшему обсуждению данный вопрос не подлежит. Точка»

Убедившись, что я прочитал, он показал мне фак и неспешно удалился, сдернув со спинки стула полотенце.

— Кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит? — вышел я из себя. Том выхватил листок и быстро пробежал написанное глазами. Передал Георгу.

— Дэвид, ребята вместе уже год. Ты можешь ее уволить, но пытаться разбить их пару бесполезно. Мари будет рядом с ним, — сказал миролюбиво Том.

— К тому же тебе это не выгодно, — подошел Густав. — Так у тебя есть хороший работник, которого ты можешь контролировать как начальник. А если уволишь Мари, то, сам понимаешь, у нее перед тобой никаких обязанностей, никаких договоров и обязательств. Голос на нее уже не повысишь без последствий (знаешь же, наша Маша за словом в карман не полезет), за дверь не выгонишь, потому что раз не начальник, то и не указ больше. Пошлет тебя к черту и дело с концом.

— А самое главное, — подхватил Георг, — Билл теперь сможет всем рассказать, что у него есть девушка. Теперь-то это глупо скрывать, когда все открылось. По крайней мере, это избавит его от слухов, что он гей. Помнишь, вы же предлагали обзавестись ему подружкой? По-моему, Мари — идеальный вариант.

— Да, ладно, Дэйв, что ты завелся-то в самом деле? — Том открыл пачку и вытащил сигарету, прикурил. Протянул всё друзьям. — Разорался: «Уволена! Уволена!» Они действительно вместе

уже год и ничего. Ни разу не прокололись.

Георг многозначительно кивнул:

— Ты ее можешь пять раз уволить, она все равно никуда не денется. Тем более, сейчас, когда мы тут такое дело провернули. Да Каулитцы тебе ее из принципа не отдадут. Пф, — фыркнул, — нашел, чем пугать. А терять такого переводчика... Ну, глупо, ей-богу.

— Да и идти против коллектива неразумно, — многозначительно поправил очки Густав.

— Но тебе видней, — обворожительно улыбнулся Том.

— Вы что, шантажируете меня? — возмутился я.

— Да нет, — ухмыльнулся Том. — Оберегаем от неверного шага. Ты пиццу есть будешь? — Почесал пузо. — А то пиво на голодный желудок такая гадость.

— Буду, — неожиданно для себя согласился я. Сел обратно в кресло и тоже закурил. — Где она была три недели?

— Они немного повздорили с братом. Мари свалила в Берлин к друзьям и попала тут в больницу. Мы сами не знали. Насилу нашли, уговорили, вернули.

— Кто еще знает?

— Только мы, Том, Дирк, Саки и Тоби. Билл просил, чтобы Том и Дирк за ней присматривали, когда мы на выезде.

Густав принес холодную пиццу и ледяное пиво.

— Почему мне не сказали? — отпил я из горлышка.

— Ты же громче всех требовал выполнения контракта, — мягко улыбнулся Георг. — Ну и мы тоже не дети как бы... И понимаем... Видим...

— Что вы видите? — резко повернулся к нему.

— Да ты не нервничай, — хихикнул Густав.

— А я не нервничаю. Это Биллу надо нервничать.

— А он не нервничает. Ему нельзя, — отложил Том надкусанный кусок.

Мы рассмеялись.

— У вас пожрать что-нибудь есть кроме этого дерьма? — отпихнул я коробку с отвратительной пиццей.

— Я купил колбаски, кетчуп и яйца, — расправил плечи Густав.

— Может, в ресторанчик какой-нибудь сходим, а? — поморщился Том.

— Поедем в «Вивальди»! — оживился Георг. — Густав, ты не хочешь еще раз попросить дядю о спецобслуживании?

— У него есть VIP-комнаты. Сейчас позвоню.

Через несколько минут мы бесшумно покидали квартиру. Проходя мимо гостиной, я заметил, что Билл и Мари полулежат на диване, укрывшись пледом. Она устроилась в объятиях Каулитца, прислонившись к нему спиной. В руках бокал с какао, судя по стойкому запаху шоколада. На животе девушки лежит ноутбук. Билл что-то пишет в скайпе. Мари ему тихо отвечает, влюблено смотря снизу вверх. Он улыбается, целует ее в макушку и опять что-то набирает. Обнимает нежно, прижимается щекой к голове, закрывая глаза. Она подставляет шею для поцелуя. Они вместе уже год. Это невыносимо. Никогда не видел его таким заботливым и внимательным, настолько нежным и ласковым. Никого вокруг не замечают. Словно в мире больше никого не существует, кроме них. И рыси больше не существует. Есть двое, по уши влюбленных друг в друга, дышащих друг другом, растворяющихся друг в друге. Черт с ними, пусть живут. Могут же у моей дикой рыси быть свои маленькие худенькие слабости.

08 июня — 08 октября 2009 года